

АНДРЕЙ КРУЗ, ПАВЕЛ КОРНЕВ

Хмель и Клондайк

Москва, 2018

АНДРЕЙ КРУЗ, ПАВЕЛ КОРНЕВ

Тетралогия
в одном
томе

- Хмель и Клондайк •
- Холод, пиво, дробовик •
- Ведьмы, карта, карабин •
- Короткое лето •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К84

Серия основана в 2005 году
Выпуск 163

Художник
И. Воронин

Круз А., Корнев П. Н.

К84 Хмель и Клондайк: Хмель и Клондайк; Холод, пиво, дробовик; Ведьмы, карта, карабин; Короткое лето. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 1179 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2788-8

Приграничье — несколько городов, вырванных из нашего мира в царство вечной стужи, а Форт — самое сердце тех заснеженных земель. Случайно пересечь незримую грань и провалиться в эти не самые дружелюбные края может каждый, вот только далеко не каждому суждено там преуспеть и даже просто остаться в живых. Вячеслав Хмелев и Николай Гордеев не пасуют перед сложностями, но они даже представить не могли, как далеко придется зайти, чтобы отвоювать себе место под солнцем. И чем все закончится, им тоже знать было не суждено.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2788-8

© Андрей Круз, Корнев П. Н., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

● Хмель
и Клондайк ●

Коля Клондайк. Чуть раньше чем за год до событий

От Фэрбэнкса до моста через Юкон примерно сто тридцать миль. Миль. Я уже привык тут к милям и перестал пересчитывать их в километры. Больше трех часов езды по узкому и почти пустынному шоссе Аляска-2. Зимой здесь мало катаются, да и чистят дорогу не так уж и часто, снег больше ветром сдувает. Но в кабине нового, почти с нуля, «сильверато» тепло и уютно — грузовик считай из магазина недавно, новой машиной пахнет. Разве что я его еще до ума довел для дальних поездок, а по-другому здесь ездить нельзя: тут даже на выезде из города есть плакатик про то, что «не уверен — не выезжай».

Но в ту сторону совсем не страшно, со мной еще две машины. Это обратно я поеду один, тогда нервов будет чуть больше. Но у меня с собой спутниковый есть, так что совсем уж не пропаду, случись что. А так — да, не сезон кататься далеко от города, особенно настолько далеко.

Машинально поднял глаза на потолок, где у меня в креплении висит помпа «ремингтон» с пистолетной рукояткой — моя главная противомедвежья оборона. Их тут много, медведей этих самых, к тому же они вообще отвыкли человека бояться. И такие дробовики здесь опытные люди часто таскают, повесив за спину и зарядив пулей.

Глянул в зеркало: не растрепало ли брезент в кузове? Нет, все нормально, притянут «банги-кордами» к своему месту, как я его и уложил. Там, к слову, дробовиков еще десяток, не считая остальных стволов и прочего, но это я в конце маршрута отдам. В пикапе «шеви С-10», что едет позади, тоже всякого нагружено. С тех пор как в моей жизни появился Платон, он же Серега Платонов, «кондуктор», как он сам себя называет, торговля в моем магазине пошла очень лихо, не успеваю товар выписывать.

Кстати, что они вообще со всем этим имуществом делать собираются? Мужик, что вроде как за покупателя, разбирается в этом всем слабо, я поговорить успел. На половину из того, что от меня услышал, он просто глазами хлопал. А второй вообще какой-то чудной, нервный. Первый раз в Америке? Ну и что?

Хотя... они же за Платоном в первый раз, и скорее всего, единственный. Я в этом разбираюсь слабо, да и Платон, хоть потрындеть и любитель, подробностей не разглашает, но знаю точно, что система там «ниппель», то есть туда дуй, а оттуда... ничего. Занервничашь тут.

Вот в этот «ниппель» Платон сейчас и полезет, вместе с двумя машинами и тремя людьми. Потом он опять появится здесь, через месяц или два, а вот эти трое и две машины так и исчезнут. Где-то там, куда они едут. А мне и здесь хорошо. Я вновь закажу всякого, найду пару очередных пикапов почтенного возраста, но в хорошем состоянии, вроде тех, что сейчас со мной в колонне идут, отдам их мастерам, которые доведут их до состояния «почти новые», а Платон потом рассчитается со мной наличными — и всем хорошо.

Зеленые ели, серый асфальт, белые наметы снега на нем. Ветер сильный и злой, чувствую, как машину время от времени просто раскачивает на дороге. А идущий впереди красный «форд» так еще и виляет заметно под его порывами. И ни единой души навстречу за последний час поездки так и не попало. Аляска, да еще и центральная ее часть, кому тут ездить? И нефтяные места мы в основном миновали.

— Платон, не проскочи, скоро сворачивать, — напомнил я по радио.

— Помню, — ответила его голосом маленькая пластиковая коробка.

— Эй, в «шеви», как слышите? Почти на месте, скоро сворачиваем.

— Я понял.

Кто из них ответил? Пока по голосам не научился различать. Да и учиться незачем: больше все равно не увидимся никогда.

Кстати, почему Платон сплав для пуля не у меня заказал? Не проще было бы? Сам привез откуда-то, в ящиках. Вон их вижу, под брезентом, как раз впереди. Увидел и вспомнил. Я же такой почти бесплатно мог подогнать.

Так, уже поворот... изменившийся ветер хлестнул крупой в лобовое стекло. Это еще не зима, но зима на носу.

Узкая техническая дорога то ли лесной службы, то ли к какому-то старому нефтяному объекту. Указатель снесли давно, а специально не интересовался. Нам от шоссе ехать недалеко — всего метров триста, за первый изгиб проселка.

Свернули, встали в колонну вдоль дороги, при этом я жестом пропустил ехавший сзади «шеви» вперед. Я останусь, а ему уезжать. Когда машина с двумя мужиками внутри проехала мимо, столкнулся взглядом с ее пассажиром. Напряженный он явно... или я ему не нравлюсь. Но вообще с Платоном и его людьми эксцессов не бывает, не первый раз встречаемся и не в первый раз сюда приезжаем.

Ну все, теперь здесь потоптаться придется. А может, даже и вернуться, такое пару раз тоже случалось. Покрутится Платон по снегу, съжвившись и засунув руки в карманы, а потом плюнет и скажет, что, мол, поехали обратно, не открылось окно. И придется вновь возвращаться сюда через пару дней. А вот два раза возвращаться уже не приходилось: на второй раз всегда все срабатывало.

Не взглянуть бы.

Синхронно открылись двери во всех машинах, люди выбрались наружу. Платон, высокий, плечистый и румяный, круглое лицо с кудрявой светлой бородой, совсем молодой, к слову, даже борода его старше не делает, прямо стоя у кабины, сменил легкий красный пуховик на добротный тулуп. «Там холоднее», — как-то объяснил он мне. С ним еще один мужик, назвался Дмитрием, лет под сорок, худощавый, похож на военного — я своих

всегда узнаю. Он из Питера прилетел неделю назад и ждал Платона в Фэрбэнксе, в мотеле. Мы с ним и по пиву успели сходить. Сейчас у него на плече кобура с револьвером из моего товара, но он идет туда, куда все они идут, с одним рюкзаком, все остальное на этот раз двое из «доджа» закупили.

Старшим у них Валентиныч, как он сам себя представил, веселый такой мужик за тридцатник возрастом, невысокий и шустрый, вроде как из Омска. Ни к какой конкретной категории я его не отнес, мужик и мужик, на руке, на тыльной стороне ладони татуировка какая-то, но не блатная и не дворовая, а прямо произведение искусства — руны, переплетенные в узор. С его внешностью и манерой общения такой партак совсем никак не вяжется. Я спросил у него, что это все означает, но он отмахнулся и сказал, что сам не знает. «Там нужно, говорят», — пояснил он.

Вторым был Серега — высокий, бритый почти наголо, мне почему-то омовца напомнил. Убей бог не пойму почему, но вот такая ассоциация. Может быть, похож на кого-то, кого я раньше встречал, не знаю. Серега особо в разговор не лез, доверял это дело Валентинычу, а тот за двоих справлялся с большим успехом.

— Платон, что? — крикнул я. — Перегружаемся?

Ветер опять накинулся порывом, забравшись под расстегнутую куртку, и я прижал полы руками, не дав им подняться крыльями и позволить выдуть из меня все скопленное в кабине тепло.

— Погоди!

Ага, с «окном» разбирается — сработает или нет. Совершенно неожиданно Валентиныч сказал, подойдя:

— Да нормально все будет, давай перекидаем ящики, чтобы потом времени не терять.

— Уверен? — усомнился я, бросив взгляд на повернувшегося ко мне спиной Платона.

— Я тебе точно говорю, — уверенно кивнул Валентиныч.

Вообще это был не звонок, а сигнал тревоги, и если бы я знал об этом столько же, сколько знаю сейчас, то черт знает, как бы та история закончилась. Но знал я мало и на странности внимания почти не обратил. Ну почти не обратил. Поэтому спокойно отстегнул брезент в кузове своего «сильверрадо» и взялся за ручки верхнего ящика, глуховато звякнувшего металлом внутри.

— Давай, Серега, помогай ему. — Валентиныч чуть подтолкнул в спину своего напарника.

Платон между тем прошел по дороге дальше, не обращая на нас никакого внимания. Он, пока своего «окна» ждал, чуть не в транс впадал, на внешние раздражители не реагируя. И это было второй причиной, по которой я тот сигнал тревоги пропустил.

Мы с Серегой, к которому присоединились и Валентиныч с Дмитрием, быстро перебросили груз из моего кузова в «шеви», затянули брезент. Тяжеловато получилось, как мне кажется, но я у него подвеску усилил. Валентиныч о чем-то болтал, к чему я не прислушивался, Дмитрий пытался на ветру закурить сигарету, закрывая огонек зажигалки ладонями, а вот Серега выглядел как-то... совсем нервно. Так нервно, что мне это совсем не понравилось.

Где-то в глубине сознания шевельнулась мысль о том, что все идет как-то неправильно. Может, и правильно по всем внешним признакам, но все равно наперекосяк. И Валентиныч как-то неуместно болтлив, и Серега что-то на нервах явно, и Платон вообще ни за чем вокруг не следит...

А Платон возвращался по дороге быстрым шагом, с довольным выражением лица, какое у него всегда бывало, когда он убеждался, что «окно» работает. При его появлении Серега совсем напрягся, правая его рука скользнула за спину, где висел стволом вниз дробовик из моих опять же запасов, и тут в голове у меня зазвенели колокола громкого боя.

Вообще-то у меня не только дробовик в кабине висел под потолком. Куртка на мне была распахнута, но вполне удачно прикрывала кобуру с двадцатым «глоком», за который я схватился, чуя быстро набегающее нехорошее, и заорал:

— Замерли оба!

Серега оказался на удивление быстр со своей помпой. Он был левшой, как я успел заметить, поэтому и предпочел из всех дробовиков «браунинг», который бросал стреляные гильзы вниз, под ноги. Еще он нес оружие «по-африкански», то есть стволом вниз на стороне слабой руки. Когда я еще поднимал пистолет на уровень глаз, Серега успел перехватить свой «браунинг» за цевье, направив его на меня и быстро сместившись в сторону, и даже взять его сильной рукой. Но все же я сработал быстрее — «глок» дважды треснул выстрелами, выплюнул двойку десятимиллиметровых пуль Сереге в грудь, заставив качнуться назад, заваливаясь на красный борт пикапа, а затем я перенес огонь на оказавшегося все же не таким расторопным Валентиныча.

Тот заорал что-то ругательное, схватился за свое ружье, но запутался в ремне, засуетился, и я его застрелил вполне прицельно — два в грудь, один в голову, — убив на месте.

Я умею стрелять, причем умею это делать очень хорошо. Намного быстрее и точнее, чем большинство других стрелков. Поэтому и удивился неожиданной расторопности Сереги, который сидел сейчас на снегу у машины, глядя на меня широко раскрытыми глазами, а изо рта у него толчками выплескивалась кровь.

Не могу сказать, что я хотел сделать в тот момент: допросить его или просто добить? Нет, не помню. Помню, что я ни на секунду не подумал о том, что Дмитрий тоже может быть угрозой. Он ведь приехал отдельно и даже сюда катил в кабине с Платоном, а не с этими двумя. Поэтому в меня он выстрелил без всяких помех, я даже не увидел, как он вскинул оружие.

Тяжелейший удар в грудь, остановившееся дыхание, крик Платона: «Ты что сделал, дурак?» — и дальше закружившееся небо.

Скрип снега. Красное на белом, я упал на бок.

Сознания я так и не потерял, хотя дыхание отказывалось возвращаться, а боль в груди была такой, что я должен был умереть от нее на месте, просто не выдержав. Еще больнее стало, когда я увидел растерянное лицо Дмитрия совсем близко. Потом меня оторвало от земли, и я оказался в кузове пикапа, прямо на желтом брезенте, укрывающем ящики. Теперь уже изо рта у меня лила вишневого цвета кровь, я чувствовал ее вкус и слышал, как она хлюпает у меня в легких.

«Хана», — созрела четкая мысль, мгновенно превратившаяся в уверенность.

С такими ранами не живут. И с таким кровоточением.

Страха не было. Страх — он от надежды, а надежда даже близко ко мне не подошла. Это уже смерть, я — часть круговорота всего сущего в природе.

Ну и куда меня собираются везти? Зачем? Что это изменит? Упрятать труп? И почему Дмитрий? И при чем тут Платон? И что это вообще было?

Я даже успел ощутить, как машина подо мной рванула с места, а дальше меня насквозь прострелило болью, и свет в глазах померк.

Хмель. За неделю до событий

Утро! Я люблю утро.

Люблю тишину и спокойствие пустого бара, люблю посидеть за стойкой, пока не заглянули на огонек ранние посетители и не подошел персонал.

Хотя персонал — это громко сказано. Всего персонала у меня Ваня Грачев — бармен, грузчик и охранник в одном лице, да тетя Маша — проходящая стряпуха. Ну еще девчонок из «Ширли-Муры» время от времени на подмену вызываю, но их даже не пытаюсь запомнить, постоянно меняются.

А больше и не надо никого. Бар невелик, пять столов-кабинок да стойка с кранами. Но не распивочная, вовсе нет. Приличное заведение, мебель мореного дерева, свежее пиво.

Из-за пива сюда и приходят: пиво у меня собственное. Сам варю, сам продаю. На пиве и зарабатываю, а бар — так, больше для души.

Говорил уже, что нравится постоять за стойкой с утра? Вот-вот.

Пошарив по карманам карго-штанов, я достал коробок и начал выкладывать перед собой таблетки-горошины. Семь штук.

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Именно так — по цветам радуги: красная, оранжевая, желтая, зеленая, голубая, синяя и фиолетовая. Чтобы точно не ошибиться.

Я наполнил стакан кипяченой водой из чайника, снял с левого запястья браслет со старенькой «Омегой» — вещицей еще из той, прежней жизни, — и тут за широким, забранным квадратами заиндевевших стекол окном мелькнула тень. Распахнулась дверь, с улицы ворвались клубы пара, повеяло холодом; двое крепких парней начали затаскивать в бар пустые кеги.

— Ставьте в угол, — попросил я.

— Да пусть вниз сразу отнесут! — предложил появившийся вслед за грузчиками светловолосый широколицый парень в распахнутой дубленке, крепкий и широкоплечий, но с заметным пивным животиком.

— Привет, Денис! — поздоровался я с совладельцем клуба «Ширли-Муры», через который расходилась добрая половина моего пива. — Пусть оставляют, Ваня сам отнесет.

— Совсем ты, Хмель, его загонял, — усмехнулся Селин, усаживаясь на высокий стул у стойки. — От него только кожа да кости остались!

Я вежливо улыбнулся. При росте в два метра и весе сто тридцать килограмм Ваня впечатления заморыша нисколько не производил; скорее уж наоборот.

— Это у вас он отъелся, — возразил я. — А у меня только-только в форму возвращаться начал.

Иван перешел ко мне как раз из «Ширли-Муры», где до того несколько лет проработал охранником. Человек он был надежный и проверенный, с обязанностями помощника справлялся на «отлично», заодно и за порядком приглядывал.

И мне спокойней, и его бывшим работодателям тоже... спокойней. При других обстоятельствах они могли бы стать моей крышей, но за охрану я им не платил, просто не задирали цены, только и всего. Как не задирали и другим своим оптовым покупателям — клубу «Западный полюс», владельцы которого имели непосредственное отношение к Дружине. В результате спокойно жил, не опасаясь ни пересмотра условий сотрудничества, ни выкручивания рук. Система сдержек и противовесов, как она есть. В Форте без этого никак.

Грузчики затащили в бар последние кеги и составили их в свободный угол, тогда я распахнул дверь и показал выставленную вдоль стены замену — десять кег по пятьдесят литров каждая.

— И мне пива захвати! — попросил Денис.

Я кивнул и сходил в «холодную» комнату, в уличной стене которой было пробито несколько сквозных отверстий. При желании их можно было заткнуть деревянными заглушками, но сейчас в этом никакой необходимости не было: термометр показывал десять градусов по Цельсию. Для пива лучше не придумаешь, а продукты хранились в соседней клетушке, там было холоднее.

Взяв с полки бутылку с бугельной пробкой, я вернулся за стойку и аккуратно перелил пиво в стакан. Полностью опустошать бутылку не стал — остаток с осадком выплеснул в раковину.

— Не многовато колес с утра? — поинтересовался Денис, принимая бокал.

Я выставил перед собой указательный палец, засек время и закинул в рот красную таблетку. Проглотил, запил глотком воды, выждал пятнадцать секунд и взял следующую.

Менять интервал между пилюлями и особенно очередность их приема не рекомендовалось производителем категорически. Возможно, это ничем особенно страшным и не грозило, но рисковать я не собирался в любом случае.

— И для чего это все? — усмехнулся Селин, отпив пива.

— Витамины, микроэлементы, красные кровяные тельца, давление... — сообщил я, допив воду.

— Давление? — немедленно усмехнулся Денис. — Это чтоб стоял, что ли? По бабам собрался?

— Мой лечащий врач такого не одобряет, — покачал я головой.

— Твой лечащий врач не одобряет баб?

— Категорически, — подтвердил я. — Никаких баб, кроме лечащего врача.

— А! — рассмеялся Селин. — А то уже беспокоиться за тебя начал.

Я нацепил металлический браслет с часами на запястье и защелкнул замок.

— Не стоит за меня беспокоиться.

— Да уж вижу, что не стоит, — хмыкнул Денис, допил пиво и щелкнул пальцем по пустому бокалу. — Вот почему ты нам такого пива не отпускаешь?

— Экономически нецелесообразно. Да и спросом пользоваться не будет.

Селин фыркнул:

— Мне же нравится!

— А как плевался первый раз?

— Дело привычки.

— Люди привыкли к пиву качественному и простому, так зачем их смущать? — усмехнулся я. — Кому нужно что-то особенное, «Мозаик блонд эль» или «Эль американский янтарный», тот всегда может зайти ко мне. Да я такого много и не варю, только для ценителей.

— А стаут? — спросил тогда Денис. — Стаут почему нам не продаешь?

— И стаута много не варю, — пожал я плечами. — Светлый эль хорош тем, что две недели брожения, потом неделя выдержки — и он готов. Две варки в месяц по тонне пива. Оборачиваемость отменная. А стаут выдерживать минимум три месяца надо. Емкости дополнительные понадобятся, капиталовложения...

— Мы обеспечим вложения.

— А выхлоп нулевой выйдет. И смысл?

— Расширяйся, — предложил Денис. — Мы одну точку на Южном бульваре выкупаем, закупки увеличим.

— Не интересно, — покачал я головой. — Денис, ты же знаешь, я по сырью целиком и полностью от поставок из Северореченска завишу. Хмель, солод, пшеница — все оттуда идет. Четыре центнера в месяц — это еще куда ни шло, а запрошу больше — повысят цену или вообще кислород перекроют. И вы со всеми своими связями ничего с этим поделывать не сможете. Плюс людей дополнительно нанимать и за аренду платить: подвал полностью заставлен. В итоге получается, что работать я стану в два раза больше, но за те же деньги. И смысл?

— А...

— Нет, — отрезал я. — «Западный полюс» я без пива не оставлю. У нас долгосрочный договор.

— Что за человек ты такой, Хмель? — кисло глянул на меня Селин. — Как угорь изворотливый. И ведь знаю точно, что лапшу на уши вешаешь, а не подкопаешься.

— И не надо.

— Тащи еще бутылку, — махнул рукой Денис, снял дубленку и кинул на соседний стул. — Но если что — имей нас в виду. Предложение об инвестициях в силе.

— Хорошо, — кивнул я и отправился за пивом.

Вновь наполнил бокал гостя, потом достал из-под прилавка бутылку с настоящим на травах самогоном и набулькал две стопки, себе и Денису.

— Не будь ты таким упертым ослом, Хмель, — вздохнул Селин, — мы бы весь Форт пивом снабжали!

— Мочой, — поправил я собеседника.

— Как сказал один римский император по схожему поводу: «Деньги не пахнут», — возразил Денис и в несколько глотков осушил бокал с пивом.

— Предпочту остаться при своих, — заявил я и взял стопку.

Мы чокнулись и выпили.

— Вот и виски ты не ставишь, — укорил меня Селин, шумно выдохнул и потряс головой. — Крепкий, зараза!

— Все эти виски и коньяки — от лукавого, — поморщился я. — Ты не представляешь, сколько там спирта в процессе выдержки впустую испаряется!

— Крохобор, — фыркнул Денис и взял со стула дубленку.

Вновь распахнулась дверь, с улицы зашел краснолицый товарищ, крепостью сложения под стать Селину, только выше его на голову и с еще более вызывающе выпирающим из-под армейского полушубка животом.

Александр Ермолов, глава всея пограничной службы и цельный подполковник.

— Здоров, Денис! — обрадовался он при виде Дениса.

— Привет, Шурик!

Они обнялись и по-приятельски похлопали друг друга по спине.

— Лысое чудовище не появлялось? — спросил после этого Селин.

— С того лета ни слуху ни духу, — ответил Ермолов. — Но я своим на границу циркуляр спустил, если объявится — маякнут.

Денис подавился смешком и покачал головой:

— Насмешил. До слез, блин! Думаешь, он через пост пойдет?

— А почему нет? — развел руками Ермолов и демонстративно потер котяшками пальцев петлицу с тремя шпалами. — Претензий к нему нет...

— Очень сомневаюсь, — покачал головой Селин, махнул мне на прощанье рукой: — Бывай, Хмель! — и вышел за дверь. Не стал даже шапку надевать, благо идти отсюда до «Ширли-Муры» было от силы пару минут. Требовалось просто перейти через Красный проспект и немного подняться по нему вверх.

— Че стоим, кого ждем? — навалился тогда Ермолов на стойку. — Наливай, Хмель!

Я тяжело вздохнул и вытащил из-под прилавка бутылку с самогонном.

— Вздоргнем! — выдохнул пограничник и влил в себя настойку.

Выпил и я.

— Как обычно, темного крепкого? — спросил после этого, пряча бутылку.

— Ящик, — кивнул Ермолов.

Я сходил в холодную комнату и вынес картонную коробку с дюжиной пол-литровых бутылок русского имперского стаута. Впрочем, с Россией это пиво связывала лишь красивая легенда, а приставкой «имперский» оно было обязано исключительно высокой плотности. Обычный стаут, двойной, имперский... Как-то так.

Такой стаут я варил исключительно под заказ. Ну и для себя немного.

— Чек на неделе пришлю, — предупредил Ермолов, забирая пиво. — Идет?

— Не вопрос, — кивнул я. — А бутылки?

— Старые? — озадачился глава погранслужбы. — Позавчера с нарочным отправлял.

— Секунду! — Я раскрыл грессбух, отыскал сделанную Грачевым отметку о приеме двенадцати бутылок и кивнул: — Порядок.

— У нас все четко! — рассмеялся Ермолов и поднял со стойки увесистую коробку.

Я прошел к двери и открыл ее, выпуская покупателя на улицу.

Перед самым крыльцом стоял внедорожник УАЗ «Хантер»; он был выкрашен серо-белыми разводами городского камуфляжа и оттого в утренних потемках походил на кучу подтаявшего снега. Рядом переминались с ноги на ногу двое пограничников, с автоматами и в разгрузках.

— Серьезная охрана.

— Статус обязывает, — вздохнул Ермолов, шагнув через порог.

Он спустился с крыльца и вместе с коробкой пива забрался на широкое заднее сиденье; я прикрыл дверь и вернулся за прилавок.

Утро! Я люблю утро, тишину и спокойствие, но в баре это товар несчастный.

Только отметил в грессбухе отпуск пива, как появился Иван Грачев.

— Здравствуйте, дядя Слава! — поприветствовал меня помощник, расстегивая синюю «аляску». — Как оно ваше ничего? Какие планы?

— Оставайся за старшего, — сообщил я. — Пойду пиво варить.

— Помочь? — спросил Ваня, выдернул из мишени дротики, отступил и один за другим метнул их обратно в доску.

— Позову дробнину выгрести, — предупредил я помощника и спустился в подвал, где была оборудована пивоварня.

Надо сказать, с домом мне повезло. Кирпичный особняк располагался в непосредственной близости от Красного проспекта, с крыльца даже был виден перекресток, но при этом задним двором выходил он на заброшенный район и потому особого интереса у торгового люда никогда не вызывал. После переноса города в Приграничье здесь какое-то время обитали бандиты, затем квартировала рота дальней разведки Патруля, а когда ее со скандалом расформировали, здание начали долго и муторно продавать. Я выкупил половину и был уверен, что соседей в обозримом будущем не появится, но год назад один оборотистый товарищ открыл во второй части особняка оружейный магазин.

Оно и к лучшему: одному за домом следить было достаточно накладно. Да и ладили мы с Николаем Гордеевым по прозвищу Клондайк неплохо, благо общих знакомых хватало. Кроме того, Николай, как и я, работал с Сергеем Платоновым, и тот факт, что сотрудничество это афишировать не следовало, нас только сближал.

Подвал в особняке был добротным, с высокими сводчатыми потолками и дощатым полом. В первом помещении были установлены варочный котел, фильтровально-заторный чан и бак для промывочной воды, соединенные между собой через насос для высокотемпературных жидкостей шлангами из нержавеющей стали. Такой же шланг через охладительную систему уходил в смежную комнату, где стояли сужающиеся книзу стальные танки для брожения. Там же уместились пластиковые баки поменьше, в них дозревали «эксклюзивные» и экспериментальные партии пива. Проход закрывала

массивная деревянная дверь, подбитая для сохранения нужного температурного режима резиной. Здесь было жарко, там — прохладно.

Огонь в печурке под котлом уже едва трепетал; я проверил температуру воды и начал засыпать в нее молотый солод. Пока перетаскал без малого два центнера — аж упрел. После этого приладил на место крышку и запустил стоявший в углу электрогенератор, выхлопные газы от которого уходили по прокинутому через отдушину резинового шлангу на улицу. Обошелся генератор совсем недешево, да и солярка денег стоила, зато не приходилось надрываться, размешивая затор вручную, и самолично качать помпу, перекачивая сусло. Да и вытяжка лишней вовсе не была.

Механизация!

Генератор негромко заурчал, и сразу вздрогнул электродвигатель, начала вращаться опущенные внутрь бака лопасти.

Все, процесс пошел; теперь остается только за температурой следить. Впрочем, технология отработана, вмешиваться, скорее всего, не придется.

Закинув угля в топку под варочным котлом, я засекаю время и начал вытаскивать из подвала пустые алюминиевые фляги. Воду приходилось заказывать из-под Старой Мельницы: источникам внутри городских стен я не доверял. И сам собственный продукт употребляю, и людей отравить не хочется. За такое и к стенке поставить могут. Здесь в санэпидстанции чистые звери работают.

Пока возился с флягами и подметал разлетевшуюся всюду при помолке солода пыль, уже и время подошло. Я поднялся в бар, по-прежнему пустой, уселся за стойку и окликнул помощника:

— Вань, пора фильтровать и дробину выгребать. Сам справишься?

— Не вопрос, — подтвердил тот. — Хмель сразу засыпать или подождать, пока закипит?

— Сыпь сразу, пакеты на столе лежат. Там подписано.

— Хорошо.

Помощник спустился в подвал, а я сходил в холодную комнату с продуктами, сделал себе пару бутербродов и вернулся за стойку. Но только с кухоньки раздался свист закипевшего чайника, как вновь распахнулась входная дверь. Вот и позавтракал.

Высокий плечистый мужчина средних лет стянул с головы шапку, пригладил ладонью короткие русые волосы с проседью и шумно потянул носом воздух.

— Слав, опять варишь? — спросил Николай Гордеев, он же Клондайк, он же мой сосед и совладелец особняка.

Я принял к давно ставшему привычным запаху и рассмеялся:

— Завтра перловку для стаута жечь буду.

— Завтра меня в Форте не будет, — махнул рукой Николай. — Так что жги, Слав, не стесняйся никого. Дом только не спали.

— Да уж постараюсь, — пообещал я и спросил: — Завтракать будешь?

— Нет, — качнул головой сосед, — я чего зашел: отъеду на пару дней, лады? Объявление повешу, чтобы к тебе обращались насчет время там назначить или что. Хорошо?

— Да не вопрос. Пусть заходят, мне же клиентов больше. А если звонить будут, — кивнул я на дисковый телефонный аппарат на другом краю стойки, — в баре всегда кто-нибудь есть. Ответят, своих предупрежу.

— Вот и ладненько! — Николай пожал мне на прощанье руку и отправился по делам.

Тогда я со спокойной совестью налил себе чаю и позавтракал, а потом в бар поднялся взмыленный Иван.

— Сделал, — сообщил он.

— Все, остаешься на хозяйстве, — объявил я, — как с пивом закончу, поеду за продуктами.

— Список не забудь! — напомнил помощник и протянул исписанный убористым почерком поварихи листок.

Я сунул перечень в один из многочисленных карманов штанов и спустился в подвал. Запах внизу изменился, стал более острым — теперь в нем явственно проступал аромат хмеля. Сусло закипело, и вытяжка с возросшей нагрузкой справлялась вовсе не лучшим образом. Стало жарко.

Расстегнув ворот фланелевой рубашки, я засек время и отодвинул засов угольного люка. Распахнул его — в лицо посыпался снег.

Черт! Не сообразил почистить с улицы.

В подвал клубами пара ворвался морозный воздух; я не стал возвращаться за курткой и по узенькой деревянной лесенке выбрался во двор. Отпер каретный сарай, выбрав нужный ключ на связке, уловил непонятное давление, мысленно проговорил кодовую фразу — и охранное заклинание уснуло, снятое до следующего раза.

Не терплю всей этой чертовщины, но лучше на нормальную охрану потратиться, чем после грабителей порядок наводить. Магия иной раз весьма и весьма жизнь упрощает; если не сказать — продляет.

В каретном сарае стоял мой железный конь — неброской серой расцветки УАЗ-«буханка» с глухой кабиной, вместо окон в задней части которой были бойницы, закрытые железными шторками на манер инкассаторских машин. Я завел двигатель, подогнал автомобиль задом к угольному люку и оставил прогреваться. Сам спустился вниз, ухватил пакет из-под мусора с дробниной и поволок его наверх.

Дробленый солод после затирания — это та же самая каша, но людям ее не предложишь, а вот свиньям или уткам — в самый раз. Этим и пользуюсь.

В подвале я накинул короткую теплую куртку, ухватил следующий мешок и поволок его во двор. Пока носил в машину дробнину, подошло время добавления второй порции хмеля. Всыпал содержимое одного из пакетов в кипящее сусло и поднялся в бар.

— Ваня! — окликнул помощника, который в одиночестве скучал за барной стойкой. — Через пятнадцать минут надо будет последний хмель засыпать. Сделаешь или мне задержаться?

— Сделаю. Если что, тетя Маша с посетителями подстрахует.

— Она подошла уже?

— У себя, — кивнул Иван. — Потом еще пятнадцать минут дать покипеть и перекачивать в баки?

— Да. И дрожжи залить не забудь. Только проверь, чтобы температура в норме была. А котел не трогай, сам его вечером вымою. На тебе двор — снег уберу.

— Хорошо, сделаю, — пообещал Грачев и не удержался от скептической ухмылки, когда я достал из-под стойки жезл «свинцовых ос».

Нет, иронии помощника вызвало вовсе не наличие в баре оружия само по себе — наличие оружия он одобрял целиком и полностью, — смущал Грачева мой выбор. Сам бы он предпочел держать под стойкой дробовик, но позиция Дружины в этом отношении была непоколебима: никакого огнестрельного оружия в пределах городских стен. Либо сдавай в Арсенал у ворот, либо ставь чародейскую пломбу, которая при попытке высвободить спусковой крючок пометит и ружье, и его владельца так, что любой колдун почует остаточный фон даже с сотни метров. И здравствуй штрафной отряд...

— Клондайк вон лицензию себе оформил, — многозначительно произнес Иван, начиная давным-давно опостылевший мне разговор.

Наш сосед и в самом деле помимо торговой лицензии через знакомых оформил — читай, купил — разрешение на ношение оружия. Мог бы последовать его примеру и я, но делать этого не стал. Просто не хотел влезать в долги. Ты — мне, я — тебе; у нас только так.

К тому же лично меня жезл «свинцовых ос» устраивал целиком и полностью. От старых, гнутых чародеями Братства палок давно осталось одно лишь название, мой жезл напоминал короткую, всего сантиметров сорок длиной, винтовку. Деревянное ложе в компоновке булл-пап, удобный приклад, стальной ствол, быстросъемная банка с шарами, присутствовала даже планка Пикатинни и переключатель огня с автоматического на одиночный.

В чем подвох? Без подвоха не обошлось: сертифицированные для продажи в Форте магическое оружие и амулеты обладали одной немаловажной особенностью — они не срабатывали против обладателей служебных блях, посему дружинники могли не опасаться поймать затылком свинцовый шар калибра .375.

Я же с Дружиной воевать не собирался, так помощнику и заявил. Он только плечами пожал и остался при своем мнении:

— Дробовик надежней.

Спорить я не стал и вышел на задний двор, прихватив «Шершень», как называлась эта модель жезла.

Зачем оружие? Станный вопрос. Когда задворки дома выходят на заброшенный район, где в подвалах того и гляди заведется какая-нибудь нечисть или того хуже — найдут убежище бродяги, без оружия чувствуешь себя не в своей тарелке. Да и некоторые вполне приличные люди по-хорошему не понимают. А у меня бизнес, мне накладки ни к чему.

Именно поэтому я положил «Шершень» на пассажирское сиденье, проверил, на месте ли на совесть заточенная малая пехотная лопатка, и только после этого принялся отскрести от инея лобовое стекло. Потом выгнал УАЗ на улицу и, выдернув ключ из замка зажигания, сходил закрыть ворота.

Нацепленное на палец кольцо с ключами пощекотало кожу непонятным давлением, но к этому давно привык и не обратил никакого внимания. В пе-

рекрученной медной проволоке таилось немудреное заклинание, прозванное местными умельцами «Щелчок». В одну сторону покрутишь — ударит несильно, в другую заведешь — может и голову снести. Хитрая штука и, разумеется, сертифицированная. Мне проблемы с законом ни к чему.

Объехав двухэтажный особняк красного кирпича, я притормозил у съезда на Красный проспект, пропустил груженную бочками телегу и повернул направо. Снег ночью не шел, но и так ехать приходилось по намертво смерзшейся колее; благо транспорта на дороге было мало — лишь изредка попадались сине-белой расцветки машины Дружины, сани и небольшие юркие фургоны наладивших грузовые перевозки коммерсантов.

Красный проспект служил естественной границей между западной частью Форта и центром, и разница между соседними районами здесь проявлялась самым наглядным образом: справа тянулся заброшенный гаражно-строительный кооператив, слева возвышались жилые девятиэтажки. Несмотря на все усилия привлечь людей на запад и Северную окраину, особенно успехами заправлявшая там Лига похвастаться не могла. Люди неохотно перебирались туда, предпочитая селиться на территориях, подконтрольных Дружине. Только район вокруг госпиталя и процветал, если так можно выразиться.

На перекрестке с Южным бульваром я притормозил и пропустил пару затонированных вкруговую внедорожников. Автомобили рыкнули мощными двигателями и покатали к дорогим магазинам и развлекательным заведениям, я тоже задерживаться на пересечении улиц не стал, переехал через бульвар и свернул в частную застройку поселка Луково.

Затянутое облаками серое небо нависало над крышами одноэтажных барачков и высокими мансардами коттеджей, из многочисленных печных труб к нему тянулись стойки дыма. Дорога окончательно превратилась в две накатанные в глубоком снегу колеи, но я ехал привычным маршрутом и потому несколько не волновался. Свернул раз, другой — и вскоре притормозил перед высокими воротами добротного бревенчатого особняка.

Дом напротив выглядел нежилым, но стоило только «буханке» остановиться, как занавески на одном из его окон колыхнулись и за серебром инея мелькнуло чье-то лицо. Я на это никакого внимания не обратил, спокойно выбрался из кабины и несколько раз ударил железным кольцом о дверь калитки.

Вскоре послышался скрип снега, дверь распахнулась, и на меня настороженно глянул невысокий, крепкого сложения мужичок в тулупе, шапке-ушанке и собачьих унтах. С плеча его свешивался гладкоствольный карабин двенадцатого калибра «Сайга», из-за голенища торчала рукоятка солидных размеров ножа.

— Ты один? — спросил Семен Лымарь, подвизавшийся при хозяине кем-то вроде охранника.

— Нет, блин, десяток нелегалов в кузов забил! — хмыкнул я. — Один, разумеется!

— Заезжай, — разрешил тогда Лымарь и распахнул ворота.

Я загнал автомобиль во двор, и сразу в сени вышел бородатый дядька лет шестидесяти.

— Слава! — радушно поприветствовал он меня. — Свинки тебя заждались!

— Виктор Петрович! — развел я руками. — Рад видеть вас в добром здравии!

— Проходи, Слава, проходи, — позвал меня дядька в сени и спросил Лымаря: — Спокойно все?

Семен выглянул на улицу, закинул ружье за спину и подтвердил:

— Спокойно.

— Тогда выгружай.

Лымарь начал выволакивать из УАЗа мешки с дробниной и таскать их в сарай, на обратном пути он переносил к машине коробки с куриным яйцом, пакеты с уже разделанным кабанчиком, домашними сосисками и колбасками. Сотрудничество с хозяином у нас было взаимовыгодным в полном смысле этого слова.

В сенях я достал из кармана куртки узелок и выставил на подоконник стопку увесистых «соболей» — серебряных монет весом тридцать один грамм каждая.

Виктор Петрович придирчиво осмотрел трехрублевки и даже провел над ними чарофомом — универсальным магическим прибором, вставленным в корпус обычного мобильного телефона, — и увиденным остался доволен.

— Порядок, — пробурчал он, закуривая вонючую папиросу, из-за которых его борода давно приобрела непередаваемый желтовато-коричневый оттенок. — Семен, давай к нам!

Лымарь скрылся в сарае и следующую картонную коробку занес уже в сени.

— Проверь! — раскрыл он ее, выставив на подоконник.

Внутри оказались блистеры с таблетками, наполненные разными хитрыми препаратами одноразовые шприцы и пузырьки с разноцветными пилюлями. Это уже мне.

— Все по списку? — уточнил я.

— Все по списку, — подтвердил Виктор Петрович.

— Вот и отлично! — Я закрыл коробку и сунул ее под мышку. — Семен, завтра-послезавтра приходи за новым перечнем.

— Заметано, — кивнул Лымарь.

Я распрощался с хозяином дома и вернулся в машину. Когда Семен открыл ворота, помахал ему на прощанье рукой и вывел УАЗ на улицу.

Уже говорил, что у нас взаимовыгодное сотрудничество? Все верно. Так оно и есть.

Господин Бородулин заведовал лабораторией на промзоне и варил для Гимназии какую-то совсем уж убойную химию, но денег много не бывает, и под мою личную гарантию, что его продукция не засветится в Форте, Виктор Петрович поставлял лекарства, которые сохраняли большую часть своих целебных свойств и в нормальном мире. Переправлять их туда было заботой моего компаньона Сергея Платонова — кондуктора, способного переходить через границу и таскать туда-обратно всякие полезные штуки.

Вылечить неизлечимую болезнь за курс из десяти инъекций дорогого стоит, а люди не имеют привычки скупиться, когда речь идет об их здоровье. Особенно люди состоятельные. Никаких страховых компаний и полисов — только наличные. И даже так очередь была расписана на несколько месяцев вперед.

Возможно, это нас и подвело. Я вспомнил о прошлогодней попытке покушения на Платона и помрачнел. Пусть уже год прошел и кондуктор уверился, что груз хотели забрать случайные люди, я об осторожности забывать не собирался. Вычислили один раз — вычислят другой.

Впрочем, утечка информации случилась точно не с моей стороны. Платон ничего не знал о Викторе Петровиче, а Виктор Петрович понятия не имел, кто такой Платон. В таком положении вещей и раньше был определенный смысл — ведь деловые люди ничего так не любят, как избавляться от посредников, а теперь это, вполне возможно, стало залогом моей безопасности. Отступаться от заведенных правил я не собирался.

Вновь кольхнулись занавески в доме напротив, но я по этому поводу несколько не обеспокоился. Гимназисты хоть и приставили к ценному кадру круглосуточную охрану, но мои визиты сюда имели железную легенду: пивовар меняет отходы производства на яйца и мясо, — ну кто заподозрит в этом подвох? Тем более что хозяйство Бородулины вели с размахом и закупали корма вовсе не у меня одного.

В обратный путь я отправился другой дорогой и выехал из поселка неподалеку от бывшей учебной части Братства, ныне перестроенной под общежитие китайской общины. На Южном бульваре повернул налево и почти сразу вырулил на парковку перед длинным ангаром Колхозного рынка — одной из немногих точек, которые продолжило контролировать Братство после своего переезда в Туманный.

УАЗ встал на свободном месте между разбитой вазовской «четверкой» и перекосившейся на одну сторону «газелью», а я прихватил с собой полученную от химика коробку и отправился на рынок.

Двое охранников у входа на меня даже не взглянули. В одинаковых касках с теплыми подшлемниками, ватниках и длинных бронежилетах, с футуристического вида чарометами наперевес и короткими мечами на боках, они казались актерами из малобюджетного фантастического боевика, но недооценивать их боевые качества ни в коем случае не стоило — воздух вокруг боевиков Братства так и дрожал от переполнявшей снаряжение магии.

Я прошел внутрь, но к торговым рядам сворачивать не стал и направился сразу в административный блок, где располагались павильоны с промышленными товарами. Торговая точка Платонова располагалась на втором этаже, там он выставлял на продажу охотничью и спортивную одежду, которую для него за бесценок по здешним меркам скупали на распродажах где-то на Аляске.

Продукция ушлого коммерсанта пользовалась постоянным спросом, торговля шла ходко, и как-то незаметно обычное прикрытие стало обеспечивать кондуктору вполне достойный доход. Но самолично он давно уже за прилавком не стоял, выбирался на место, лишь когда привозил товар или возникала особая необходимость. Как, например, сегодня.

— О, какие люди! — обрадовался моему появлению высокий плечистый парень с короткой русской бородкой, которая несколько его не старила — наоборот, лишь подчеркивала невеликие годы. — Вячеслав Владимирович, не проходите мимо!

— А я и не прохожу! — рассмеялся я, заходя в салон с многочисленными вешалками с зимней одеждой и полками со свитерами и теплыми ботинками. Выставил коробку на прилавок и объявил: — Как и договаривались, пиво принес.

Сергея Платонов повернулся к худощавому мужичку лет сорока на вид, который был у него на подхвате, и попросил:

— Дмитрий! Не в службу, а в дружбу — сходи за кофе.

— Черный или с молоком? — только и уточнил у меня Дмитрий.

— С молоком, — решил я, а как только тот вышел в коридор, напомнил кондуктору: — Пиво забирай.

Платонов покачал головой.

— Слав, ты понимаешь, я ведь из Форта завтра по делам уеду. Испортится оно. Подержи у себя. Вернись — заберу.

Я просто опешил.

— Платон, ты чего несешь? — прошипел, нависая над прилавком. — Забирай товар!

— Слава, успокойся! — столь же тихо выдохнул в ответ кондуктор. — Накладка вышла. Я туда в этот раз ненадолго, возьму оружие — и сразу обратно. Нашими делами в следующий раз займусь. По времени уложимся нормально.

— Точно?

— Абсолютно. Подержи у себя, а я на неделе заскочу и заберу.

Вернулся Дмитрий, выставил на прилавок два стаканчика с кофе.

Я нервно отпил и поморщился. Ситуация не нравилась мне категорически.

— Слав, да ничего с твоим пивом не будет! — расплылся Серега Платонов в беспечной улыбке и достал из-под прилавка обувную коробку с надписью «Meggell» на боку. — Лучше смотри, какие я тебе ботинки придержал! Фирма!

Коробка весила не меньше пяти килограмм, но я никак этого не выдал, осторожно поставил ее на прилавок и пробурчал:

— Дома посмотрю.

— Посмотри, — вновь улыбнулся Платон.

— Сергей, а давайте пройдемся до машины, — предложил я тогда.

— Могу помочь, — вызвался Дмитрий, но кондуктор только похлопал его по плечу.

— Не стоит. Присмотри лучше за товаром, пока Света с обеда не подошла.

Я взял коробку с медикаментами, а Платон с обувью, и мы зашагали к лестнице.

— Предупреждать надо, — выговорил я кондуктору, когда мы спустились на первый этаж. — Не мог позвонить, что ли?

— Ну извини, Слава, не подумал. Мой просчет. Хорошо?

— В машине это без присмотра не оставляю, — предупредил я компаньона и сгрузил ему картонную коробку. — Карауль, раз позвонить не удосужился.

Платон хмыкнул и выставил свою ношу на широкий подоконник, а я достал список стряпухи и отправился за покупками на продуктовые ряды. Но перед этим заглянул в офис охраны.

— Климов у себя? — спросил у скучавшего на входе охранника.

Молодой брат в полной боевой выкладке с сомнением оглядел меня и кивнул:

— У себя.

— Вот и отлично. — И я прошел в кабинет начальника охраны рынка, стены которого были сплошь завешаны разнообразными образчиками холодного оружия. В основном явными самоделками, практичными, надежными и острыми.

Невысокий худощавый парень лет на пять помладше меня, в армейских брюках и поношенном «турецком» свитере, отвернулся от окна, поставил на стол стакан с чаем и протянул широченную ладонь:

— Привет, Слава! Тебя как пропустили?

— Примелькался, наверное, — усмехнулся я, пожав руку. — Все готово?

— Даже чаю не попьешь? — удивился брат.

Я досадливо поморщился.

— Слушай, товар скоропортящийся подкинули, надо домой везти. Заходи как-нибудь, пива лучше выпьем.

Климов кивнул:

— Зайду, — и вытащил из-под стола матерчатый мешок со сделанной черным маркером надписью «Солод» на боку. — Забирай.

Я поднял с пола тяжеленный пакет, взвалил его на плечо и зашагал на выход.

— Что по деньгам? — окликнул меня Клим.

— Заходи, решим.

С мешком к Платону я возвращаться не стал и для начала оттащил его в УАЗ. Закинул в кабину и поспешил обратно. Морозный воздух обжег неприятным холодом, пришлось даже накинуть капюшон.

Затем я быстро пробежался по продуктовым рядам, набил провизией для бара пару сумок и, позвав за собой кондуктора, направился на выход.

— У тебя все спокойно? — спросил, отпирая УАЗ.

— Да, а почему спрашиваешь? — удивился Серега Платонов.

— Не люблю, когда планы меняются.

— Все путем. Все идет по плану.

Я уселся за руль, переставил коробки на пассажирское сиденье и попросил:

— Не затягивай с этим.

— Не сомневайся, — кивнул Платон, захлопнул дверцу и отсалютовал мне открытой ладонью.

Я кивнул в ответ, завел двигатель и поехал домой. По дороге то и дело поглядывал в зеркала заднего вида, и хоть слезки за собой не заметил, сердце было не на месте. Поэтому из кабины перед воротами выбрался с «Шершнем» на изготовку. Но нет — никого.

Тогда запер дверцу — блин, у меня в машине товара на пару тысяч золотом! — и принялся возиться с воротами. Распахнул створки, вернулся к автомобилю и поспешно загнал его во двор. Столь же быстро закрыл ворота, схватил ящик с медикаментами и обувную коробку Платона и прошел в бар через заднюю дверь.

Все столы оказались заняты, но я все же бросил ключи от машины Ивану и попросил:

— Ваня! Как освободишься, выгрузи продукты. — А сам с коробками отправился в подвал.

К этому времени огонь под чаном уже погас, сусло через охлаждающую систему перекачали в баки для брожения, сильно пахло замоченным солодом и хмелем. Я запер за собой дверь, потом надавил на один из кирпичей и навалился на стеллаж. Тот мягко подался и сдвинулся в сторону, освобождая проход в небольшую комнатушку с механическим прессом, парой ванн и бутылками с химическими реагентами.

Я убрал коробки на пол и вернул стеллаж на место.

Иметь собственную пивоварню — это замечательно, но никогда не следует забывать о дополнительном приработке. Правда, иной раз дополнительный источник дохода может стать основным.

Тут я вспомнил о полученном от Климова мешке, выругался и побежал наверх.

— Вань, дай ключи, — попросил помощника.

— Нормально, сам продукты унесу.

— Да мне там забрать надо, — махнул я рукой, схватил ключи и выскок на улицу.

Никакие лиходеи за это время на мою собственность не покусились, мешок оказался на месте. Я взвалил его на плечо, прихватил оставленный на пассажирском сиденье жезл «свинцовых ос» и вернулся в бар.

— Еще солод? — удивился Грачев.

— Несоложенки взял, — пояснил я, бросив ему ключи.

Мешок отнес вниз и уложил у стены, а сверху для надежности накрыл одним из пакетов, лежавших там до того. Конспирация.

После этого со спокойной душой вернулся в бар и встал за стойку. Обеденное время уже закончилось, только за одним столиком пил пиво заместитель заведующего Арсеналом Леонид Смирнов.

— Вань, ты иди продукты пока разбери, — предложил я помощнику и убрал «Шершень» под стойку к его брату-близнецу, имевшему только одно весьма существенное отличие — вместо банки с шарами у него был баллон сжатого воздуха.

Грачев взял ключи и отправился разгружать УАЗ; я повернулся к вставшему из-за стола Смирнову.

— Еще пива?

— Да, Слава, налей светлого, будь любезен.

Я открыл кран и принялся качать помпу, наполняя бокал. Пены почти не было, но люди приходили ко мне пить пиво, а не любоваться пузырьками. Что же до недостатка газов, так вкусы у всех разные, для кого-то пиво без азота — это и не пиво вовсе, а кто-то натуральный продукт предпочитает.

Впрочем, предпочитать люди могли что угодно, особого выбора у них в любом случае не было. Помимо пивоварни в Ключах, местных конкурентов у меня не имелось, торговцы же связываться с пивом не любили и везли водку. А в последнее время так и вовсе спирт, который разбавляли до нужной кондиции у же на месте.

Я принес Смирнову его пиво, забрал пустой бокал и спросил:

— Что-то еще?

Лысоватый невзрачный дядька в заляпанном масляными пятнами камуфляже покачал головой и полез в карман за кошельком.

— Остаток на мой счет запиши, — попросил он, выкладывая на стол золотую пятирублевку царской еще чеканки.

Я забрал монетку, кинул ее в кассу и сделал отметку об остатке в гроссбухе. К постоянным клиентам мы относились со всем почтением, а Смирнов мало того что был завсегдатаем, так еще периодически вел дела с Николаем Гордеевым. Нужный человек.

Заглянул Иван, спросил:

— Дядь Слав, может, пока чан почистить?

— Иди, — разрешил я, а сам, пользуясь отсутствием клиентов, заглянул на кухню и попросил повариху сварить порциюпельменей. С самого утра маковой росинки во рту не было.

Смирнов вскоре допил пиво и ушел, за окном рыкнул и постепенно затих двигатель его рыдвана. Бар опустел.

Все, у меня обеденный перерыв. До вечера вряд ли кто зайдет, если только заказ забрать.

Я задумался, не выпить ли пива, но вместо этого достал термос и налил чаю. Тетя Маша принесла тарелку с пельменями и пару ломтей свежего хлеба, как раз и перекусил. Потом подошел к окну, взглянул через изморозь на улицу и поежился.

На душе было беспокойно.

Всякому посреднику прекрасно известно, что не стоит держать у себя «горячий» товар, и Платон с неожиданным изменением планов изрядно спутал мне карты. Это напрягало.

Я взял оставленные Иваном на стойке ключи от машины, снял с вешалки куртку и заглянул на кухню:

— Мария, покараулите, пока Ваня в подвале возится? Мне по делам отъехать надо.

— Конечно, конечно! — согласилась помочь хлопотавшая у плиты тенька лет пятидесяти. — Не беспокойся, Слава.

Я накинул на голову капюшон, вышел на улицу, но сразу вернулся и прихватил из-под стойки «Шершень». Потом завел не успевший остыть УАЗ и покатил в банк.

На этот раз на Красном проспекте повернул налево; за домами вспыхнули лучами заходящего солнца далекие купола церкви и окна «Тополей», сверкнул огнями и почти сразу остался позади аляповатый фасад клуба «Ширли-Муры».

На следующем перекрестке я сбросил скорость до минимума, но и так автомобиль протащило по слегка присыпанной снежком ледяной корке, и выстроившиеся к колонке с питьевой водой люди с канистрами и флягами в тележках проводили меня неодобрительными взглядами.

Дальше по правую руку возникло пустое пространство площади Павших с бетонным монументом посредине, по левую — заперстели на стенах разделенных на конторы и офисы пятиэтажек объявления и броские вывески. «Ловец удачи», «Крупы», «Сауны Тимура», «Лунные травы», «Амулеты и талисманы», «Стоматология «Белый клык», «ЧОП «Шестерня»».

Время от времени меж пятиэтажек и во дворах мелькали двухэтажные особняки, а потом я оставил позади небольшой блошинный рынок, пересек Кривую и поехал вдоль ограды «Морга» — элитного доходного дома. Здание еще дореволюционной постройки казалось слегка смазанным из-за накрывавшей его магической защиты.

Не доезжая до Торгового угла, я припарковал УАЗ перед пятиэтажкой с вывеской «Центральный городской банк»; перед входом стоял рекламный щит: «Сейфовые ячейки, векселя, депозиты».

Заперев кабину, я прошел в банк и депонировал в кассе накопившиеся за неделю чеки. Потом заглянул в кабинет к управляющему и выразил желание получить доступ к своей ячейке.

— Господин Хмелев! — расплылся в улыбке банкир. — Одну минуту!

Он вызвал служащего, и тот повел меня в подвал.

— Так и не получили удостоверения личности нового образца? — спросил внизу дежурный колдун.

— Нет.

Гимназист покачал головой, провел вдоль меня жезлом с шаром из горного хрусталя в наверх и посторонился от перегородившей проход решетки.

Тогда я приложил ладонь к магическому сканеру, и сразу загорелся зеленый огонек, щелкнул замок.

— А как же машину водите? — удивился банковский служащий, распахивая решетку.

— Без прав, — с печальным вздохом поведал я, проходя в хранилище.

На дверце моей сейфовой ячейки мигал зеленый огонек; прежде чем замок вновь оказался заблокирован, я вставил в него ключ и приложил к стальному кругляшу большой палец свободной руки. Считавшая ауру и отпечаток система колдовской защиты позволила отпереть замок; я вытащил из ящика стальную коробку и унес ее в соседнее помещение. По протоколу безопасности банковские служащие не оставляли клиентов в хранилище без присмотра, и правильно делали. Мне вовсе не хотелось лишиться своего имущества по милости сумевшего обмануть охранное заклинание ловкача.

Оставшись в одиночестве, я отпер железный ящик и откинул его крышку. Ничего особо ценного внутри не хранилось — немного наличных на черный день, три разряженных амулета, общероссийский паспорт да картонная коробка с парой металлических штампов — и все же ежемесячная арендная плата вовсе не была пустой тратой денег. На охрану некоторых вещей проще потратиться, нежели восстанавливать их в случае утраты.

Сунув картонную коробку со штампами в карман куртки, я захлопнул крышку, вернул стальной ящик в ячейку и запер ее на ключ.

Банковский служащий уточнил:

— Вы закончили? — дождался утвердительного ответа и повел меня вверх по лестнице, бетонные стены которой покрывала непонятная и очень сложная роспись.

Понятия не имею, какие именно заклинания вложили в светящиеся символы гимназисты. Способностей к колдовству в свое время у меня не обнаружилось ни малейших, и если начистоту, я этому был только рад. Колдуны и маги, ведьмы и чародеи обладали множеством недоступных

обычному человеку способностей, да только одно немаловажное обстоятельство сводило все их преимущества на нет: вернуться в нормальный мир им было не суждено. Они этого не могли, а я пусть и чисто теоретически, но все же мог и потому посматривал на всю эту колдовскую братию несколько даже свысока. Свобода выбора — великая вещь.

Наверху я распрошался с банковским служащим и вышел на крыльцо. Встал у машины, покрутил в руке кольцо с ключами, оглядел улицу. Не заметил ничего подозрительного, отпер кабину и быстро забрался внутрь.

Под вечер с неба посыпал легонький снежок, снежинки падали на теплое стекло и тут же таяли, покрывая его мелкими капельками воды. Я завел двигатель и под размеренное шуршание дворников поехал домой.

Людей к этому времени в баре прибавилось, было занято два стола, а кто-то из молодых устроился за стойкой и болтал с Грачевым.

— Вань, буду перловку жарить, меня не беспокой, — предупредил я.

— Так завтра же собирались? — удивился помощник.

— Планы изменились, — вздохнул я и спустился в подвал. Запер за собой дверь, достал из кармана картонную коробку, куртку кинул на стул.

Жарить перловку, которую использовал при варке стаутов вместо жженого ячменя, я и в самом деле собирался лишь завтра, собирался, но передумал — слишком уж беспокойно стало на душе после разговора с Платоном. С лекарствами ничего поделать сейчас было нельзя — даже в банк из-за колдовской проверки на входе не отнести, — но оставалась еще полученная у кондуктора коробка. Чем раньше избавлюсь от ее содержимого, тем лучше.

Впрочем, «избавлюсь» — не то слово. Совсем не то.

Я разжег огонь, достал из кармана штанов выкидной нож Microtech Нало и выщелкнул длинный клинок. Тоже привет из прошлого; здесь подобные игрушки не в чести, здесь все гораздо брутальней.

Вспорол пакет с перловкой, я рассыпал ее по противню и сунул железный лист в печь. После этого включил вытяжку и сдвинул стеллаж, освобождая проход в потайную комнатку. Кинул коробку со штампами на пресс, проверил реактивы. Все оказалось на месте.

Понемногу в подвале начал распространяться запах паленой перловки, я нацепил на лицо маску промышленного респиратора с хитрыми алхимическими фильтрами и вскрыл полученную от Платона коробку. Внутри оказались серые бруски металлического сплава. Свинец, сурьма и кое-что еще. Кое-что, да...

Бруски легко уместились в одной из ванночек, после этого я взял бутль с наклейкой « HNO_3 — 30%» и залил металл тридцатипроцентным раствором азотной кислоты. Вытяжка с парами не справлялась, и хоть фильтры моего респиратора улавливали оксиды азота, я в комнатке оставаться не стал и вышел в подвал. Заодно и перловку переворошил.

Дым с противня так и валил, запах гари легко перекрывал вонь химических реактивов. Когда сплав свинца и сурьмы полностью растворился, я начал медленно и осторожно доливать в ванночку соляную кислоту. Дождялся выпадения осадка и зажег газовую горелку. До кипения раствор доводить не требовалось, просто выдержал его так какое-то время, а потом

слил во вторую ванночку. Промыл осадок дистиллированной водой и вновь запалил горелку.

Цинковые коробки из-под патронов были нарублены и ошкурены заранее, поэтому особых приготовлений не понадобилось, просто брал пластинки металла и кидал их в ванночку. После завершения химической реакции даже не стал пытаться выбрать остатки цинка пинцетом, сразу слил воду и добавил соляной кислоты. Дождался, пока прекратится выделение пузырьков, несколько раз промыл оставшийся в ванночке серый порошок дистиллированной водой и лопаткой переложил его в пластиковую банку.

Поставил на весы — без учета тары оказалось триста двадцать граммов чистого продукта.

Продукта? Да нет — серебра.

Триста двадцать грамм серебра.

Немного? В обычном мире — не особо, в Приграничье — совсем даже наоборот.

Триста двадцать грамм — это на местные деньги семнадцать рублей семьдесят восемь копеек серебром или же семьсот одиннадцать рублей двадцать две копейки золотом. Семьсот одиннадцать рублей золотом буквально из воздуха; себестоимость восстановления благородного металла из сплава и его закупочная стоимость в обычном мире по сравнению с прибылью от реализации могли просто не приниматься в расчет.

В Форте средняя заработная плата составляла хорошо если полсотни, а тут полторы тысячи в месяц на двоих. Неплохо? Я бы сказал — очень даже хорошо. Но небезопасно.

Дело было вовсе не в возможных осложнениях при работе с кислотами: опасной была сама схема. Серебро в Приграничье традиционно стоило дороже золота, за сто грамм серебра давали сто семьдесят пять грамм золота. Но *с той стороны* целенаправленно серебро не везли, несмотря даже на то, что, помимо всего прочего, оно входило в состав большинства алхимических и чародейских расходных материалов. По словам Платона, если взять с собой слишком много серебра, *оно* просто схлопнется, поэтому наученные горьким опытом кондукторы предпочитали не рисковать.

Платон был исключением. Но он вез не чистое серебро, а серебро в сплаве с сурьмой и свинцом и благодаря своему ноу-хау вез гораздо больше, чем полагалось возможным. Он вез — я восстанавливал.

Деньги делили пополам, ведь мало было восстановить серебро — требовалось запустить его в оборот. Ты можешь без проблем сбыть слиток серебра раз или два, если не станешь жадничать, сможешь понемногу приторговывать полгода или даже год, но рано или поздно кто-нибудь внимательный задаст резонный вопрос: «Откуда, брат?» И хоть не будет раскаленных утюгов или паяльников, ответить придется, и придется ответить правду. И тогда в лучшем случае ты продолжишь работать на дядю за малую копеечку, а скорее всего — оттаешь весной в каком-нибудь грязном сугробе. Серебро — это серьезно.

Именно поэтому я им не торговал. Я переплавлял порошок в слитки и чеканил серебряные трехрублевки — те самые «соболя». Ничего особо сложного в этом не было, вся моя ценность для Платона заключалась в том, что у меня были штампы, а у него их не было.

В очередной раз перевернув перловку на противне, я переставил газовую горелку под тигель и достал из картонной коробки штампы, намереваясь установить их в пресс, но прежде чем успел это сделать, в дверь постучали.

— Дядя Слава! — прокричал Иван Грачев. — Из госпиталя звонят!

Я оттянул с лица респиратор и раздраженно ответил:

— Пусть на трубке висят! Сейчас поднимусь!

Из госпиталя мог звонить только лечащий врач, поэтому я закрыл коробку с серебряным порошком герметичной крышкой, погасил горелку и вернул на место стеллаж, закрыв проход в потайной закуток. Затем снял с огня противень, выключил вытяжку и уже без респиратора выбежал из задымленного помещения. Запирать подвал на этот раз не стал.

Когда поднялся в бар, Иван разносил пиво, снятая трубка лежала на стойке рядом с телефонным аппаратом. Поднял ее и осторожно произнес:

— Алло?

— Слава? — послышался женский голос. — Я через час заканчиваю, встретишь меня?

— Разумеется, Ирина Сергеевна, — улыбнулся я. — Сходим куда-нибудь?

— Домой, — отрезала девушка. — Приготовлю что-нибудь на ужин, а потом завалимся спать! На работу с утра.

— Решено. — Я взглянул на часы и объявил: — Через час у тебя.

— Буду ждать.

Раздались короткие гудки, я подозвал Ивана и предупредил:

— Бар сегодня на тебе. Завтра можешь прийти попозже. Хорошо?

— Не вопрос.

Я хлопнул здоровяка по плечу и поднялся на второй этаж. Отпер дверь, неким наитием уловил призрачное давление и проговорил кодовую фразу. Защитное заклинание отключилось — тогда уже прошел в свои апартаменты. Комната, спальня, закуток бывшей ванной.

Еще две комнаты выходили окнами на другую сторону; их я не использовал, оставив на случай, если вдруг решится переехать Ирина. Но та снимала квартиру прямо напротив городского госпиталя, где работала, и вовсе не горела желанием менять место жительства. Да я и не настаивал — ведь в этом случае пришлось бы возить ее на работу. От прогулок по заброшенному району иной раз становилось не по себе даже мне.

Пройдя в комнату, я бросил на диван пропахшую дымом фланелевую рубаху, достал из платяного шкафа точно такую же, только чистую, и поднял лакированную крышку массивной радиолы. От старинного аппарата остались только стенки, внутри стояли бутылки.

Взял одну с пробкой, залитой синим сургучом, налил в широкий бокал двадцать грамм арманьяка «Делор Экс-О», постоял перед затянутым инеем окном, выпил. По телу немедленно разошлось приятное тепло.

Оставлять недоделанной работу не хотелось, но, честно говоря, я был рад поводу выбраться из дома и хоть немного развеяться. Устал. Да и голова разболелась, несмотря на респиратор.

Сунув в карман штанов коробок с последним набором из семи пилюль, я прицепил на пояс телескопическую дубинку, усиленную кое-какими хитрыми, пусть и нелетальными, заклинаниями. Помимо нее прихватил с со-

бой массивный электрический фонарь со стальной ударной кромкой и парой чрезвычайно полезных заклинаний — «Ультрафиолетом» и «Сверхновой». Первое поражало чувствительных к солнечному свету тварей, второе в несколько секунд сжигало диод, ослепляя яркой вспышкой противника. Параноя? Да нет, жизнь такая.

Я спустился в бар, незаметно передал Ивану «Шершень», предупредил его:

— Все, ушел, — и направился на выход, попутно здороваясь с завсегдатаями. На выходе натянул на голову вязаную лыжную шапочку, накинул поверх нее капюшон и решительно шагнул в сумрак зимнего вечера.

Середина декабря, солнце ненадолго поднимается над горизонтом и сразу валится обратно, но на улицах светло. Нет, действительно — светло. И фонари у контор и магазинов горят, и снег свою роль играет.

Зима — темное время года? Возможно, в тех благодатных местах, где даже в декабре не устанавливается снежный покров, это и так, а у нас круглые сутки светло. По крайней мере, незамеченным из темноты никто не выскочит, если сам по развалинам шастать не станешь.

Я и не стал. В обход нашего особняка вышел на протоптанную вдоль Красного проспекта дорожку, натянул теплые вязаные перчатки, с внутренней стороны обшитые замшей, и зашагал к госпиталю.

К вечеру заметно похолодало, дыхание вырывалось клубами белого пара, злой морозец прихватывал ноздри. Но людей на улицах хватало. По-прежнему стояла длинная очередь у колонки с питьевой водой, толпились на блошином рынке припозднившиеся покупатели, расходились от офисных пятиэтажек обитатели тамшних контор. Дружинников также хватало. Пока шел, заметил пару автомобилей характерной сине-белой расцветки и три пеших патруля.

Моя Дружина меня бережет? Хм... можно и так сказать.

Дойдя до узенькой дороги, уходящей к Западным воротам, я свернул с Красного проспекта и направился к темневшей вдалеке громаде штаб-квартиры Лиги. Обнесенный высоким забором комплекс зданий бывшей женской тюрьмы заставлял нервно ежиться; приближаться к окружавшему его пустырю не хотелось. Впрочем, этого сейчас и не требовалось.

Когда проходил мимо зала игровых автоматов «Captain F.» — подвыпившая компания на крыльце притихла, но цепляться не стала, и я спокойно свернул во дворы. Там уже никаких темных подворотен не было и в помине: светили фонари, катались с залитой снежной горки дети, стоял у ворот госпиталя фургон с эмблемой отряда самообороны Лиги — нарисованным через трафарет комаром. Образцово-показательный квартал, да и только.

В самом лечебном заведении две крепкого сложения девушки-охранницы в одинаковых кустарных бронежилетах, с деревянными жезлами и пистолетными кобурами на ремнях форменных брюк оглядели меня с головы до ног, не сочли достойным внимания и вернулись к прерванному разговору.

Подходить к регистратуре я не стал, снял шапку, расстегнул куртку и уселся на скамью с обшивкой из дерматина, пестревшей многочисленными ножевыми разрезами. Только посмотрел на часы — и сразу из служебного

коридора появилась светловолосая девушка лет тридцати в длинной белочьей шубе с капюшоном, теплых сапогах и меховой шапке.

— Ты пунктуален, — поцеловала она меня в щеку.

— Точно не хочешь куда-то сходить? — спросил я, распахнув дверь.

— Не хочу, — подтвердила Ирина. — Пойдем ко мне! Я курицу приготовлю.

— Пойдем.

И мы пошли. Поужинали и занялись тем, чем обычно занимаются на свиданиях взрослые люди, не обремененные моральными обязательствами перед третьими лицами.

Легли спать? Именно. В итоге мы действительно легли спать.

Коля Клондайк. Чуть раньше чем за год до событий

— Вот так, давай, уже лучше. — Я почувствовал чью-то руку у себя на лице.

Кто-то похлопывал меня по щеке, словно настойчиво требуя проснуться.

Полное онемение всего тела. Боли нет, но и не чувствую ничего. Во рту какой-то странный привкус, словно смесь свинца и хвои.

На чем-то мягком лежу вроде как.

Открыть глаза? А почему бы и нет?

Открыл.

Платон, Дмитрий и еще какой-то парень, худой, с редкой бородкой, длинные волосы убраны в хвост. На нем свитер, толстый, с воротником под подбородок... и еще пальцы худые, длинные, как у пианиста, в пальцах какой-то флакон с золотистой жидкостью.

У Дмитрия вид неуверенный и перепуганный. «Дружественный огонь»?

Попробовал глубоко вздохнуть — получилось. Нормально, без особой даже боли.

— На, дыши еще, — сказал худой, сунув флакон под самый нос. — У тебя там крови в легких литра два еще, надо почистить.

Флакончиком? Ну-ну. Но вообще я этих двух литров как-то не ощущаю. Слабый — да, немного болит в самой середине грудины, но дышу, не хлюпаю.

— Да нормально вроде, — прохрипел я, или скорее даже прокаркал.

Платон с Дмитрием вздохнули хором. Потом Дмитрий сказал, явно смутившись:

— Слышь, Коль, ты извини, что так... я не понял сначала, где кто.

— Ага, я сам не в курсе был, — как-то не очень понятно поддержал его Платон.

— Не в курсе чего?

Платон махнул рукой, явно не горя желанием углубляться в подробности, просто сказал:

— Подвели к нам тех двоих, выходит. Привалить нас хотели, но ты их сам... А Дмитрий не в курсе был, вот и вышло так... не пойми как. Но ты уже в норме, жить будешь, не беспокойся.

Наконец я соизволил обратить внимание на комнату вокруг. Палата больничная? Вроде нет, просто комната в избе, даже стены бревенчатые.

Окошки маленькие, изморозью затянутые. На стене в кольце лампа масляная, похоже. Какая-то охотничья «кабина»? По стилю не похоже, как-то все больно по-русски выглядит, американцы даже на Аляске по-другому строят.

А над кроватью коврик на стене, три оленя, спускающиеся к пруду.

— Серьезно? — спросил я, покосившись на коврик.

— Не, а че? — неожиданно хихикнул молодой. — Нормально.

Что-то я с мысли сбился. На коврик.

— Коль, ты не пугайся, — вновь заговорил Платон, — но мы тебя с собой затащили.

Сквозь туман в голове начал пробиваться луч света. Не могу сказать, что к большой радости.

— Куда? — Я очумело вылупился на Платона.

— К нам, — вздохнул он, явно не желая договаривать до конца. — Ну... в Приграничье... Ты в курсе, я же тебе все рассказывал.

Ну да, я в курсе. Еще в курсе про «ниппель». Про туда и оттуда. А я уже там, так?

— И на хрена? — спросил я тихо и даже вкрадчиво.

Прозвучало как-то не очень добро, эмоции сказались. Но Платон не смутился.

— Помирал ты, — вздохнул он. — Там бы мы тебя не спасли, ты уже все был, готовый покойник, считай. Ты две пули схватил в грудь, хорошо хоть не в сердце, насквозь прошли, ну и ты прожил пару минут лишних.

Дмитрий явно вновь смутился и уставился в окно, избегая моего взгляда.

— А здесь?

— А здесь спасли, — опять вступил в разговор тощий. — Здесь можно многое сделать из того, чего нельзя там. Но если не нравится, то можем и добить. — Он усмехнулся и добавил: — Шутка. Типа восстановим статус-кво и все такое. Тебе же все равно где похороненным быть?

— Смешно, — кивнул я осторожно.

— Обхохочешься, — добавил Платон.

— И что теперь? — уточнил я.

— А что теперь? — пожал он плечами. — Машины мы протащили. Две. Твою бросили, а с грузом взяли. Одну должны были эти забрать, — он кивнул куда-то в сторону входной двери, подразумевая убитых, — но ты их в расход вывел, обоих. Ну и забирай себе «шевролет» вместе со всем. Бабки они платили, товар твой — и трофей твой.

— И куда мне с ним?

— А в Форт, — пожал плечами Платон. — Тоже рассказывал.

Вообще-то «рассказывал» — звучит сильно. Рассказывал Платоша как раз немного и очень... явно фильтруя информацию. Ну да, «Форт», я помню. Город северный, который провалился когда-то куда-то в тартарары. Там Платон и живет. Что там? Холодно, холодней, чем на Аляске, чистый Север, как я понимаю. Якутия какая-то.

— Платон, у меня бизнес в Фэрбэнксе, — напомнил я ему.

— Так у тебя же партнер есть.

— Есть.

● Холод, пиво,
дробовик ●

Клондайк

31 декабря, канун Нового года

От Лазурного Солнца до новогодних праздников проходит всего ничего, да еще в промежутке католическое Рождество втискивается. Что это означает конкретно? А то, что население Форта, да и не только Форта, все это время практически не просыхает.

Нет, с Лазурным Солнцем все понятно, на Лазурное все пьют, подчас даже те, кто в остальное время от излишеств воздерживается. Алкоголь объективно помогает в эти нехорошие дни, а непосредственно в самый нехороший час Черного Полудня так и местные медики порекомендуют быть «в дрова», чтобы на нервы и душу так не давило чужеродное. А вот с чужеземным Рождеством понимания уже куда меньше: мы тут при чем? Но для многих оно тоже прекрасный повод продолжить банкет. Просто по инерции, я думаю, не будь нехороших дней перед этим — никто бы так не отрывался. А тут выходит, что Черный Полдень закончился — и сразу же с католиками праздновать пора. Всем поводам повод получается. Поэтому надо быть готовым к тому, что с самого Лазурного Солнца и, пожалуй, до старого Нового года никакой нормальной работы здесь нет. Это если ты хочешь, чтобы кто-то что-то сделал для тебя. Забей и забудь.

Зато в это время много покупают, в том числе и у нас, в «Большой охоте». Поэтому, вместо того чтобы разделять радость с отмечающими католическое Рождество, я сидел больше в своей мастерской, что в подвальчике под магазином, и снаряжал патроны, переставлял ложа, гравировал рамки револьверов и ресиверы ружей, и так до бесконечности. В такой период хороший день подчас способен год прокормить.

Мой партнер по бизнесу чародей Саня — худой, похожий на хиппи парень — в ходе наших недавних приключений пострадал от тяжелого энергетического истощения, так что помогал мне сейчас больше в качестве грубой рабочей силы. Для того чтобы делать свою работу, то есть изготавливать и заряжать амулеты, он еще не восстановился. А амулеты спрашивали постоянно, потому что в прошлом году Саня изобрел «новогодний фейерверк» — такую деревянную пирамидку в проволочной оплетке и со спрятанным внутри хрусталиком, которую стоило воткнуть в снег, отломить колпачок, и она начинала выбрасывать в небо на удивление похожие на настоящие россыпи звезд, потоки искр и даже всевозможных огненных птиц. Игрушка была дорогой при весьма небольшой себестоимости, но обитатели тех же Полян брали ее с радостью, а в этом году так чуть не потоком за

ней пошли, но у Сани осталось всего тринадцать штук прошлогоднего неликвида. Обидно.

Как бы то ни было, но народу в магазине хватало, и с восемнадцатого декабря, когда закончилось Лазурное Солнце, и до самого тридцать первого, до кануна Нового года, мы работали без перерывов и выходных. И все равно остались почти что без товара, хоть и с хорошей прибылью. Впрочем, товар в немалой степени разошелся не на подарки, а на «казенные закупки», потому что Патруль и городская СЭС постарались с пользой потратить остатки со счетов, чтобы им в следующем году финансирование не урезали.

Так что утро тридцать первого декабря застало меня сидящим в подвале с чашкой горячего чая с лимоном, а заодно и с кучкой чеков и калькулятором, сводящим графы «дебет» и «кредит» в большой книге, и цифры вызывали некое моральное удовлетворение. Надо только сразу же после праздников чесать за новой порцией товара, а то хоть магазин закрывай. Ну или переводы его в режим работы «мастерская» покуда.

Наверху в очередной раз звякнул колокольчик над дверью, затем едва слышно донеслись голоса — еще кто-то зашел, Саня разбирается. Я глянул на часы — «Центральный городской банк» сегодня до двух работает, и там наверняка будет очередь из таких же, как я, торговцев, и чем ближе к закрытию — тем длинней очередь. Так что если я хочу обналичить чеки, лучше сделать это как можно раньше.

Допив чай, сложил чеки в конверт, а конверт убрал в кожаную сумку на ремне, книгу закинул в сейф, закрыв его и кольцом активировав защиту, взял со стола и надел на плечи, прямо на свитер, «оперативку» с шестизарядным «Ругер Рэдхоук» — относительно небольшим и очень добротным револьвером под калибр .45 «длинный кольт», со стволом в четыре дюйма. Не верх скрытности, разумеется, все равно здоровый револьвер, но из того, что продаю я и что можно считать достаточным для местных задач, — самое компактное. Вообще я наплечных кобур не люблю, из поясной оружие куда быстрее извлечь и навести на цель можно, но только не из-под тулупа. А в тулупе проще именно к «оперативке» дотянуться.

А вот второй ствол — двуствольный «дерринджер» от «Бонд Армз» — пошел уже на пояс, это страховка. Причем заряжен он ружейными патронами калибра .410, оба с зажигательной картечью. А еще у меня с собой нож, а еще амулет от пуль, а еще у меня перстень, от которого включаются все мои сигналки и который распознает меня, а еще один перстень со вшитым «Щелчком» — заклинанием, которое может или с ног кого-то снести, или даже дверь высадить. Зачем это все?

А жизнь тут такая. Да и врагов хватает, так уж вышло. А как мне раз сказали, а я следом не раз повторял, — в Форте у нас разгар девяностых, да еще и с большой примесью магии и постапокалипсиса. Так что вот так и живем. Но я привык. И мне даже здесь не так уж и плохо.

Я посмотрел на лежащий на столе револьвер, такой же «рэдхоук», как и тот, что у меня в кобуре. У этого под стволом нечто вроде трубочки, в трубочке еще один «Щелчок», из деревянного цилиндрика с проволочной спиралькой, подзаряжаемый. Полезная вроде идея — вместо первого выстрела можно попытаться противника вырубить. Ну хотя бы для того, чтобы лишний грех на душу не брать, дать шанс передумать, так сказать, тем бо-

лее что амулеты против пуль от «Щелчка» не спасают. А если не передумал, можно стрелять уже в неподвижную цель, что намного проще. Однако проблемка с активацией. Давить на торец амулета, как это делается обычно, под стволом неудобно, а дистанционки все оказываются ненадежны. Пусть Саня, как оклемается окончательно, дальше думает. Выводит что-то на рукоятку, например. Под большой или средний палец.

Этот револьвер я убрал в металлический шкаф, сейчас на удивление пустой, и запер его на замок. Взял дубленку с вешалки, накиннул, прихватил перчатки и плотную вязаную шапку. Хоть и в машине буду, но... Приграничье, одним словом. В Приграничье *холодно*. И это смело можно писать с большой буквы. Хо-лод-но. Все.

Когда поднялся наверх, в магазин, увидел там одного Саню, перекладывающего в витрине «своего» прилавка амулеты.

— Что-то взяли? — спросил я.

— Да, женщина «телохранителя» взяла, — кивнул он. — Кстати, она про Милу спрашивала.

— А что за женщина? — насторожился я. — Не ведьма?

— Я ничего такого не почувствовал. Такая... — он чуть запнулся, подбирая слова, — ...да вроде самой Милы. Спросила ее, и все.

— А ты...

— А я ответил, что она уехала в Северореченск.

Ну да, так мы и договорились. Почему именно в Северореченск? Потому что так и не смогли придумать, как вообще ее отъезд объяснить. Мила просто взяла деньги из сейфа, ружье, карабин, мой кикап и все свои вещи, извинилась в записке — и укатила. И если учитывать все те события, что творились тогда вокруг нас, уехать она могла по... ну какой угодно причине. Поэтому мы, посоветовавшись, решили, что «уехала в Северореченск» — самый нормальный и безобидный вариант. До сих пор о ней не спрашивали.

— Ладно, все правильно, — кивнул я. — Тогда ты на хозяйстве, а я погнал в банк.

— Закрываемся во сколько?

— Да тоже в два, как и все, — пожал я плечами. — Я часов в шесть приеду, наверное.

— А начало во сколько?

— На девять договорились, чтобы к двенадцати в лоскуты не быть.

«Начало» — это мы в пабе у Хмеля собираемся, Новый год встречать. Если в девять за стол сядем, то к полуночи все равно хороши будем, да и не начнет никто в девять, так не бывает, в этот день все раньше начинают, просто в другом месте. Мне вот точно придется хоть по чуть-чуть, но в паре мест принять еще днем. А уж когда закончим... это вообще другой вопрос. Не будем пока им задаваться, ну его. Весело будет, этого достаточно. А завтра все равно бездельный выходной, полечимся.

Так, и еще у меня с собой сумка с подарками заготовлена. Ничего такого особенного, но к празднику я их раздаю всем, с кем работаю. Так, чтобы не забывали просто. Сумка стояла за прилавком, откуда я ее и вытащил.

Через задний ход вышел во двор нашего общего с Хмелем особнячка, вошел в гараж, устроенный в арке, которую я просто с двух сторон закрыл воротами и куда влезало как раз две машины, если впритык ставить. Ближним ко двору и дальним от выхода вытянулся во всю свою немалую длину

белый «сабербен», или, как его чаще звали в Форте, «субур». Самая, можно сказать, «пацанская» машина здесь, а я на ней езжу лишь потому, что все местные «субуры» мы с Платоном сюда и притащили. Ну и потому что большой, удобно большой группой выезжать. Вместо колес у него гусеницы — тоже опять же наш товар. И из-за этих гусениц он у меня по городу не ездит. Вроде в гарантии и написано, что ресурс там чуть ли не безграничный, но это на само изделие, а вот как подвеска и прочее среагирует? Так что это для выездов за город по известным делам.

А ближе к воротам стоит красный фордовский пикап F-150 с пятиместной кабиной, который у меня сейчас за разъездной в городе. Вот он как раз раньше на гусеницах бегал, но я их обратно на колеса заменил. Ну и два мешка с песком в кузов закинул, чтобы зад был потяжелее и не буксовал где не надо. На нем я и поеду.

Движок завелся сразу, тут на все машины магические подогреватели устанавливают, а я, пока гараж совсем не задымился, кинулся ворота поднимать.

После Лазурного Солнца наступает если и не оттепель, то какое-то потепление, которое до Нового года примерно и длится. Чуть дольше. Его тут «качелью» называют, потому что в Лазурное Солнце Стужа наваливается на Приграничье изо всех своих сил, словно стремясь успеть выморозить из этой скудной разрушенной земли все, что получится, за время своего бенефиса, а затем она вроде как устает и немного отступает, на пару шагов. Температура падает до двадцати, пятнадцати, а подчас и до десяти градусов мороза, так что вот именно эти дни здесь любят.

Тротуар вдоль дома машинами заставлен полностью, а это означает, что в пабе у Хмеля народу полно. У него сейчас тоже в день выручка как в другое время за неделю капает. Пару машин узнал, постоянные клиенты паба, с кем уже здороваешься. У Хмеля в большинстве постоянные.

До банка от нас недалеко. По Красному проспекту, на котором мы и расположены, никуда не сворачивая, до Торгового угла — небольшой площади, заполненной все больше небольшими магазинами из недорогих. Людей на тротуарах было неожиданно много — видать, обрадовались неожиданному почти что теплу, вот все разом и вывалили. На площади Павших чуть не до небес поднималась невероятной высоты елка, к тому же переливающаяся огнями, осыпаящая сама себя искрами, а вокруг ее вершины гонялись друг за другом крошечные разноцветные кометы. Елка была иллюзией, эдаким новогодним подарком городу от Гимназии. Еще одна должна быть у Пентагона, там чародеи Братства расстарались, и еще что-то обычное организовывали ведьмы из Лиги, но в этом году им, похоже, не до елок.

На самой площади выстроили целый детский городок, залив множество горок разной высоты, и сейчас там чуть ли не половина детей Форта собралась с родителями. Ну а ближе к Красному на всякий случай стояли бело-синие «буханка» и «козлик» Дружины, и сами дружинники в толстом зимнем камуфляже стояли там кучей, кажется разливая чай из термоса.

Как-то все мирно очень и вообще на праздник похоже. И музыка играет, все новогоднее на всех языках, что найти смогли, как мне кажется. Вот прямо сейчас — «Let it Snow» Синатры, что я всецело одобряю. Даже настроение поднялось, хоть его и так плохим нельзя было назвать. Все же канун Нового года — это самый праздник из праздников в году. Правда, в

Америке я его на Рождество поменял, чтобы от других не отставать, но разницы никакой.

По фасаду «Морга», как без всякого мрачного смысла называли самый дорогой в Форте доходный дом, которым владел маг Гадес, носились гуськом разноцветные огоньки, выписывая банальное «С Новым годом!», и я даже задумался — это сам Гадес организовал? Репутация у него была человека желчного и сварливого, так что если это он всех поздравляет — я сильно удивлюсь.

А вообще, в последнюю пару лет многие начинающие или не слишком удачливые чародеи открыли для себя новый рынок — рекламы и наружного оформления. Не знаю, кому первому пришла в голову эта мысль, но старые вывески на дорогих местах, банальные и скучные, постепенно начали сменяться магическими наворотами, сверкающими, прыгающими и часто убегающими за грань хорошего вкуса, но на фоне той серости и разрухи, что царила вокруг, это было все же очень замечательно. Даже мы с Саней к празднику организовали собственное «светошоу» в витринах нашего магазина. Ну праздник же.

У банка машин хватало, пару я даже узнал, а одной заинтересовался — черным «Соболем» со светящейся, явно колдовской, надписью во весь борт — «Парти-фургон!». Стоял он чуть поодаль, у подъезда какого-то офиса с вывеской «Лимузин-сервис». А что, у нас тут экономический рост, несмотря ни на что, наблюдается, вот и появился спрос. На сегодня у них, я думаю, тоже все заказано. Компаниями, которые хотят всю ночь из кабака в кабак кататься.

Пристроив «форд» рядом с серым «Ландкрузером», в котором я опознал машину Бутакова, хозяина «Водовоза», компании по доставке ключевой воды в дома, я выбрался из кабины, убедившись, что сумка с подарками с улицы не видна, и пошел в банк. Так у меня в машине защита, понятное дело, но срывается она после того, как какой-нибудь дурак стекло высадит. А мне потом его покупай и вставляй, вместо того чтобы машиной пользоваться.

Банк занимал два первых этажа и подвал пятиэтажки и принадлежал, понятное дело, Торговому Союзу — весьма влиятельной в Форте организации, в ряды которой я вежливо отказался вступать, хоть и приглашали несколько раз. Не люблю я вообще никаких ассоциаций и прочего, в рамках которых ты должен жить по чужим правилам. Но там и не настаивали особо. Мой бизнес сколь-нибудь ключевым для Форты не является, цены ничему не диктует, а тем небольшим взносом, который я мог бы платить, можно и пренебречь.

Оружия тут на входе не изымали, вместо этого отделили операционистов от зала стеклом и защитным полем. Людей в зале хватало, но я ожидал худшего. Увидел несколько знакомых лиц, поздоровался. В очереди, в которую я встал, передо мной оказалось трое. И тут тоже никогда заранее не угадаешь, сколько с кем возиться будут. Кому-то, может быть, надо чуток наличных со счета снять, а кому-то сотню чеков депонировать. Главное — я убедился, что Бутаков передо мной не стоит, потому что у «Водовоза» чеков должно хватать. Впрочем, его вообще в зале не было, думаю, что с ним где-то персонально в кабинете работают.

А вообще по публике видно, что все уже закрылись и всем не терпится на работу забить и начинать праздновать. Половина в очереди аж приплясывает.

Повезло, ждать долго не пришлось, очередь дошла быстро, и примерно минут через двадцать я уже вышел из банка на улицу, к стоянке, с облегчением вдохнув приятно неморозный воздух. Двенадцать сегодня на градуснике, это же прямо лафа.

Так, теперь у меня две встречи. Пикап выехал из ряда и, чуть буксанув на укатанном снегу, покатил в сторону Восточных ворот. Тут начало попадаться на удивление много пьяных, идущих компаниями. Дорога в сторону городской промзоны идет, вот и там праздничек отметили, в кругу коллег, так сказать, и уже по домам расходятся. Машин было мало, в этом направлении обычно грузовики с промки и на промку катаются, а они тоже уже работу закончили в основном. А кто-то сегодня и не начинал. Поэтому до поворота на проспект Терешковой я доехал чуть ли не в одиночестве, навстречу буквально три или четыре машины попались.

На Терешковой было чуть оживленней, но все равно — промзона слева, промзона справа, и так до самого Китая, то есть местного Чайнатауна. Первоначально район получил свое название из-за длинной, подъездов в тридцать, слегка изогнутой девятиэтажки — «китайской стены», а потом и сами китайцы подтянулись, облюбовав под жильё запущенный дом.

Откуда в Форте китайцы? Из Города. Город — бывший гарнизонный городок откуда-то из Приамурья в нормальном мире, и там из всех проваливающихся чуть ли не половина китайцы. Поначалу их тут как-то пугались, и они даже свою триаду образовали, но потом улеглось, как это обычно с ними и бывает. Держатся они кучей, в чужие дела не лезут, потом выясняется, что они в сущности совсем не агрессивны, а потом организуется Чайнатаун, куда все едут за китайской едой и всяким прочим. Как и в Форте вышло. А ксгати, время от времени заезжаю в маленький рестораник «Снежный дракон», где или ем, или беру на вынос в маленьких картонных коробках.

В «Снежного дракона» я сейчас и завернул, с удовлетворением увидев на стоянке защитного цвета «хантер» с номерами Комендатуры. Атаманов уже на месте. Я припарковался рядом, покопался в сумке, выудил оттуда плоскую коробочку, завернутую в подарочную бумагу, и прихватил с собой.

На входе никаких охранников не было, а встретила меня немолодая улыбчивая китаянка, которая здесь всегда встречает гостей. Она меня узнала, вежливо разулыбалась, приняла дубленку и шапку в перчатках, повесив это в маленьком гардеробе. А я прошел в небольшой зал, заставленный резными столами, отделенными друг от друга расписными бумажными ширмами.

Музыка здесь играла отнюдь не новогодняя, у китайцев свой календарь, так что что-то очень глубоко национальное звучало. Людей в зале было немного, пара столиков всего занята, а у окна, читая меню, сидел Атаманов — рослый, жилистый, плечистый мужик моего возраста, в небольших очках в позолоченной оправе. Одет в новый камуфляж из тех, в какой недавно однообразно переодели всех комендачей. Служит сейчас Атаманов военным комендантом Форты, а служил когда-то вместе со мной, только я

больше по штабной линии, а он по строевой. Не в Приграничье, понятное дело.

— Привет, — поздоровался я, садясь напротив. — Заказал уже что-то?

— Думаю пока. Привет и тебе. Все, в отпуск?

— Да какой у торгаша отпуск? — сразу включил я режим сироты. — На сегодня закрылся, завтра отдохну, а послезавтра уже и откроюся. Держи, с наступающим. — Я выложил перед ним на стол коробку. — Перчатки с подогревом, твой размер, из тех, что в Северореченске заказываем. Если с размером накосячил — заменим.

— Спасибо, — кивнул он. — Это тебе, — он придвинул ко мне конверт. — Здесь маршрут твоего «шевролета» по всем КПП. За Рудным его видели в последний раз, за рулем была именно Мила, а вот через погранцов она уже не проезжала.

— То есть или в Песчаном оказалась, или в Лисьих Выселках, так?

С этого перекрестка можно поехать на Северореченск, а можно на Город. Но там пограничников не миновать, а других более или менее крупных населенных пунктов в тех краях нет. Попадаются хутора, но их рассматривать, как мне кажется, смысла нет.

— Скорей всего.

Вообще искать Милу я не собирался поначалу. Ну бросила и бросила, с кем не бывает. А что взяла деньги и машину — так я бы ей и сам отдал, все же давно мы вместе. Ну относительно. Но потом как-то задумался — странно это все, не в ее стиле, как мне кажется. Может быть, что-то случилось?

Если у нее что-то случилось — она обычно мне об этом говорила, так что тоже странно. Но пока я хотя бы не поговорю с ней всерьез — не успокоюсь. Будет грызть мысль о том, что, может быть, она в помощи нуждалась. Поэтому все же решил поискать. Встречу, поговорю, посмотрю в глаза — и уеду, если мы просто расстались. Но обычно такие вещи решаются или разговором, или скандалом, но вот записками — это уже редкость. Не школьники же, взрослые люди вроде как.

Подошла молодая девочка-официантка, спросила на не слишком хорошем русском, что мы будем заказывать. Я поначалу думал не есть, все равно за праздничным столом сегодня налуплюсь, но потом сообразил, что до стола еще очень долго. Поэтому заказал курицу по-сычуаньски, жареные пельмени и хрустящие блинчики с зеленым луком. Порции у них маленькие, так что не наемся, но маяться с голоду до вечера не буду. Ну и по чуть-чуть мы с Атамановым сейчас точно примем, а это делать лучше с закуской.

— Мне все то же самое, — сказал он, отдавая меню.

Ну и водки попросили, местной. Китайцы ее тут настаивают на чем-то напропалую, получается неплохо. Немного попросили — оба за рулем, так, чокнуться в честь наступающего.

— Дружина что-то вроде СОБРа организует, причем довольно большого, — сказал Атаманов, когда принесли водку и девушка налила немножко в две совсем крошечные рюмки, или, скорее, даже пиалки, что ли. — С наступающим.

— Взаимно, — чокнулся я с ним. — Вообще или целятся на кого-то?

— Как тебе сказать, — усмехнулся он. — Нам команда пришла на усиление опорников возле «Черного квадрата». Даже техникой. Общая караулка, ГБР с броней. Но опорники размещаются пока так, чтобы автохозяйство охватывать.

— И мотивируют?

— Официально хотят нас поближе к «Черному квадрату» держать, на случай если там опять какие возмущения. В прошлый раз ведь, к слову, все прохлопали еще и из-за того, что никто не додумался поблизости опорный пункт разместить, только посты выставляли. А что посты? Уроды оттуда повалили и всех снесли. А где посты устояли, так их просто обошли.

Да, про тот бунт уродов, или измененных, как они себя сами называют, в Форте все слышаны. И проблемы были именно что из-за того, что не хватило времени и подручных сил обеспечить как оцепление гетто, так и отделить его от банд с той окраины. Все превратилось в свалку, и начальство просто ждало, пока костер сам выгорит. То есть, говоря попросту, сопли жевало и на фоне соплежуйства еще и власть делить умудрялось, под шумок устроив практически переворот, как мне рассказали.

Но только причина сейчас не в этом, тут и ребенку понятно. В автохозяйстве наемники Лиги базируются.

— А с Лигой сейчас что?

— Как мышь под веником. — Атаманов откинулся на спинку стула. — Но сам понимаешь. Наемники сидят больше на базе, район почти не патрулируют, там Дружина кругом.

— То есть им скоро предъявят, что они и службу не несут? — усмехнулся я.

— Наверняка. «Черный квадрат» официально хотят передать под надзор Комендатуры.

— А у Лиги там производства мелкие...

Лига оттянула гетто в свою зону как раз в тот бунт, пообещав решить проблемы занятости уродов, чтобы те не только на пособие жили. Вроде бы что-то запустили они по своей линии.

— Раз все городские границы на Комендатуре, то и эта тоже, — пожал плечами Атаманов. — И вообще, на городском совете разговор идет о том, что вся эта ответственность по районам — пережиток прошлого. Делить давно пора по обязанностям.

— То есть дошло наконец, что порядок лучше ментам, торговлю — торговцам, магию — гимназистам...

— Может, до конца и не дошло, но доходит. Просто кто-то в этом приобретает, а кто-то теряет. Лига теряет однозначно. Как Братство потеряло.

— Братство, насколько я помню, просто уцелело за счет того, что отступило, — хмыкнул я. — И ничего, вроде бы в авторитете сейчас.

— Но былого влияния в Форте уже нет. Раньше они на полном серьезе бодались с Воеводой. Воеводу, к слову, как должность отменить хотят. Заменить главой горсовета, а при нем замы по направлениям. Только решить пока не могут, как его выбирать, потому что все хотят что-то приобрести, а вот потерять бояться.

— Если честно, — я покрутил в пальцах маленькую пиалку, — я был бы рад, если бы в Форте за главного стал торговец или технарь. Всему свое

время. Нельзя держать мента во главе всего, у него рефлексy неправильные.

Ну и мне эти рефлексy здорово невыгодны. Разрешили бы приобретение огнестрела по вменяемым правилам, как в том же Северореченске, — у меня бы дела лучше пошли.

— Вот эту мысль многие и проталкивают. Все равно все идет к тому, что начнут делить портфели, а не районы. Это же бред, вроде все вполне современные люди, а жить пытаются феодами. Маразм. — Атаманов вздохнул, явно пытаясь задавить всплеск эмоций. — И главное, что все это прекрасно понимают, но... у каждого ведь тут интерес, там бизнес, тут бы лично контролировать хорошо — и в результате шаг вперед и два назад.

Ну, тут он мне ничего нового не сказал, проблема на поверхности лежит. Форт организовался как компромисс между группировками. Пока разговор шел о банальном выживании, группировки поделили его на территории для кормления самих себя. Вот район от нашего здания и до самой городской стены на запад был под Лигой, например. Лига там навела свои правила, следила за порядком, собирала налог в свою пользу.

Дальше эта схема начала работать хуже. Люди не хотели жить на чьих-то территориях и перебирались к другим. Начались чисто гангстерские конфликты о границах. Были вооруженные стычки и даже почти полноценная война между Дружиной с Гимназией и Братством. Потом самые умные сообразили, что так каши не сварить, племенная система не может обеспечить выживания вроде бы даже развитого общества. Самым умным оказался Торговый Союз. Деньги любят тишину, так что они первыми начали делать уступки другим группировкам, совершенно добровольно, взамен выторговывая преференции. И в результате даже их «боевая организация» под названием «Цех» превратилась из банды во вполне приличную охрану, даже с хорошей репутацией.

Затем шаг назад сделало Братство, пусть и вынужденно. Они просто съехали в Туманный, оставив в Форте свое представительство и некоторые объекты вроде Колхозного рынка, которыми легально владели как собственники. Ну и договоры на охрану остались. Былой конфликт как-то быстро угас, у Братства остались голоса в совете, а в городе стало еще спокойней.

Еще раньше, причем совершенно добровольно, проявив здоровую инициативу, так сказать, сделала шаг назад Гимназия. Гимназистам не надо было ничего никому доказывать, а вот использовать своих людей в роли «пацанов на раёне» было даже унижительно. Новая их власть, появившаяся как раз после восстания в гетто, даже начала трансформировать свое общество колдунов в некое «министерство магических дел», уступая территории в пользу функций, преференций и голосов.

На фоне всего этого вроде бы не совсем пропорционально начала развиваться Дружина, и это даже стало внушать беспокойство, но тут вмешалось что-то еще. Дружина получила, кажется в компании с Гимназией, толком это так никому и не известно, доступ к каналу в нормальный мир. Не такому каналу, через который я провалился сюда и через который Платон таскает наш товар, а какому-то серьезному, на промышленной прямо основе. Но у тех, кто забрасывает «гуманитарную помощь» с той стороны, тоже появился свой взгляд на то, как тут должно быть все устроено.

Конфликта там не было, я думаю, там опять же люди взрослые и не совсем тупые, но Дружину все же подвинули в сторону чуть более пропорционального присутствия в городских делах. Как? Достаточно просто, и притом необходимо.

Ее подразделения, такие как погранохрана, Комендатура и Патруль, получили другой статус. Если раньше был Воевода, под ним Дружина, а в ней на правах отделов перечисленные, то теперь структура сменилась. Во главе оставался все тот же Воевода, но и менты, и военные, и все прочие подчинялись ему теперь напрямую, как отдельные ветви этой самой структуры. Вроде разница и небольшая, но это только на первый взгляд, потому что раньше ментовское начальство умело и старательно перекрывало кислород всем потенциальным конкурентам, а вот Воевода, как главнокомандующий, этим не баловался. Ему ведь по большому-то счету все равно, ему лишь бы работало. Более того, ему самому подобная сбалансированная система была выгодней: подсидеть сложнее.

То есть и Дружина на самом деле сделала свой шаг назад... в одном месте, а в другом — вперед. А именно — она начала переводить на ментов охрану порядка во всем Форте, чем резко ужала кормовую базу тех, кто в новый порядок вживаться не хотел.

Среди таких нехотящих крупных игроков, кроме Лиги, не оставалось уже, и ей сопротивляться объединенным силам всех остальных группировок становилось все трудней и трудней. Сделай ведьмы шаг назад — и они превратятся в городской минздрав и собес одновременно. Будь они умными и практичными — и согласились бы, это ведь не так плохо. Спокойная жизнь, гарантированная прибыль, бюджетный поток, а врачевать они и вправду умели лучше других, тут две трети лекарств и три четверти методик от них идет, но косность мышления включалась. В результате Лига пошла на конфликт, не осознав того, что ее к этому подталкивают, но затем неожиданно решила поднять ставки до запределных, переведа в свое ручное управление всю энергетическую защиту Форта, — и проиграла. Пусть это пока официально не подтверждено, но исход конфликта уже ясен.

Тут я бы раскланяться должен, но только о моем участии в этом всем и Атаманов не знает, так что раскланиваться не буду. В общем, мы нашей теплой компанией неожиданно для самих себя и всех остальных зловещие планы сорвали, оказавшись не в том месте и не в то время. И им сейчас, я думаю, не до активности. Но черт этих ведьм знает, что им там в голову придет. Пока они успешно доказывали, что логикой пользуются не всегда.

Тут принесли еду, и мы вновь разлили настойку из маленького фарфорового графинчика в пиалки. Чокнулись, выпили.

— С боевой подготовкой что там у вас? — спросил Атаманов.

— Провел первое занятие, народ в Резерве больше толковый. Система ручного подбора сработала. Патрульное начальство относится с полной серьезностью. Им плохо, поди, на свои задачи того же Диего и Айболита заполучить?

— С февраля вас начнут понемногу привлекать в помощь Патрулю за стенами, так что готовьтесь.

— Я в курсе, Лихачев уже довел. Праздновать где собираешься?

— Дома. Гости будут, товарищи придут.

— А то мог вас с Наташей пригласить к нам присоединиться.

— У Хмеля же будете?

— Ну а где мы еще можем быть?

— Нет, мы уж по-тихому отметим. — Атаманов засмеялся и схватил с тарелки один блинчик. Завернул в лист салата, макнул в прозрачный оранжевый соус, с удовольствием откусил.

— Да и мы вроде буяннить не собирались.

Буяннить не собирались, но по всему чую, что наберемся всерьез. Как-то не отошли еще после тех приключений, душа праздника ищет. Так что Атаманов прав, да и я знал, что не придет. Жена у него женщина спокойная и семейная, а у нас там какое-то собрание авантюристов.

Посидели, доели, распрощались. Потом еще и ехали рядом до самого Южного бульвара, потому что Атаманов жил теперь там. Он свернул во двор, а я чуть дальше прокатился, до ресторана «Сен-Тропез», возле которого и свернул в Техас, в офис «Следопыта», к Диго. Ну и Тане, его секретарше, в благодарность за вечную заботу у меня новогодний подарок имеется, тоже вручить надо. Есть виски и для самого Диго, а у него мне забрать надо сюрприз для компании — четыре бутылки довольно неплохого французского шампанского. Новый год все же.

Визит получился довольно скромным — у Диго какое-то мелкое ЧП случилось, он срочно уехал, шампанское мне отдала Таня, попутно обрадовавшись подарку, а ее уже поджидал с машиной Леша Длинный — главный боец и телохранитель Диго, который должен был ее домой отвезти. То есть только меня и ждали. Для Длинного у меня, к слову, тоже подарочек был — кобура, так что всем сестрам по серьгам досталось.

Из «Следопыта» поехал в «Гостевую избу» — ресторан в начале Южного, где у меня еще одна недолгая встреча намечалась. Южный был сейчас буквально забит гуляющей публикой, а машин у тротуаров было столько припарковано, сколько я здесь еще и не видел никогда. Над всеми заведениями сверкали, вертелись и переливались всеми цветами иллюзорные елки, фейерверки, елочные шары, кометы, гирлянды и все прочее, что могла родить чародейская фантазия, а на небольшой площади перед «Сен-Тропезом» появилась очередная елка, пусть и не такая большая, как на Павших, зато эта даже вроде бы британцовывала в такт музыке.

Когда я припарковался у «Гостевой избы», мимо меня, болтая и смеясь, прошла стайка девушек, совсем молодых, и от них исходила такая непривычная для Форта буквально аура радости и веселья, что я просто с удивлением вслед посмотрел. Может, и правда жизнь налаживается?

На входе в «Гостевую избу» охранники были, двое, но на глаза они не лезли и крутости своей не демонстрировали. Охранял место Цех, а они уже определенные стандарты поведения выработали. Не зря же на Торговый Союз работают, понимают, что чем наглей охрана, тем меньше прибыли у места.

Роман, или Роман Романович, как его однажды мне представили, сидел в баре за стойкой и пил что-то похожее на лимонад, или, скорей, на лимонную фанту. Я присел рядом, на соседний табурет, поздоровался.

— Поесть не хотите? — спросил Роман.

— Уже. И еще предстоит. Так что только если... это что у вас?

— Водка со снежной ягодой, коктейль вроде как, — усмехнулся он. —

Из любопытства взял.

— И как?

— Да вроде съедобно... или питейно, как правильно?

— Правильно — внутрь. А я, пожалуй, коньячку здесь попрошу.

Хороший коньяк тут бешеных денег стоит, но раз Роман платит...

Роман был невысок, худощав, с приятным лицом и впечатления охранника не производил. Да и в общении был приятен. Нормальный мужик, можно дело иметь.

Я положил перед ним на столик тяжело брякнувший пакет.

— С наступающим.

— Это что? — спросил он, начав разворачивать бумагу.

— Противоамулетные, персонально для вас снарядил. Пусть не пригодятся.

Это не совсем те противоамулетные с железным корнем, которые я делаю для нас самих, но все равно полезная вещь. Это «обманки», они заставляют амулет верить в то, что они в два раза тяжелей, чем на самом деле. С железным корнем я решил вообще не продавать: слишком уж эффективная штука.

— Спасибо. Я заказ составил, все здесь, — он вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул его мне. — С моими людьми как поработали?

Я за отдельную плату взялся протестировать стрелковые навыки телохранителей из Цеха, но результатов Роман пока не знал.

— Значит, так. — Я принял от бармена, молодого парня в белой сорочке и красном жилете, бокал с коньяком, кивнув благодарно. — Ваши специфические рефлекссы, которые хороши для рукопашки, стрельбе идут во вред. Я поочередно стрелял в стоящие рядом мишени с вашими людьми — и никто из них по скорости поражения цели даже близко ко мне не подобрался.

— Почему так? — непохоже, что он слишком уж удивился.

— Когда ваши ребята в режиме «акселерации» действуют — движения у них слишком резкие, под рукопашку. А в стрельбе скорость — синоним слова «плавность». Двигаешься резко — и вскинутый револьвер проскакивает за линию стрельбы, надо возвращать его обратно. Потеря времени.

— А без «акселерации»?

— А без «акселерации» их и не учил никто, все еще хуже.

Я, к слову, заметил, что в Форте больших стрелков особо-то и не было. Были меткие, но не быстрые, например. Или просто не знающие основ. Вояки для вояк неплохо стреляли, но у них стрелковая своеобразная, тем же телохранителям Романа она никак не подходит. Да и откуда всему этому здесь было братья? Кто провалился, тот и учил.

— Учить сами не хотели бы?

— Это как заплатите, — ответил я совершенно честно. — И сколько часов в неделю потребуется.

— С часами сами определитесь, как вам удобно. Я вообще ожидал такого отзыва, если честно.

А я — нет. Цех известен тем, что это не просто охранная контора, это целая система перераспределения сил между участниками сети. В нужный момент любой из них может продемонстрировать почти нечеловеческие рефлекссы, и в драку с цеховиком я бы никому не советовал вступать. Но

вот оказалось, что стрельбе это вредит. Это я еще вежливо о способностях «лички» отозвался. Этих надо не просто учить, а еще и переучивать, что намного трудней. Может, пусть и дальше просто амулетами и холодняком балуются?

Но этого вслух не сказал — платить ведь хотят. И купить много чего, это практически половина груза целой ходки «за ленточку». Очень неплохо.

Коньяк тут все же так себе, надо сказать. Не глянул даже на бутылку, когда наливали, вот и гадаю. Нет, в «Гостевой избе» лучше русскую кухню трескать и хреновухой запивать. Это бар у них вроде как так, особнячком, стиль не выдерживает. Да и не пью я водку, пусть и хреновуху, без закуски и в баре.

В общем, посидели с Романом недолго, допили, что было, да и распрощались, договорившись связаться аж после Рождества. Он вроде как в отпуск решил уйти. Это хорошо, что до Рождества, а не сразу до старого Нового года.

На выходе меня ждало нечто вроде сюрприза — столкнулся с Темой Жилиным. Тот был один, без всяких телохранителей, что для него редкость, но думаю, что отдельный стол им брать он пожлобился, поэтому оставил снаружи.

Увидев меня, Тема среагировал как-то неадекватно — испугался, что ли? В трусах он никогда не числился, да и конфликт наш вроде как контрразведка Дружины утрясала, так что решиться он должен был окончательно, причины испуга я не понял. Нет, он не закричал, не побежал и не начал руками закрываться, он просто слегка дернулся, увидев меня, а потом в глазах у него испуг заметил, но как-то многовато эмоций даже для неожиданной встречи. Не в темном ведь переулке встретились, кто глупости делать начнет? А тут он словно на бешеную собаку неожиданно для себя налетел.

Через мгновение он вновь обрел уверенность в себе, даже кивнул мне холодно и прошествовал в зал. А я посмотрел ему вслед, хмыкнул удивленно, забрал свою дубленку с прочим — да и пошел на улицу.

Хмель

31 декабря, канун Нового года

Левой-правой! Левой-правой! Левой-правой!

Соленый пот заливал глаза, дыхание сбилось, руки налились свинцом, но перчатки продолжали выбивать пыль из старой боксерской груши, подвешенной к потолку в свободном углу подвала.

Левой-правой! Левой-правой...

— Резче! Левой активней! Резче! Не открывайся! Вкладывайся всем корпусом! Резче!

Подпиравший грушу двухметровый верзила всерьез вошел в роль тренера и не закрывал рта ни на минуту, да только другого и ожидать было нельзя: у Ивана юношеское увлечение боксом и последующее использование полученных навыков в повседневной жизни было написано на лице. Впрочем, я к его советам не прислушивался и лупил спортивный снаряд как придется.

Я люблю спорт и активный образ жизни, но это скорее фитнес и поддержание себя в форме, нежели что-то большее.

— Ну, дядя Слава!.. — разочарованно протянул мой помощник по бару и пивоварне. — Ну кто так бьет? Ну что вы меня позорите? У вас хулиганы на улице семок попросят, вы их так же толкать станете?

Я отступил от груши и принялся стягивать перчатки. Майка полностью промокла от пота, спортивные штаны если от нее и отставали, то не намного.

— Понимаешь, Ваня, — сказал я, с шумом прочистив легкие, — не собираюсь я никого бить. Ну сам посуди, можешь представить, чтобы я кого-нибудь вдруг ударил... пустой рукой?

И я поднял кисти, демонстрируя давным-давно переломанные и выбитые костяшки.

— Это больно и чревато ненужными травмами. В свое время я это проходил и своих ошибок повторять не собираюсь.

— Ну и на фига тогда мы грушу повесили? — добродушно усмехнулся Иван, небрежно ткнул спортивный снаряд кулаком, и тот прогнулся на жалобно лязгнувшей цепи.

— Спорт — наш друг, — ответил я банальностью и при этом нисколько не покривил душой. — Сидячий образ жизни до добра не доведет, знаешь ли.

— Может, сами кеги таскать будете? — немедленно предложил помощник.

— Разовые пиковые нагрузки не дадут желаемого эффекта.

— Ни фига себе разовые!

— Ну ты меня понял.

— Значит, кеги на мне? — вздохнул Иван.

Я стянул мокрую майку и спросил:

— Баня теплая еще?

— Теплая.

— Тогда сполоснусь, а ты бар открывай.

— Заметано.

Иван напоследок наподдал груше основанием открытой ладони и поднялся из подвала. Я пошарил по карманам брошенных на стул карго-штанов, выудил спичечный коробок, разложил на столе перед собой разноцветные пилюли.

Семь штук, по всем цветам радуги. Хоть недавние приключения на пользу моему здоровью и не пошли, но не пришлось хотя бы увеличивать суточную дозу алхимической дряни. Чтобы удержать в равновесии внутреннюю энергетику, вполне доставало обычной дозировки.

Я подгрел старенькую «Омегу» на металлическом браслете, развернул к себе циферблатом и начал одну за другой глотать разноцветные горошины, запивая их водой.

Не дело, конечно, сразу после тренировки воду хлебать, но семь глотков проблемой точно не станут. А насухую пилюли принимать просто невозможно, ибо гадость жуткая. Весь день потом изжогой промучаюсь.

Под конец накатило головокружение, меня замутило, и я опустился на стул, дожидаясь, пока стихнут неприятные ощущения. Вскоре голова очистилась, осталась лишь легкая тошнота.

Вот поэтому и не пью таблеток до утренней тренировки. Все же без последствий вылазка за городские стены не осталась, чуток до сих пор ломало.

Впрочем, еще легко отделался. Саня-чародей куда дольше отлеживался, а уж как его в Лазурное Солнце ломало — просто караул. Я, впрочем, Черный Полдень тоже плохо перенес. Правда, насколько именно плохо — не помню. Пока самогоном не накидался, на стены лез, ни таблетки, ни алхимический абсорбент не помогали, а как накидался — уже ничего не помню. Совсем. То еще лекарство.

Меня вновь замутило, и я поспешно прогнал неприятные мысли. С кряхтением поднялся со стула, собрал одежду. Затем окинул взглядом оборудование, но то оказалось в идеальном порядке. Оно и понятно: уже вторую неделю пива не варим.

И сегодня тоже варить не будем. Тридцать первое декабря, как-никак канун Нового года. Время елок, мандаринов и предпраздничной суеты. И если елки и мандарины остались в нормальном мире, то суеты у нас хоть отбавляй.

Надолго в бане я задерживаться не стал, только смыл пот и переоделся в чистое, но, когда прошел в украшенный еловыми ветками бар, на кухне уже горел свет, а за одним из столов расположился ранний посетитель. И если появление тети Маши несколько не удивило — стряпуха собиралась приготовить закуски к новогоднему столу, чтобы освободиться пораньше, — то господин Смирнов сейчас совершенно точно должен был нести службу в городском Арсенале, а не халкать пиво по барам.

Я обернулся к стоявшему за прилавком Ване, тот только вздохнул.

— Уже второй пьет, — сообщил он, не повышая голоса.

Вот оно как! К самому открытию, значит, приехал. Или даже дожидался на улице, пока бар отопрут, так приспичило.

Несколькими качками помпы я на треть наполнил бокал светлым элем и присоединился к лысоватому мужичку неопределенного возраста.

— Что, Петрович, трубы горят? — спросил, усаживаясь напротив.

— Ох, горят, — признал Смирнов и приложил бокал ко лбу. Потом взглянул на меня. — Слава, вот скажи, у тебя в подвале нормальные кружки, почему здесь бокалы? Кружка голову куда солидней холодит.

Я усмехнулся.

— А еще кружкой голову сподручней проламывать.

Пусть драки у меня случались нечасто, но расслабляться не стоило. Питейное заведение — такое место, где в зазор между косым взглядом и поножовщиной разве что пара слов уместится.

Петрович вздохнул, соглашаясь с моим доводом, и вновь отпил пива.

— Корпоратив затянулся? — предположил я.

— В карты полночи резались, — покачал головой Смирнов, слывший записным картежником и большим любителем преферанса.

— В «Серебряной подкове» набрались, что ли? — удивился я. — Без штанов не остались?

— Нет, после казино в «Цаплю» перебазировались.

— Понятно.

Смирнов осушил бокал и махнул рукой Грачеву:

— Вань, повтори!

— Погоди! — попросил я. — Петрович, а тебе не хватит? На службу ведь еще, поди?

— Не, — усмехнулся Смирнов и расслабленно развалился на сиденье. — У меня выходной. Имею право.

Но мне так не казалось.

— Вот смотри, — вздохнул я. — Ты сюда на своей тарактелке приехал? И отсюда на ней уехать хочешь, так? Тебя не развезет на старые дрожжи?

— Не развезет.

— Допустим, — покладисто кивнул я. — А жена? У всех праздник, Новый год, а ты такой нарядный домой вернешься.

— Просплюсь.

— Может, просто стоит притормозить?

— Слава, ты владелец бара! Ты не должен за трезвость агитировать! — возмутился Петрович и потер ладонями осунувшееся лицо. — У вас товар, у нас купец! Не надо все усложнять!

— Я о будущем думаю. Вот прибьет тебя жена сковородкой — и оставит меня без постоянного клиента. И что тогда? Сплошные убытки!

— Кого прибьет? — гордо расправил плечи Смирнов. — Меня? Слава, да я в разведке служил! Маскировке обучен! Она и не заметит ничего!

— Петрович, ты в геологоразведке служил, — поправил я собеседника, припомнив байки о его трудовой биографии. — От жены маскироваться легко, когда она за пять тысяч километров, а здесь отхватишь.

— Не нальешь?

— Вань! — окликнул я помощника. — Еще один бокал, и все.

— И пятьдесят грамм на посошок, — пробурчал Смирнов.

— Может, сразу ерша налить? — усмехнулся я, подошел к Грачеву и предупредил: — Никакого самогона, понял?

Иван кивнул и продолжил размеренными движениями накачивать в бокал пиво.

С кухни потянуло запахом стряпни, я решил принести что-нибудь для Смирнова, но тут зазвонил стоящий на стойке телефонный аппарат.

— Хмелев слушает, — произнес я, поднимая трубку.

— Слава! Ты-то мне и нужен! — раздался из динамика голос Владимира Ханина.

Я обреченно поморщился. Помимо руководства отделом службы собственной безопасности Дружины, майор Ханин курировал деятельность клуба «Западный полюс», и поводом для звонка в преддверии новогодних праздников могла стать лишь нехватка пива. Так уж традиционно сложилось, что в дни между Черным Полднем и старым Новым годом в Форте выпивалось столько алкоголя, сколько не выпивалось за все летние месяцы, вместе взятые. И ладно бы снимали стресс простые работяги, так нет — на каникулы уходило большинство служащих, что временами напрягало просто неимоверно.

А еще меня напрягало, когда кто-то пытался выбить дополнительную партию пива, хотя все поставки на этот период расписывались едва ли не за месяц вперед, а то и за два. Лишнего пива у меня просто не было.

— Слушаю вас, Владимир Михайлович, — сказал я, усаживаясь на табурет. — Случилось что?

— Ну почему сразу случилось? — удивился Ханин. — С Новым годом звоню поздравить.

«Да ладно», — едва не вырвалось у меня; вместо этого я со всей возможной серьезностью ответил:

— Очень приятно.

— И еще просьба у меня будет...

Я беззвучно выдохнул проклятие, вслух произнес:

— Не вопрос. Помогу чем смогу.

И не особо даже покривил при этом душой. Отказывать Ханину было не с руки. Круговая порука, чтоб ее. Ты — мне, я — тебе; рука руку моет, и все такое прочее.

— Нужен ящик пива, — ожидаемо сказал дружинник.

— Ну, Владимир Михайлович! — укоризненно протянул я. — Ну не первый же раз...

— Понимаешь, Слава, — проникновенно произнес Ханин, — это не для бара. Костя Арабов... ты ведь знаешь Костю? Он Новый год у себя праздновать собирается, а кто-то из гостей в самый последний момент предупредил, что пьет пиво. Выручай.

Я только вздохнул. Я знал Костю. В этом не было ничего необычного, ведь Костю знали все. Бессменный чемпион последних лет Форта по боксу в последнее время отошел от спорта, но на его известности это нисколько не сказалось.

Продажа ящика пива такому человеку могла стать неплохим рекламным шагом, если бы не одно немаловажное обстоятельство: господин Арабов числился завсегдаем не «Западного полюса», а вовсе даже «Ширли-Муры». И что мне Денис Селин на это скажет?

— Слава! — послышалось в трубке. — Ты на линии?

— Сейчас посмотрю, что можно сделать, и перезвоню, — пообещал я и утопил рычажки телефонного аппарата, не слушая возражений собеседника. Отпустил их, покрутил диск, набирая номер «Ширли-Муры», и попросил позвать к телефону управляющего.

— Это Хмелев, — представился, предупреждая расспросы администратора.

Денис Селин взял трубку через пару минут.

— Что у вас там с Арабовым? — с ходу огорошил я его неожиданным вопросом.

— Вот блин! — простонал Денис. — Он сейчас у тебя?

— Нет, но меня настоятельно просят снабдить его пивом.

— Он нас всех задрал уже! Новогоднее меню пришлось из-за него перекраивать!

— А мне-то что делать, скажи? — спросил я.

— Много просят? — уточнил Селин.

— Ящик.

— Сможешь выделить?

— А мне оно надо?

— Едят ли кошки мошек? — философски протянул Денис. Потом усмехнулся. — Дай, если не жалко. Мы в претензии не будем. Он кому угодно душу вынет, если что в голову втемяшится.

— Вот ты порадовал, — пробурчал я, кинул трубку и отправился в холодную комнату, где хранилось бутылочное пиво. С печальным вздохом оглядел свои изрядно поредевшие за последнее время запасы, потом вернулся за стойку, позвонил в «Западный полюс» и озвучил цену вопроса.

Бесплатно поить я никого не собирался. Не благотворительная организация.

Владимир Ханин молча выслушал мои условия, прикрыл ладонью динамик, явно советуясь с кем-то, и спросил:

— Подвезти сможешь?

— На площадь подвезу. Либо встречайте, либо у охраны оставляю.

— Не надо оставлять, кто-нибудь встретит. Во сколько?

Я взглянул на часы и сообщил:

— В час.

— Отлично.

Зазвучавших в трубке коротких гудков я слушать не стал, бросил трубку на рычажки и убрал под стойку отобранное на продажу пиво.

— Нарасхват? — усмехнулся Иван.

— Как тебе варка первого числа? — пошутил я в ответ.

— Второго — запросто. На первое у меня планы. И выходной, так?

Я понимающе улыбнулся.

— Гимназистки?

— Они.

— Ладно, тогда второго.

Первого числа я и сам вряд ли встану раньше полудня. Какая еще варка?

Взглянув на цедившего пиво Смирнова, я напомнил помощнику ему больше не наливать и отправился наводить порядок в подвале. Бар излишней вместительностью похвастаться не мог, все пять столов и даже места у стойки были зарезервированы на новогоднюю ночь постоянными клиентами, поэтому моим собственным гостям придется выпивать внизу. Там неплохо и даже уютно, но перед банкетом надо хоть немного прибраться.

В подвале провозился до двенадцати. Вроде дел всего ничего, но одно убрать, другое переставить, стол складной разложить, стулья на всю компанию принести. Мороки много, даже запарился немного. Привлекать Ивана не стал: кому-то надо и за баром приглядывать; у тети Маши сегодня на кухне дел невпроворот.

Когда поднялся, все столы оказались заняты, но не вечерними гостями — до восьми вечера вход у нас свободный. Хоть новогодняя толчея уже поперек горла встала, да только деньги лишними не бывают. Вот завтра — выходной; пусть дома похмеляются. Мы на послепраздничное похмелье тоже право имеем.

— Слава, ты меня отпускаешь? — спросила тетя Маша, когда я проходил мимо кухни.

— Да, конечно. Идите. С наступающим!

— Сами справитесь? — с сомнением посмотрела на меня стряпуха.

— А я сейчас Ирину привезу, она поможет.

Ирина ко мне жить так и не переехала, да я особо на этом и не настаивал. Взрослым людям вообще тяжело сходитья друг с другом, а уж когда о

создании полноценной семьи даже речи не идет, так и вовсе. Проще друг к другу в гости ходить и время от времени с ночевкой оставаться.

— Иван! — окликнул я занятого в зале помощника. — В подвале прибрался, часа на три отъеду по делам.

— Хорошо, — отозвался тот.

Тогда я поднялся к себе, отцепил с пояса кобуру с револьвером и переложил оружие в обычную кожаную сумочку. Сумочка была ни в какой мере не тактическая, а самая обычная, и заподозрить наличие в ней оружия мог лишь натуральный параноик или же человек в высшей степени предусмотрительный и осторожный. И те и другие среди бандитов встречались нечасто, поэтому я спокойно носил револьвер в сумочке с переброшенным через плечо ремнем. Сорвать — не сорвут, достать проще простого.

«Таурус» был заряжен патронами с картечью, запасной боекомплект сорок пятого калибра дожидался своего часа в накладном кармашке. А больше и не надо. Больше — это уже натуральная война получается.

Надев куртку, я по привычке охлопал себя по карманам. Бумажник с удостоверением, выкидной нож, ключи от машины и отводящий пули амулет — все оказалось на месте.

Но одним лишь револьвером я ограничиваться не стал и, перед тем как выйти во двор, вытащил из-под стойки бара жезл «свинцовых ос». Как-то мне карабины ближе, не иначе секция пулевой стрельбы о себе знать дает.

— Все, я ушел! — крикнул помощнику, покидая особняк через черный ход.

На улице оказалось тепло. Нет, действительно тепло — никакой иронии. Градусов десять ниже нуля, наверное. По нашим меркам — оттепель. Обычное дело после Лазурного Солнца. Скоро опять похолодает.

Кинув «Шершень» на пассажирское сиденье, я выгнал из сарая «буханку» неприметной серой расцветки и открыл ворота. Точнее — приоткрыл.

Приоткрыл, осторожно выглянул на улицу и лишь после этого до упора раздвинул створки в разные стороны. Пусть порядка в Форте в последние годы и прибавилось, но беспредельщиков хватало до сих пор. Никогда не знаешь, на кого нарваться угораздит. Да и праздники — в пьяную голову что только не взбретет. Лучше поберечься. Опять же и тянется за нами с Клондайком одна история, могут припомнить.

Нет, даже не так. Если вычислят, то припомнят и покритикуют непременно. Разговоры разговаривать никто не станет, грохнут — и все дела. А не хотелось бы.

Объехав дом, я притормозил перед дорогой, пропуская такой же, как у меня, УАЗ, только с синей полосой и соколом на боку. И почти сразу из-за угла показали двое дружинников, один с коротким помповым дробовиком, другой с АКМ.

Но это не по мою душу, просто улицы патрулируют. Не знаю точно, что затевается, но разлитое в воздухе напряжение ощущается буквально физически. Никогда раньше Дружина столь демонстративно в западную часть Форта не навевывалась. А теперь пусть по границе района, но проходятся с завидной регулярностью. Особенно после недавних бандитских разборок.

Пропустив дружинников, я взглянул на часы и вывернул руль, выезжая на проезжую часть. Просьба Ханина завезти пиво выбила из графика, но

слишком сильно притапливать педаль газа не стал: из-за каникул и теплой погоды на улицах заметно прибавилось людей, и перебегали дорогу пешеходы в самых неожиданных местах. А давить пешеходов, пусть даже и пьяных, с какой стороны ни посмотри, — нехорошо. К тому же дороги по случаю праздников толком не чищены, а ночью снег шел, и забуксовать в таких условиях проще простого.

Нет, тише едешь — дальше будешь. Все верно говорят.

Форт перед Новым годом слегка привели в порядок, большинство вывесок и рекламных щитов на стенах домов подсвечивались чародейскими светильниками, и, если особо не приглядываться, можно было даже решить, будто неким чудом перенесся на улицу нормального города.

Бред, конечно.

Ирина со мной до сих пор так и не разговаривала. На прямые вопросы еще что-то отвечала, да и то — слова лишнего не вытянешь. А так молчит, будто партизан на допросе. Обиделась. За здоровье мое беспокоится. Можно подумать, от ее молчания оно улучшится.

— Мне на площадь Павших заскочить надо, — предупредил я Ирину, убирая «Шершень» с пассажирского места за свое сиденье.

— Заезжай, — спокойно ответила та, передала мне сумку с вещами и больше не сказала ничего.

Я приставать с разговорами не стал и тронулся с места. Выехал на Красный проспект, с него свернул на площадь Павших и остановился неподалеку от памятника, у которого взмывала к небу иллюзорная елка. Гимнасты расстарались.

Днем мираж выглядел не слишком эффектно, но с наступлением сумерек обретал глубину и объем. Ночью его сияние можно было увидеть даже из самых отдаленных районов. Смотрелось это зрелище слегка аляповато на фоне заснеженных улиц и серых домов, но «нужна же людям хоть какая-то отдушина!» — так, наверное, подумали в городском совете.

Мне елка не нравилась. И голову при одном только взгляде на нее лопить начинало, и как в анекдоте о фальшивых елочных игрушках — ну вот нет радости, и все тут. Совсем нет. Даже не помню, когда последний раз новогоднее настроение накатывало.

Долго задерживаться на площади не пришлось. Кутавшийся в легкое пальто бармен «Западного полюса» уже дождался нас у будки охраны с эмблемой в виде увитой колючей проволокой шестерни. Озябший парень подбежал к машине едва ли не вприпрыжку, я выбрался из кабины, отпер заднюю дверцу и указал ему на фанерный ящик с двумя десятками пол-литровых бутылок.

— Забирай!

Бармен передал мне оговоренные четыре червонца и подхватил коробку.

— Постой! — встрепенулся я. — Тару когда вернете?

— С кегами привезут, — пообещал парень и потащил пиво к спуску в Кишку.

Я вернулся за руль, взглянул на часы и понял, что завезти Ирину в бар уже не успеваю.

— Слушай, давай еще в «Ширли-Муры» заедем? Тут по дороге.

— Да заезжай куда надо! — ответила девушка, не скрывая недовольства.

Впрочем, если бы мы поехали напрямик в бар, от этого ничего ровным счетом не изменилось бы. Просто настроение такое демонстративно поганое.

К «Ширли-Муры» я подъехал с черного хода. Развернулся, сдал задом к дебаркадеру и заглушил двигатель.

— Пойдешь со мной? — спросил Ирину.

— Нет, — отказалась та, но уже не из вредности — этот клуб она и в самом деле не жаловала.

Я вновь завел двигатель, оставил работать его на холостом ходу и приоткрыл дверцу. Аккуратно, дабы не зацепить боковое зеркало красного «ки-блэйзера», выбрался наружу и поднялся по очищенному от снега бетонному пандусу на дебаркадер.

Звонить не пришлось — знакомый охранник распахнул дверь и спросил:

— Заказ забирать?

— Ага, — кивнул я и достал список. — Начальство можно не звать.

— Одну минуту, — попросил крепыш и скрылся в коридоре. Его напарник с обрезом двустволки на коленях остался сидеть в своем закутке.

Владельцы заведения изо всех сил старались выглядеть respectable предпринимателями, но время от времени, как вот с этим ружьем, сбивались на бандитский шик. Это в среде латиноамериканских гангстеров в моде золоченые пистолеты и «калашниковы» с инкрустацией, у нас все куда брутальней. Обрез курковой двустволки — вот наш выбор. Но вооружать им охранника — все же явный перебор.

Вскоре крепыш вернулся, вслед за ним появилась пара подсобных рабочих. Я открыл входную дверь и отступил в сторону, позволяя им вынести на улицу ящики, обтянутые вакуумной пленкой. Немудреные заклинания сохраняли заказанные мною блюда свежими, при подаче на стол их даже не требовалось дополнительно подогревать. Срок действия нанесенных на полиэтиленовую пленку алхимическим маркером рун был недолог, но до полуночи они протянут, а больше и не надо.

Грузчики начали спускаться по пандусу, я прямо с дебаркадера спрыгнул в снег, подбежал к машине и распахнул заднюю дверцу. Убрал к стенке валявшуюся там штыковую армейскую лопатку и стал принимать ящики и составлять их в кузов. Когда грузчики отправились за следующей партией, я развернул список, отметил уже принесенные позиции и захлопнул дверцу, не желая выстужать машину больше необходимого.

Вновь распахнулась дверь черного хода, но вместо рабочих на улицу вышел управляющий заведением — Денис Селин собственной персоной.

— Привет, Слава! — поздоровался он, зябко поежился и застегнул распахнутый до того пиджак.

— Привет, Денис! — отозвался я и протянул руку снизу вверх, не став подниматься на дебаркадер.

Селин нагнулся ответить на рукопожатие и спросил:

— Дал Арабову пива?

— Ты ж не против был?

— Да я и сейчас не против, — рассмеялся Денис. — У себя отмечаешь?

— Ага, — кивнул я. — Совмещу приятное с полезным.

— Мы тоже совместим, — сообщил Селин и посторонился, пропуская грузчиков. — Нормально все?

— Нормально, — ответил я и вернулся к машине.

Селин махнул на прощанье рукой и ушел в клуб. Я загрузил в УАЗ ящики, вновь сверился со списком и забрался за руль.

Ирина при моем возвращении не произнесла ни слова. Честно говоря, гробовое молчание человека рядом всегда немного напрягает, но я стойчески держался, не желая просить прощения и начинать каяться в грехах, реальных и мнимых. Рассосется само собой как-нибудь.

На выезде со двора пришлось пропустить растянувшуюся колонну грузовиков, потеряли пять минут. В итоге я не стал выгружать коробки с провизией, а лишь высадил Ирину и сразу развернул «буханку» на расчищенном от снега пятачке. Вернулся на Красный проспект, повернул направо и погнал УАЗ к Южному бульвару, а точнее — к поселку Луково, что раскинулся за ним россыпью одно- и двухэтажных частных домов.

Над крышами заколыхалось мутное облако дыма печных труб, тянувшаяся меж высоких заборов дорога превратилась в две укатанные колеи. На перекрестке я сбросил скорость до минимума, но и так при повороте «буханку» заметно повело в сторону.

Минут через пять я остановил УАЗ перед воротами, за которыми прятался добротный особняк с обширными надворными постройками. Выскочив из машины, несколько раз стукнул железным кольцом калитки, потом развернулся и взглянул на развалюху напротив. Скособоченный домишко казался нежилым, но мне было доподлинно известно, что в нем постоянно несет дежурство пара гимназистов. Вневедомственная охрана, так сказать.

Виктор Бородулин заведовал на промзоне алхимической лабораторией, был причастен к разработке разных хитрых препаратов, и потому колдуны присматривали за ним круглые сутки напролет. Вероятно, для столь назойливой опеки имелись веские основания, но лично мне при мысли о жизни под колпаком всякий раз становилось не по себе.

Я взглянул на часы, раздраженно обернулся и с силой саданул железным кольцом по доскам. Калитка немедленно распахнулась, и на улицу вышел крепкого сложения мужичок в меховой шапке, тулупе, теплых штанах и собачьих унтах. С плеча свешивался гладкоствольный карабин двенадцатого калибра «Сайга».

— Че долбишься? — пробурчал Семен Лымарь, бывший при хозяине дома чем-то средним между охранником и младшим партнером. На его skulle змеилась паутина старых шрамов, серых и плохо заживших.

— Уснули, что ли? — не менее раздраженно ответил я и постучал двумя пальцами по левому запястью. — Цигель-цигель, ай-лю-лю! У меня времени в обрез!

Лымарь внимательно оглядел пустую улицу и вернулся во двор.

— Заезжай! — разрешил он, раскрыв ворота.

Я забрался за руль и загнал «буханку» за забор. Семен тут же сдвинул створки и указал на сени:

— Забирай.

Сам принялся отпирать навесной замок на двери сарая и уточнил:

— Только колбасу берешь?

— Сардельки еще, — ответил я и прошел в сени.

Бородулина там не оказалось, только стояла заранее приготовленная для меня коробка с таблетками. Я выложил рядом сверток с разнокалиберными серебряными монетами и выглянул во двор.

— Хозяин где? — спросил Лымаря.

— Некогда ему, — сообщил Семен. — Новый год.

— Не рано отмечать начали?

— Старая бригада собралась, — пояснил Лымарь и поторопил меня: — Давай быстрее, некогда мне!

Вдвоем мы быстро погрузили провизию в «буханку», я уселся за руль и, устроив на пассажирском сиденье коробку с лекарствами, спросил:

— У вас нормально все?

— Пронесло, — успокоил меня Семен, распахивая ворота. — Больше так не делай.

— Постараюсь, — усмехнулся я и захлопнул дверцу.

Таблетки Бородулин в своей лаборатории готовил из разряда тех, что учитываются едва ли не поштучно, и отпускать их на сторону он не имел никакого права. Дело было даже не в пилюлях, которые мне приходилось глотать каждое утро, эти таблетки лишь послужили поводом для знакомства. Помимо них Бородулин поставлял алхимические препараты, которые сохраняли часть своих чудодейственных свойств и в реальном мире. Переправляя их через Границу Сергей Платонов, кондуктор и мой партнер. С доставкой товара сложностей никогда не возникало, куда трудней было привлечь денежных пациентов по ту сторону Границы. Сам я в детали не вникал, оставив черновую работу на откуп партнеру, знал только, что в теплых водах Карибского бассейна плавала яхта-клиника, где состоятельных клиентов исцеляли от ряда заболеваний, относимых традиционной медициной к разряду неизлечимых. Часть выручки шла на развитие бизнеса, часть возвращалась сюда в виде товаров, оружия, боеприпасов, автомобилей и даже серебра. Но это уже совсем другая история.

Выехав на Южный бульвар, я не стал поворачивать к бару и погнал УАЗ дальше, напрямик к Колхозному рынку. Первое правило посредника — не держать горячий товар при себе дольше необходимого. Один раз я на этом едва не погорел и вновь так рисковать не собирался. Поэтому и торопился: из-за всех этих предновогодних и новогодних праздников график переходов полетел псу под хвост, и, если не всучу таблетки Платону прямо сейчас, придется хранить их у себя как минимум пару дней, пока он не просохнет. Кондуктор свое дело знал туго, но и гульнуть тоже любил. Стресс.

Парковка перед рынком оказалась забита автомобилями и санями, искать там свободное место было пустой тратой времени, поэтому я объехал вытянутое здание и загнал «буханку» на полупустую служебную парковку у административного блока. Человеку со стороны делать этого категорически не рекомендовалось, но начальник охраны рынка был моим хорошим знакомым, и несшие тут службу братья знали в лицо не только меня самого, но и УАЗ.

Распотрошив коробку с лекарствами, я убрал под сиденье упаковки разноцветных пилюль, которые пил сам, запер автомобиль и поспешил на

рынок, но волновался напрасно: как и договаривались, Платон дождался меня за прилавком своей торговой точки посреди завешанных зимней охотничьей одеждой стеллажей и полок с теплыми ботинками.

— Привет, Серый! — поздоровался я с ним, расстегнув куртку. — Привет, Мить! — протянул руку худощавому телохранителю кондуктора. — Куда Светку дели?

— Кофе варить отправили, — сообщил Серега Платонов и щелкнул пальцем по керамической кружке. — Будешь?

Без доброй порции коньяка в кофе точно не обошлось, слишком уж специфический от него шел аромат, поэтому я только покачал головой.

— Смотрю, ты времени зря не теряешь, — усмехнулся, передавая кондуктору коробку с таблетками. — Прибери.

Сергей спрятал товар под прилавок и спросил:

— Налить?

— Я за рулем.

— И что с того? — благодушно рассмеялся Платон, огладил обрамляющую румяные щеки русую бородку и указал на охранника. — Он вообще на работе пьет.

Дмитрий аж поперхнулся.

— Вот ничего себе предьява!

Я хлопнул кондуктора по плечу и зашагал на выход, напомним:

— Подгребайте к восьми, и чтоб без опозданий.

От осознания, что все успел и дела на сегодня закончены, накатила расслабленность. Захотелось даже вернуться и хлебнуть кофейку, а то и чего покрепче, но я усилием воли задал неуместный порыв, решив вместо этого навестить начальника местной охраны.

К моему немалому удивлению, дежурного в приемной не оказалось, но стоило только приоткрыть следующую дверь кабинета, как причина нарушения устава караульной и гарнизонной служб объяснилась сама собой. Кабинет Климова заполнили плечистые парни в бронежилетах с короткими тесаками и дубинками на поясах. Рабочий стол был завален жезлами «свинцовых ос» и футуристического вида чарометами.

Пересменка.

Климов заметил меня и спросил:

— Есть пять минут?

— Нет, пожалуй, — покачал я головой.

— Придется найти. Подожди, сейчас освобожусь.

Я вышел в приемную, сдвинул на бок сумочку с револьвером и уселся за стол дежурного. Долго и в самом деле ждать не пришлось; вскоре дверь распахнулась, и охранники, позвякивая железом, гурьбой повалили на выход.

Клим вышел следом, встал в дверях и поинтересовался:

— Какие новости?

— Чек будет после праздников, — сообщил я.

— Отлично! Заходи, Слав, — позвал он меня в кабинет.

Я прошел следом и уточнил:

— Что с радиодетальями?

— Дней через десять последнюю партию привезут. — Клим отпер сейф и достал оттуда увесистый пакет. — А пока семь килограмм как с куста.

— Нормально.

— Выпьешь? — спросил начальник охраны и оттянул от шеи ворот вязаного «турецкого» свитера.

— Вы сговорились, что ли? — возмутился я. — За рулем я! За рулем! Лучше сам завтра приходи. Сегодня с семьей ведь?

— С семьей, — подтвердил Клим. — Ладно, вали тогда. Пойду посты проверять. Никакой пользы с тебя, Хмель. Одни убытки.

— Чек после праздников, — напомнил я и отправился восвояси.

Вышел на крыльцо черного хода, натянул на голову вязаную шапочку, с привычной уже настороженностью огляделся. На улице вечерело, и сгущались сумерки, но окончательно стемнеть пока не успело. На парковке — никого.

Сбежав с крыльца, я обошел УАЗ и распахнул заднюю дверцу. Уместил полученный от Клима пакет с радиодетальями рядом с остальными коробками, выпрямился и вдруг услышал отчетливый скрип снега за спиной.

Казалось бы — ну что тут такого? Скрип и скрип. Мимо кто-то идет, делов-то.

Но сердце так и екнуло.

И я обернулся. Просто обернулся, не став доставать из сумочки револьвер. Не посчитал нужным тратить на это время. Первое, чему учат в учебке Братства, — это ценить время и не разбрасываться им попусту.

— Уважаемый, а как внутрь попасть? — вопрос застал меня на полуобороте; задал его шагавший через парковку незнакомый парень в ушанке и короткой фуфайке.

Это я отметил краем глаза, а потом парень рывком приблизился и ткнул меня ножом. Точнее, попытался — острое клинка жалобно звякнуло о подставленную армейскую лопатку и соскользнуло в сторону.

Я резко крутанул предусмотрительно выдернутую из кузова лопатку, метя заточенной боковой по шее не ожидавшего подобного поворота бандита. Но сказалось долгое отсутствие практики, замах вышел чуть шире, чем следовало, и парень успел скособочиться и принять удар на плечо. Фуфайка защитила бандита от травмы, и все же на миг он потерял равновесие — не иначе из-за того самого излишнего усилия, вложенного мной в замах.

Я немедля отпрыгнул, разрывая дистанцию. Лопатка полетела в снег, пальцы ухватили хлястик застежки, раскрывая сумочку...

А как иначе? Кидаться врукопашную, рискуя получить ножом в живот, когда у тебя есть ствол, не слишком умно, с какой стороны ни посмотри. Пусть и уверен в успехе, но мало ли как все обернется...

Когда коротко вжикнула молния и у меня в руке возник револьвер, бандит неожиданно проворно юркнул за УАЗ, уходя с линии стрельбы. В азарте я рванул следом, и в этот миг что-то прожужжало рядом с лицом. Раз! Другой! И сразу задняя дверца «буханки» дрогнула, и в металле возникла неровная дыра пулевого отверстия.

Я пальнул в ответ наугад, в белый свет как в копеечку, и прыгнул за УАЗ, укрываясь от обстрела. Рухнул в снег, сразу перевернулся на бок и дважды выстрелил под машину по ногам первого бандита. Оба раза промахнулся — тот мчался наутек, петляя как заяц.

А потом меня словно молотком по голове приложили; хлопнуло, будто петарда взорвалась. Яркая вспышка на миг ослепила, в ушах зазвенело, перед глазами поплыли темные пятна.

Я быстро заполз за УАЗ и прижался спиной к переднему колесу в надежде на защиту не столько колесных дисков, сколько двигателя. Впрочем, могли спасти и диски — мягкие свинцовые заряды чародейских жезлов особой пробивной силой не отличались.

А обстреляли меня из жезла «свинцовых ос», в этом сомнений не было ни малейших. Вспышка — это взорвался один из чародейских кристаллов, помещенный в свинцовый шарик, когда его переполнила магическая энергия моего отводящего пули амулета. Повезло, что метательный снаряд в этот момент проносился у ног. И вдвойне повезло, что у меня при себе вообще оказалась «Чешуя дракона». Без нее валялся бы сейчас с дырой во лбу и остывал помаленьку. Стреляли метров с двадцати, от угла административного корпуса — с такого расстояния не промахиваются.

Где-то неподалеку рыкнул автомобильный двигатель; я рискнул выглянуть из-за «буханки», но поблизости никого не оказалось. Бросаться в погоню не стал, вместо этого распахнул дверцу со стороны водительского сиденья и выложил на него револьвер. Потом развернулся к двери черного хода и приподнял руки, выставляя перед собой открытые ладони.

Правильно сделал. Прибежавшие на выстрелы братья мигом взяли меня на прицел чарометов, а от алхимического оружия «Чешуя дракона» точно не поможет. Пальнут — и уже не дыра во лбу, голову подчистую снесет.

— Климова позовите, — попросил я, не меняя позы.

— Не двигайся! — резко потребовал один из братьев, но тут административный блок обезжали двое бойцов, и атмосфера понемногу разрешилась.

А там и Клим поднянулся.

— Ну что опять такое, блин, на фиг?! — в сердцах выругался он. — Хмель, че за фигня?! Ты понимаешь, что мы тебя со стволом должны Дружине сдать? На северную промзону захотел?

— Расслабься, — попросил я и достал удостоверение резервиста. — С правом ношения огнестрельного оружия.

Климов внимательнейшим образом изучил документы и даже сверил серийный номер, потом брезгливо скривился.

— Ренегат!

— Вот только не надо, — поморщился я и убрал револьвер в сумочку.

— Что опять у тебя стряслось? — потребовал объяснений начальник охраны рынка.

— Мне бы кто сказал, — пробурчал я, напряженно обдумывая случившееся. — Не знаю. Ограбить хотели, наверное...

— И стрельбу устроили? — фыркнул Клим.

— Да не, — досадливо махнул я рукой. — Сначала какой-то тип с ножом подвалил. Его прикрывали просто.

— У нас не шалят, знаешь ли.

— Мало беспредельщиков в Форте?

— Да уж хватает, — вздохнул начальник охраны, соглашаясь с моими словами, и огляделся. — Так, значит, дружинников не вызывать?

— На фига? — искренне удивился я. — Они даже если постараются, никого не найдут.

Климов кивнул и опросил подчиненных, но те ничего толкового сообщить не смогли. Никто не видел машины налетчиков, никто не обратил внимания на них самих.

Я как смог описал внешность типа с ножом, затем подошел к простреленной задней дверце и аккуратно прикрыл ее.

Здесь не шалят? Ну да — братья грабителей не жалуют и в расход их пускают без всякой жалости. Но если бы по мою душу пожаловали жулики из Семеры, они бы действовали совершенно иначе. Расстреляли бы из автоматов — и все дела. Нож? Точно нет. Значит, не они.

— Поеду, пожалуй. — Я хлопнул Клима по плечу и забрался за руль. Голова просто гудела.

— Катись! — напутствовал меня приятель. — И поосторожней давай.

Я кивнул и захлопнул дверцу.

Теперь-то чего осторожничать? Второй раз не нападут. Не иначе залетные какие-то. Увидели машину, в машине товар, вот и позарились. Впрочем, надо и в самом деле поаккуратней быть.

Ну вот же сволочи какие! И так настроения не было, так они окончательно праздник испохабили! Поубивал бы!

Домой приехал злой как собака. По дороге отходняк накатила, потом и вовсе на душе мерзко стало. Не люблю, когда на меня наезжают, пытаются ограбить или убить. Я просто хочу спокойно жить, варить пиво, держать бар и не лезть в неприятности. До недавнего времени это неплохо получалось. А тут будто полоса черная пошла — одно к одному, одно к одному.

Когда, загнав УАЗ на задний двор, я прошел в бар, настроение несколько не улучшилось. Народу — не протолкнуться, шум-гам, разве не накурено только! В углу магическими огнями магическая же елка мигает. Спасибо, конечно, Сане-чародею за подарок, но лично у меня от этого мельтешения голова болит и глаза режет. Не люблю.

— Ваня, будь добр, разгрузи машину, — попросил я помощника и заглянул на кухню, где хлопотала Ирина. — Можешь минут на пять отвлечься и за баром присмотреть?

Девушка смерила меня недовольным взглядом.

— А Иван что? — спросила она, вытирая руки полотенцем.

— Он продукты разгружает.

— А ты?

— Мне бы другим заняться. Так присмотришь?

— Присмотрю! — хмыкнула Ирина, стягивая через голову передник. —

Куда деваться...

Я на последнюю ремарку никак не отреагировал и поднялся к себе. Разулся, кинул на кровать сумочку с револьвером, снял куртку. Немного постоял у окна и посмотрел на улицу, потом понял, что просто тяну время, и открыл превращенную в бар радиолу. Достал бутылку бурбона, налил полстакана, замахнул.

Алкоголь пошел плохо, аж передернуло всего. Но отпустило. Пусть на душе особо легче и не стало, зато напряжение немного улеглось. Расслабился слегка, смог спокойно обдумать случившееся.

Ну хотели ножом пырнуть и машину увести — разве это трагедия? Вот получилось бы — тогда да, тогда и в самом деле трагедия. А так ничего из ряда вон, рабочие будни.

Логично? Логично.

И какой тогда толк самого себя накручивать? И без того найдется кому на нервах поиграть. Ирине вон, например...

Я с обреченным вздохом отошел от окна и достал из шкафа коробку патронов четыреста десятого калибра и набор для чистки револьвера: оружейное масло, тканевые патчи, тросик для протаскивания хлопчатобумажных кругов через ствол.

По идее с револьвером ничего не случится, но оружие уход любит. Сниму нагар, заодно и сам успокоюсь.

Я занялся чисткой револьвера и уже почти привел его в порядок, когда постучали в дверь.

— Открыто, — повысил я голос и на всякий случай взял один из лежащих на кровати патронов. Когда в комнату вошел Иван, бросил его обратно.

— Там дыру новую в задней дверце заметил... — озадаченно произнес помощник. Увидел револьвер и принадлежности для чистки оружия и осекся. — Дядя Слава, только не говорите, что это самострел был...

Я покачал головой.

— Нет, ограбить пытались. Прямо у Колхозного рынка, представляешь?

— Совсем ошалели, — охнул Грачев.

— И не говори. — Я подошел к радиоле и вытащил из нее бутылку. — Будешь?

— Не, потерплю до вечера, — отказался помощник. — Так все обошлось?

— Как видишь.

— Гамлету звонили?

— Нет, — ответил я, не скрывая раздражения. — И не собираюсь.

— По уму, надо бы... — упрямо пробасил Грачев.

Я вздохнул:

— Ладно, тогда иди вниз и смотри, чтобы телефон никто не лапал.

Линии были параллельными, и меньше всего мне хотелось, чтобы Ирина оказалась в курсе случившегося.

Иван со спокойной совестью отправился в бар; я какое-то время бездумно смотрел на аппарат, затем поднял трубку и начал крутить диск, набирая номер. Но позвонил не в «Ширли-Муры», с Гамлетом общаться не хотелось. Да я и не должен с ним разговаривать. Это мое право обратиться к нему, а вовсе не обязанность.

Вот что я должен был сделать — так это предупредить Николая Гордеева. Во-первых, потому что обещал ставить в известность о подобных инцидентах. Во-вторых, потому что он мне голову оторвет, если узнает о нападении от кого-то другого. И будет в своем праве, если уж на то пошло. Почему? Правильно — потому что я обещал.

Николая дома не оказалось, трубку снял Саня-чародей. Он вызвался передать сообщение, но я только попросил их не опаздывать. В любом случае вечером увидимся, а вечер уже вот он: совсем стемнело на улице.

Я поднялся со стула, зарядил револьвер, убрал патроны и ящик с патчами в шкаф. Сразу и переоделся. Глянул на себя в зеркало, полюбовался на отражение худой физиономии с модной трехдневной щетиной и спустился в бар. Но сначала прицепил сзади на пояс кобуру с револьвером, благо длинная рубашка прекрасно скрывала его и при этом нисколько не топорщилась.

— Все на кухню унес? — спросил я помощника, оглядев заполненный посетителями зал.

— Все, — подтвердил Иван. — «Шершень» под стойкой.

Я заглянул под прилавок, где на своих местах лежали и жезл «свинцовых ос», и похожая на него как две капли воды пневматическая винтовка, и кивнул.

— Отлично.

Что ж, теперь можно и поработать, а то суета одна.

Можно — да. И я налил себе пива...

После восьми мы потихоньку начали сворачивать торговлю, но особо не лютовали, и те, кто хотел спокойно допить пиво, просто постепенно смещались к входной двери, пока Иван выдвигал освобожденные столы на середину комнаты, протирал их и накрывал скатертями. Последние клиенты какое-то время продолжали общаться стоя и отправились восвояси только без четверти девять, когда один за другим начали подходить выкупившие места завсегдатаи. Никаких обид — все были предупреждены заранее.

Потом с улицы заволок свое оборудование нанятый развлекать публику диджей, я отправил его в подсобку, сам снял кассу и унес наличку в сейф. Продаж сегодня больше не ожидалось.

Когда поднялся из подвала, вновь позвонил в оружейный магазин, но там никто не ответил. Это немного даже напрягло. Я раздраженно бросил трубку на рычажки, поймал озадаченный взгляд помощника и покачал головой.

— Ничего, — успокоил его, припоминая, где валяется выданный соседом чарофон, но искать магическое средство связи не пришлось: почти сразу распахнулась дверь, и в бар прошел Гордеев собственной персоной.

Вслед за ним заскочил Саня, шумно потянул носом воздух и азартно потер руки. В силу энергетического истощения и приема лошадиных доз разных таблеток последнюю неделю он не пил вовсе и время понапрасну терять не собирался, но я перехватил его на подступе к стойке и попросил:

— Сань, давай помоги Ивану, — потом указал на заднюю дверь Гордееву, который заявился в гости с какой-то длинной картонной коробкой. — А ты проходи в подвал, не стой. — И уже тише добавил: — Поговорить надо.

Сосед удивленно глянул на меня, но на людях расспрашивать не стал и двинулся к лестнице, на ходу отряхивая от снега шапку. Мы спустились в подвал, там я взял с накрытого стола бутылку бурбона, плеснул в стакан и выпил.

Гордеев выложил непонятную коробку на стол, избавился от верхней одежды и спросил, желая начать разговор:

— Платон с Димой не пришли еще?

— Когда это Платон вовремя приходил? — усмехнулся я, налил еще, но пить не стал.

● Ведьмы, карта,
карабин ●

Клондайк

24 апреля, пятница

Любая зима заканчивается, рано или поздно. Она заканчивается даже здесь, в Приграничье. Все же скорее поздно, чем рано, но могло быть и хуже, учитывая обстоятельства. Весна в Форт обычно приходит в конце апреля, когда температура резко перескакивает днем в плюсовую и сугробы вдруг дружно берутся таять, заливая улицы мутными лужами и текущими в них такими же мутными ручьями, а с дорог слезает накатанная наледь, открывая выщербленный асфальт с выбоинами и грязью. Грязь вообще начинает доминировать в природе, но после долгой зимы все даже ей рады. Хотя бы разнообразие. А то все снег да снег кругом. И холод.

Главный для меня признак весны — крыльцо соседнего паба, на которое его посетители курили. Курили они теперь не быстро, стараясь схватить дозу никотина и как можно быстрее убежать в тепло, а неторопливо, с беседами, хотя и ежась под все еще холодным ветром. Прохожие оделись легче и даже шли как-то веселей, старательно обходя лужи, неподалеку бригада мужиков в оранжевых жилетах ломанами разбивала наледи. То есть на самом деле весна, а скоро начнется еще и недлинное местное лето.

Сам я с утра посбивал сосульки с края нашей крыши и даже был настолько благодарен, что захватил и территорию Хмеля — моего друга-приятеля, партнера, а заодно и соседа. Пусть у нас всего два этажа, но сосульки были уже такими, что попади в башку — никому мало не покажется.

Я обернулся, посмотрел в торговый зал, словно чтобы в очередной раз убедиться, что все в порядке. А там и правда все в порядке — застекленный шкаф, в котором ровным рядом стоят дробовики и винтовки, прилавок с пистолетами и револьверами, полки с патронами в коробках. Под стеклом ножи, кобуры, ремни винтовочные, стендик с охотничьим камуфляжем всех видов, на крючках рюкзаки висят и чехлы. Слева еще прилавок и стеклянный стенд — там уже чародейские амулеты, у нас тут как бы торговля двойного назначения.

Для солидности все сделано в эдаком викторианском стиле, то есть темное дерево, местами бронза, панели на стенах. И там же головы всякой хищной твари висят, чтобы вроде подчеркнуть назначение магазина, который именуется «Большая охота». Вон сугробник оскалившийся, вон серк, вон волколак редкой крупности. Стойка с проспектами имеется опять же, проспекты рекламируют охоту с фирмой «Следопыт», а заодно заранее приглашают на охотничью базу «Северный хутор». Правда, она еще не до-

строена, но ничего страшного. И в буклетах нигде не сказано, что хутор этот в свое время был вампирским гнездом, но знать об этом вовсе и не обязательно.

— Николай Саныч, а какие-нибудь чародейские коврики нельзя завести, чтобы всю грязь с подошв вытягивали?

Это Димка Смирнов орудует шваброй, вытирая грязь с полированного пола после визита очередного посетителя. Димка — племянник Смирнова, который замначальника городского Арсенала. Раньше сам там работал оружейным мастером, а потом, по просьбе дяди, понятное дело, перешел ко мне. Продавцом, помощником и вообще всем подряд, потому как часто мы в разъездах, особенно с тех пор как вступили в резерв Патруля, и каждый раз закрывать магазин уже нельзя, плохо для бизнеса, — вот и нанял человека.

Димка невысок, шустр, лицом кругл и носом курнос, работа ему здесь нравится, к тому же он тут не только продавцом, но и по железу работает — умеет.

— Грязь, Дмитрий, это единственное, чего никакая магия не берет, — наставительным тоном отозвался из своего угла чародей Саня, читавший сейчас «Вечерний Форт», сидя за прилавком. — Она, считай, сама по себе магия. Или будет этот коврик отрывать ее вместе с подошвами. Так что не отлынивай, швабра — она лучшее средство, проверено.

Ничего-ничего, у нас тут не Кишка, где люди прут без остановки, у нас самый дорогой оружейный в городе, посетителей умеренно, так что можно и шваброй поелозить. Сейчас как раз еще человек подъедет, опять наотпечат. Я посмотрел на часы — считай, прямо на сейчас договорились. Собственно говоря, я именно поэтому стою в дверях магазина с чашкой кофе в руке — и весной наслаждаюсь, и посетителя жду.

А вот и они — из-за ближайшего поворота вывернул потрепанный ЗИЛ-131 с тентом, рыкнул двигателем, неторопливо подкатил к крыльцу магазина и остановился. Водитель быстро опустил стекло и махнул мне рукой.

— Здорова, Толь! — Я подошел ближе и протянул руку. — Как дела?

— Да у нас как обычно все, здравствуйте!

Пока здоровались, с пассажирского места выбрался второй человек — средних лет лысеющий дядька с короткой бородой, плечистый и приземистый.

— Николай Александрович! — протянул он мне руку.

— Рад видеть, Валерь Палыч, проходите.

Валерь Палыч — знакомый новый. А познакомил нас Толя, водитель и хозяин этого «зилка», с которым мы познакомились в январе совсем случайно и которого я так же случайно встретил в Форте примерно через месяц, уже в компании моего нынешнего собеседника.

— Толь, давай тогда в промзону, — повернулся он к водителю, — а как загрузишься, за мной возвращайся.

— Я понял, — кивнул тот.

«ЗИЛ» тронулся с места и неторопливо укатил, Валерий вошел в магазин, а Димка закрыл за ним дверь, не забыв задвинуть засов. У нас тут все же оружейный, так что лучше сперва звонить в дверь и ждать, пока запустят.

— Кофе? Чаю? Покрепче? — практически традиционно поинтересовался я.

— Да не, сейчас не буду. Потом лучше вас туда, за стенку приглашу, — махнул он рукой в сторону паба. — Толя раньше чем через два часа не вернется.

Ну да, нам еще и поговорить надо.

— Тут мы для вас все приготовили. — Я зашел за прилавок и полез под него, вытаскивая и выкладывая кожаные чехлы с оружием. — Четыре «рема» с длинными, на птицу, — я начал открывать один чехол за другим, — четыре «браунинга» десятого, длинные, короткий «рем», короткий «браунинг» и «вепрь», — я вытащил похожий на автомат дробовик из чехла. — «Вепря» себе, что ли?

— Ага, — кивнул Валерий. — Для себя.

«Вепрей» у меня никогда в продаже не было, потому что в Америке, откуда мы тащим товар, их доставать стало проблематично. Но с тех пор как у нас образовались некие отношения с Ильей Линевым, заместителем неводды, курирующим всякие «специальные операции», включая коммерческие, эти ружья начали подкидывать из России, на усовершенствование и реализацию.

— Как с разными патронами работает?

— Нормально, проблем нет, я слишком слабых навесок избегаю, — ответил я, выкладывая стопкой шесть магазинов рядом. — Рукоятки и цевье всегда теплые, заблокировать оружие заклятием невозможно. — Я провел пальцем по выгравированному на боках ресивера рунам. — Сам такой за основной держу.

Не соврал, так и есть. Все же возможность перезарядки магазинами и быстрой смены типа боеприпаса — великая вещь. Было в прошлом, сильно жалел о том, что в руках помпа, а не такой вот «вепрь».

— Своим берете? В Ключи в смысле?

— Нет, староверам.

— А у них деньги есть? — спросил вдруг из своего угла Саня, услышав разговор.

— Товар у них. Деньги от беса, — засмеялся Валерий. — Лед сойдет с реки — и приплывут. У меня про то и разговор к вам.

Староверы в Приграничье были всегда. Как провалилась сюда территория Форта, так и они вместе с ней провалились. Как жили в той действительности в тайге своими селами вдоль реки, так и тут жить остались. И как бирюками были — так и продолжали, ничего не изменилось. С остальными контактили по самому минимуму, торговали только с Ключами, через которые текла Светлая, отличались трудолюбием и изрядной зажиточностью. Сам я их всего раз видел — люди как люди, только в коже вроде какой-то синеватый оттенок проглядывает. Это уже мутация, у них много северных продуктов и в корме для скота, и в своем рационе.

Валерий же как раз с торговли со староверами поднялся. Сам он не из местных, провалился, жил в низовьях Енисея, где старовееров хватало, вот как-то и сумел найти общий язык с ними, присел на торговлю.

Он быстро осмотрел оружие, пересчитал коробки с патронами, после чего оставил на прилавке свое удостоверение личности, сказав:

— Ну что, пойдём пока побеседуем?

— Дим, регистрируй, пломбируй и пакуй, — тут же отдал я ценное указание новому сотруднику. — Загрузим, когда машина вернется.

Где у нас переговорная? Правильно, в пабе у Хмеля. Туда и направилась, благо идти с пару дюжин шагов, я уже даже и одеваться не стал, как был в свитере — так и вышел. Весна как-никак. И опять же новые ощущения — под ногами тающий снег хлопает, а не скрипит, как в мороз. Да и курильщики с крыльца так никуда и не делись. Не столько курят, сколько пытаются первого тепла схватить побольше. Если это, конечно, можно назвать теплом. Но после тугошней зимы — можно. Очень даже вполне.

Дверь на тугой пружине открылась, негромко звякнул колокольчик над ней. Ага, Иван Грачев за стойкой, махнул рукой приветственно. Паб по стилю вроде моего магазина, потому что их один и тот же человек делал. И выглядит вполне по-британски, даже стиль соблюден — именно паб, а не бар вообще. Темновато, но тихо и уютно. Музыки нет, к счастью, в обычные дни курить тоже не дают.

Про Ивана отдельно. Это такой молодой человек ростом за два метра и весом к полутора центнерам, наверное, в свое время боксировавший активно, о чем свидетельствует форма носа. Об увлечении еще и борьбой говорят расплющенные уши, а о том, что были и другие приключения, — перерезанное почти пополам и кривовато сросшееся ухо. К Хмелю он барменом пришел работать, а сейчас еще и младшим партнером стал. Не то чтобы Хмель это планировал, но пришлось привлекать Ивана к нашим недавним приключениям, так что оставлять его просто в наемных рабочих было уже нечестно да и неразумно. Иногда людей нужно мотивировать дополнительно.

— Здорова, Вань! — подошел я к стойке. — Главнокомандующий у себя уже?

— Приезжал и сразу укатил, часа через два будет, наверное. Поедите?

Я вопросительно посмотрел на своего спутника, тот кивнул.

— Да пора бы, — повернулся я к Ивану. — Что есть?

— Зразы картофельные с мясом, — сказал тот. — Хотите? Котлеты с картошкой.

Меню в пабе разнообразием не отличалось, два или три блюда в день, ну еще пара закусок. Но в течение недели все же набор менялся. Так что я сюда в основном на обед и ходил.

— Зразы, — сказал Валерь Палыч.

— Зразы, — повторил я за ним, хотя обедал обычно позже. — И кувшин пива. Или чего-нибудь другого хотите? — спросил я у своего спутника.

Вообще-то для пива пока тоже рановато, но мой спутник явно еще и на собутыльника намекнул. Ладно, одна кружка не повредит. Ну две, если кувшин.

— Я еще соточку приму, — сказал тот. — А вы?

— Нет, я мешать не очень люблю, спасибо за предложение, — отказался я.

Иван выставил два пустых бокала, быстро накачал эля в кувшин, поставил рядом, добавил к этому крошечный графинчик и лафитник.

— Еду сам принесу, садитесь.

Пара столиков-кабинок была свободна, в одну мы и втиснулись.

— Это что? — спросил Валерий, подняв графинчик.

— Самогон. Но хозяин гонит сам, на травах настаивает, так что лучше водки. — Сам я при этом наполнил бокалы.

— Тогда к еде оставлю.

Подняли бокалы, чокнулись, отпили. Валерь Палыч с неким удивлением поднял брови, кивнул, затем сказал:

— А нормально, не хуже нашего!

— Да, хозяин здесь на этот счет молодец, сам пивоварит.

Тут опять же пояснить надо, что Валерий Павлович из Ключей, то есть центра пивоварения всей области. И пиво у них хорошее, и продается шире. Хмель же особо помногу не варит, подает лишь в своем пабе и в два клуба поставляет, больше его нигде не найдешь. Поэтому и знают меньше. Кстати, отчасти по делам Хмеля у меня и разговор сейчас намечается.

— Вы тогда снежную ягоду поминали, — перешел я к делу. — Можете в товарных количествах поставлять?

— Я не могу, старoverы могут. Ее помногу особо не брали, и всегда зрелую, в еду и все такое. А вы незрелую спрашивали, так?

— Так, — подтвердил я. — Кислая нужна, пока она еще желтая, в белизну не пошла.

— Думаю, что поставить они могут сколько-то в этом году, сколько соберут за май — июнь. — Он задумчиво прищурился. — А вот на следующий, если вам реально много надо, следует договариваться. Они же не только сбором ягоды там занимаются, они вообще с земли и с реки живут, так что дел у старoverов хватает.

— Надо понять, сколько они вообще могут.

— Почему брать будете? Они ведрами меряют, не килограммами. Килограмм тоже от лукавого, — хмыкнул он. — У меня с ними торговля меновая, но вам уже сам буду продавать.

— Посмотрим, что за цену Лудино выкатит в этом году, они по снежной ягоде главные. И такую же дадим.

— У них ягода хуже.

— Не замечал. И поставлять они могут начать раньше, им же не надо ждать, когда лед сойдет.

— Если получится по три рубля за ведро — мне есть смысл заниматься, если нет, то как бы и нет. У меня вот какой вопрос к вам есть: вы лодочные моторы привезти можете? Говорили люди, что вы всякое железо поставляете, вот и хочу поинтересоваться.

— Лодочные моторы? — задумался я. — Почему бы и нет. Если будет спецификация, что именно нужно, и в цене сойдемся.

На Аляске это товар, там воды много, и океан, и реки, и рыбаков хватает. Так что моторов продается много, и есть они везде. Как и лодки, кстати.

— Старoverы их хорошо берут и всегда заказывают.

— Много лодок?

— Да много, получается. И рыбу ловят, и к нам в Ключи ходят, и до озера катаются.

— Озера?

— Ну, река-то куда-то должна впадать, верно? — даже слегка удивился моему вопросу Валерий.

— Ну да, должна, — согласился я с ним.

И вправду.

Вообще-то в «Фортвской области» две реки, обе берут начало из болот, каких тут немало. Но вот куда они текут... черт, а существующие карты так далеко не заглядывают. Лесная течет на восток, больше именно что лесами, заходит через границу на территорию Туманного и куда-то там дальше петляет. А куда? А черт его знает. Светлая же течет на запад, уходит в тайгу, и опять никто конца ее не знает. В тех краях, кроме староверов, и не бывает никого, а они своими знаниями принципиально не делятся.

Почему так? Да потому что люди здесь больше выживали, а чтобы выжить, сбивались тесней. Не было смысла далеко ходить, тем более что в те времена машин тут почти и не было, все на своих двоих, в крайнем случае на лошадях да санях или там телегах. Хотя те же братья у себя в Туманном бродят по всяким пустым и заброшенным поселкам, вроде там даже заброшенные военные базы есть. А что на западе? А вот этого вообще никто не знает, окрестности Южной дороги по сути и есть край исследованных земель, если в ту сторону смотреть.

— В озере они рыбу ловят в сезон, как я понимаю. Сети они тоже хорошо берут. К осени, до ледостава, обычно кучу рыбы привозят.

Ну да, про рыбу я знаю. Но как-то всегда думал, что она из реки. А если точнее, то я вообще об этом думал мало, как бы не мой профиль. Но вот что-то озеро заинтересовало.

— Озеро-то большое?

— Говорят, что большое, другого берега не видно. Но я там не был.

Хм, озеро. Озеро — это что-то из нормальной жизни для меня. Озеро я только одно здесь знаю, хоть сам на нем и не бывал, — Стылое море. Но оно на Севере, за границей, и морем зовется потому, что противоположного берега никогда не увидишь из-за колдовского тумана над ним, хотя само по себе оно небольшое. И водится вокруг мерзость разная, так что гулять туда не пойдешь.

— А список моторов у меня есть. — Валерий вытащил из кармана сложенный листок бумаги и протянул мне. — Они всего два варианта обычно просят, я бы взял с десяток заранее. Штук по пять каждого.

Я глянул мельком, убедился в том, что никаких чудес в списке нет, все самое обычное, и убрал его в карман.

— Попробую заказать, — не стал я разбрасываться обещаниями. — Через пару недель смогу ответить.

— Я раз в неделю в Форте сейчас, так что буду позванивать.

Иван принес тарелки со зрзами, поставил перед нами и ушел обратно за стойку. Валерий Палыч наполнил свой лафитник, выдохнул, замахнул залпом, закусил, закивал, похвалил.

Толя с «зилком» вернулся чуть раньше, чем ожидался, но обед мы к тому времени все равно уже закончили, четыре зрзы на час или больше при всем желании не растянешь. Димка все продажи оформил согласно, так сказать, действующему законодательству, заблокировав все оружие, раз оно идет на вывоз, и на этом мы с Валерием и попрощались.

— Саня уехал? — спросил я у Димки.

— Да, минут двадцать назад. Сказал, до утра не ждать.

— Да кто его ждет, — отмахнулся я, потом глянул на часы.

До обеда оставалось двадцать минут.

— Давай, можешь на обед идти, — сказал я. — Все равно здесь сижу. Но жду вовремя.

— Отлично! — обрадовался он, вытащил из кобуры револьвер, откинул барабан, убедился, что полный, убрал обратно, затем схватил с вешалки свою куртку и тут же исчез за дверью.

Разрешение на ношение у него еще со службы в Арсенале, а дядя помог организовать все так, что он его не сдал после увольнения. А револьвер купил уже здесь, у меня, в рассрочку. Отчасти еще и поэтому я его нанял — мало ли?

Я пока спустился в подвал, в мастерскую. Тут тоже все прибрано и по местам расставлено и разложено. Уже завтра с утра сяду за работу, а то за последний месяц времени много потерял. Когда у нас на новогодние праздники проблемы были, Лихачев нас на дежурства не ставил, зато за последний месяц мы в рейдах все отработали. А работу за меня никто не сделает. Хорошо, что Динку нанял, прямо спасение. И торговый зал «прикрыт» в любой момент.

Интересно, Хмель уже вернулся или нет? Он мне там кое-что разузнать обещал по своим каналам. Что именно? Вот если к Хмелю в бар зайти с самого утра, то можно застать момент, как он пьет таблетки, семь штук, в какой-то хитрой последовательности. С его слов, когда-то под заклятие случайно попал, которое его энергетика в клочья порвало. Спасло Хмеля знакомство с каким-то таинственным химиком, которого я по сей момент знать не знаю. Тот ему пилюльки подогнал, которые эту самую энергетика вместе, одним куском, удерживают. И вот недавно Хмель вдруг выдал мысль о том, что тот же его контакт может и под меня пилюльки изготовить.

А мне зачем? Ну, я чуть-чуть мертвый. Совсем немножко. Застрелили меня когда-то, в том, нормальном мире. Причем совершенно случайно, что особенно обидно. Хорошо, что все случилось рядом с проходом, в который меня затащили и уже здесь, в Приграничье, обкололи всякими магическими снадобьями. С того света выдернули, но опять же энергетика погнулась. Вот кондуктор может меня на ту сторону, на Аляску провести, но я там довольно быстро загнусь. А если не загнусь, то заболēju.

В общем, Хмель с Ириной повезли меня в больницу. Там какой-то мужик с татуировкой «Хирург» на тыльной стороне кисти уложил меня в обрезок трубы, увитый проводами и обвешанный магическими датчиками, где и продержал без малого час. Потом попытхел, задумчиво почесал затылок, заранее убеждая меня в том, что случай я безнадежный, потом сказал:

— А вам лечиться просто надо. Тянуться будет долго, но должно работать.

Потом он еще минут тридцать заполнял карту, а затем Ирина сняла мне с нее копию в регистратуре. Копию забрал Хмель, чтобы показать таинственному кому-то. Кому именно? Как я уже сказал, мы не встречались. И не надо нам встречаться, потому что... ну не суть, не надо — и все тут. Но дней десять назад Хмель зашел в магазин, отозвал меня и сказал:

— Говорят, что сделают тебе пилюли. Сначала денег ломануть хотели, потом по себестоимости взялись, — чуть погордился он. — В общем, с тебя шестьдесят рублей, через неделю будет готово.

И этим очень Хмель меня порадовал.

Если бы как-то можно было эту проблему решить и дать мне возможность продержаться на той стороне какое-то время — было бы ну очень хорошо для бизнеса, потому что этот бизнес по большому счету так через меня и идет. И еще надо бы порешать некие проблемы с оборотом наличных долларов. Я везу туда наличку и вожу с тех пор, как стал работать с Линевым. А ведь Америка не совсем то место, где наличными, «бумагой», удобно оперировать. Можно нарваться на проблемы, так что надо тихо строить систему ее оборота. Иначе налоговики из IRS вцепятся зубами в загривок — и вся наша замечательная схема полетит в сортирную яму.

Ну и главное — Мила сейчас там. Она там и живет в моем доме. Мы ее переправили практически сразу после того, как она вернулась, — там безопасней. Но мы не видимся. Если будут целебные пилюли — хотя бы раз в пару недель будем встречаться. Чего мне очень хотелось бы.

Открыл один из металлических шкафов — в нем три десятка пистолетов, с ними еще работать надо, гравировать и щечки менять. Кстати, щечки, как и другие деревяшки, завтра с утра доставить надо. А мне лучше заранее чек выписать и Димке оставить.

Пистолеты сплошь «Ruger SR1911», один из вариантов известного Кольта М1911. Кстати, добротно сделанные и, главное, недорогие, мне всего в семь сотен каждый обходится на той стороне, и их три вида: длинный, с пятидюймовым стволом, покороче, «коммандер», со стволом в четыре с четвертью дюйма, и опять длинные, с «рельсом» под фонарь или ЛЦУ. Но у меня на них чуть другие планы, не под фонарь, Саня все же обещает соорудить чародейский глушитель. Давно обещает, правда, очень давно, некогда ему. И вот этот глушитель на этот рельс и будем цеплять.

А вообще «Ругер» делает все грубовато, зато из стали. На сталь рунная магия Сани ложится лучше всего.

Так, сейчас начну с тех, что с рельсом. И на Саню наеду — сколько можно уже тянуть? Я же прекрасно знаю, что сделать глушитель он может, а он прекрасно знает, что я об этом тоже знаю. Но ленивый, блин... Кстати, он на «Ниве» повадился кататься, типа она простаивает, а «Нива» Милы, а Мила, чтобы ее купить, продала мой «шеви», то есть по факту Саня за нее мне должен. Так что пусть глушитель делает. Во искупление, так сказать.

Что еще? Ага, на «пустышки» же заказ, надо завтра будет наснаряжать. Десятый калибр — это для СЭС городской. Если в зале день будет тихий, то Димку приставлю. СЭС — заказчик хороший, берут они помногу, так что для них все всегда в первую очередь. Ну, во вторую теперь, после Линева, но для Линева я уже все сделал, три дня назад передали по списку. Кстати, на удивление хорошо заработали. С этими заработками о чем-то новом можно начинать думать. А если еще и с пилюлями получится...

Так, в размышлениях и работе, засиделся до вечера. Работа тихая, но затягивающая. На полированных боках затворов по лекалам прорезались узорчатые руны, дальше Санина работа наполнить их магией. Наполнится — и будет этот пистолет нечувствителен ко всем заклятиям, блокирующим оружие. Их много, заклятий таких, но с нашими стволами не работают.

Когда почувствовал, что спина и плечи затекли, покосился на чайник. Чайку заварить, что ли? Или нет, пойду уже в паб, дождусь Хмеля, если он еще не пришел. А может, и пришел уже. А может, у него и новости есть для

меня. Значит, закрываю все и иду. Рабочий день закончен, к слову, семь часов уже, так что магазин закрыт до завтра.

Хмелья я увидел, когда к дверям паба топал, на этот раз через наш общий задний двор. Он как раз в каретный сарай, который служил гаражом, загонял свой пикап. Я подождал, потоптался на мокром снегу, напомнив себе самому, что надо срочно браться за расчистку двора, а то тут пруд скоро возникнет. Хмель между тем запер ворота и направился ко мне, на ходу протягивая руку.

— Здорова, Слав! — поприветствовал я его. — Говори, не томи.

— Все нормально, ты заходи давай. — Он отпер передо мной задний вход в паб. — Пошли в бар сразу, Иван пусть машину разгрузит.

Я не возражал, в бар так в бар. Народу там, к слову, уже прибавилось, но табуреты за стойкой были все свободны, что-то народ все больше компаниями подтянулся. Компании уже все знакомые, так что пришлось тут же и здороваться. Патрульные, два дружинника, три молодых колдуна в дальнем углу, группа торговцев из Кишки. Новых лиц нет.

— Вань, машину разгрузишь? — спросил Хмель, заходя за стойку. — Нам с Колей переговорить надо срочно.

— Не вопрос, дядя Слава, — пожал плечами Иван. — На кухню все тащить?

— На кухню. Ушла тетя Маша?

— Минут двадцать как. — Иван покосился на часы. — Ладно, говори-те, но лучше так, чтобы мне потом опять срочно квартиру на Северной не искать, — съехидничал он напоследок.

Мы только хмыкнули в ответ.

— Накачать? — взявшись за рычаг насоса, спросил Слава скорей из дежурной вежливости, потому как положительный ответ подразумевался по определению.

— Лей, — немедленно согласился я.

Хмель налил мне бокал и себе половину. Он всегда себе половину наливает, даже если потом выпьет вторую половину, третью, четвертую и так далее.

— Смотри. — Отхлебнув пива, он полез в поясную сумку и вытащил три пластиковых пузырька с таблетками. — Вот эти, желтые, надо принимать сразу, как там окажешься, одну в день, и потом с утра по одной, пока там. Синие, вот эти, — он выставил второй пузырек, — принимай перед сном. Тоже только там. И вот эти, красные — две штуки здесь, перед проходом. И сразу после перехода обратно еще одну. Понял? Запомнил?

— Сработает?

— Говорят, что должно. Если вдруг начнешь чувствовать головокружение, кровь носом пойдет, давление прыгнет — сразу пусть Платон тащит обратно, значит, не работает. Заскочишь обратно и примешь две синих тут же. — Он щелкнул ногтем по крышке пузырька. — Даже если сработает, больше недели там быть не следует, мне сказали. Это не лекарство, это типа стимулятора, костыль. Больше недели пить не рекомендуется, для желудка это все сильно не очень.

— Я понял. — Пузырьки перекочевали в боковой карман брюк. — Если даже так сработает — лучше не придумать.

— Больше товара?

Это скорее намек. Славе вариант «ходить два раза реже» не подходит, у него товар ждут с определенной частотой, и делают его, похоже, тоже ограниченными порциями. То есть для них скорость оборота важна. Что за товар? Да таблетки, все таблетки, магические, но только такие, какие часть своей силы и за ленточкой сохраняют. Курс лечения такими таблетками спасает от самых нехороших болезней. Другое дело, что никакой и ничей минздрав их в оборот не пропустит, поэтому и по ту сторону сплошная конспирация. Я бы про это и знать ничего не знал, но пришлось им со мной информацией все же делиться малость. Как уже сказал, вся товарная часть обратных поставок через меня идет.

— Да, в два раза, считай.

— Я с вами до Лудина скатаюсь.

— За ягодой? — уточнил я.

— За ней.

— Я с мужиком из Ключей говорил, староверы тоже готовы ягоду поставлять вроде как, — вспомнил я. — Но они раз или два завезут оптом — и все, жди следующего сезона. Поэтому со зрелостью как там — я до конца сам не понял.

— Да нормально, нам и на сироп, и на спирт, любая подходит.

Слава по ходу дела с Гельманом из Патруля договорился до чего-то, отчего вдруг стал владельцем их старого здания. Штаб-квартиры Патруля в смысле. Серьезного такого домины в четыре этажа, с огромным сводчатым подвалом. Впрочем, он по-тихому сказал, что ему на самом деле принадлежит только подвал, так что кому этажи — это и так понятно.

В Форте экономический рост во всю ширь идет, к слову. Этим бы надо пользоваться по максимуму. Увеличить поставки в два раза — это хорошо, конечно, но опять же не избавляемся от зависимости от единственного кондуктора — Платона. Надо срочно что-то еще делать. Проект с хутором — он вообще-то маленький проект, кустарщина, с него много не заработаешь. Есть одна идея, но пока что это именно идея...

— Когда едете снова? — спросил Хмель.

— Дюпре нас в четверг ждет.

— На этой неделе? — уточнил он.

— На этой.

— Хорошо, тогда Ивана на хозяйстве оставлю.

— Мы тебя с Брюхатым там сведем, а он тебя уже дальше представит, кто там у них ягодой занимается.

Договорили, потом Хмель засуетился и куда-то по своим делам рванул. Да и у меня дел хватает.

Зимой машина все больше чистая в Форте остается, снег со льдом на дорогах, а вот сейчас как выедешь — так и уляпан по стекла. Джип вроде черный, но только это уже с трудом угадывается. Однако в любом случае ехать — это не пешком идти. Главное — смотри, чтобы прохожих не забрызгать. И нехорошо, и народ у нас нервный, могут по-всякому отреагировать.

Да, теперь джип, «Гранд Чероки», пикап все же ушел Диего, как и было ему обещано. А джип мне понравился. Во-первых, мотор — рядная

шестерка в четыре литра, он у них вообще удачней восьмерки был и жрет меньше. Во-вторых — очень удачный «лифт». И в-третьих — силовые бамперы с кенгурятником и лебедкой. А самое главное — пробег для такой немолодой машины на удивление небольшой. В общем, так и сменил городской транспорт. Неудобен мне пикап, как оказалось.

На перекрестке с Кривой свернул налево — и почти сразу на боковую, на территорию Патруля. На КПП меня в лицо знали, я все же еще и всеобщий инструктор по стрелковой, так что пропустили без всякой проверки. За КПП вновь направо, огибая краснокирпичное трехэтажное здание, на отдельную стоянку у отдельного крыльца, к штабу резерва. Ага, вон узик Лихачева стоит, у него он военного образца, не «Хантер», как у остальных военных начальников в Форте, еще вон вполне свежий «Урал» с кунгом, я его раньше здесь видел, а вон и тот самый грузовик «Егерь», на котором нам когда-то засаду учинили. Изъяли как вещдок, да так тут и остался. Надо бы будет вообще-то его дальнейшей судьбой поинтересоваться. Хороший грузовик, а стоит без пользы.

На крыльце двое резервистов курят, оба из охотников, насколько я их помню. Одного Василием зовут, который постарше, со шрамом на лице, второго имя забыл, хоть он и представлялся когда-то. Поздоровались за руку.

— Весна? — задал риторический вопрос Василий. — Болота таять начнут. Сейчас в рейды погонят.

— Да я из рейдов и не вылезал последнее время, — усмехнулся я.

Это да, как болота от талой воды вспухнут — из них сразу всякая дрянь прет. Сам Патруль с такими выплесками не справляется, людей не хватает. Кто-то даже сказал, что вся идея формирования резерва из бывалых людей возникла больше как раз из-за этого, а не внутренней политики, как я раньше думал.

— Ну и дальше не вылезай, — резонно ответил он. — Самый сезон для нечисти. Позапрошлым годом за мостом у «Караван-сарая» столько всего вылезло, что там даже за забором боялись по улице ходить. Сейчас всех подтянут, я думаю.

— Ваш «Урал»? — показал я на забрызганный грязью грузовик.

— Наш, — сказал второй мужик, смугловатый, с чуть раскосыми глазами. — Мы же только из рейда.

— Где были?

— Западный тракт. Так, постреляли немного, но без больших приключений. Кстати, это же ты с Черным Пастырем в Рудном столкнулся? — вдруг оживился он.

— Я.

Очень даже я. Он мне потом еще снился несколько раз, в холодном поту просыпался, кидаясь сразу за ружьем. Милу, пока она еще здесь была, напугал до полусмерти таким пробуждением.

— Ты бы рассказал народу, что и как. Слухи ходят, что у границы с Туманным видели еще одного.

— Ну вот занятия по стрелковке будут — расскажу.

Если таких Пастырей станет много — это как-то совсем не радует. Тварь совершенно кошмарная, я чудом уцелел.

— Дороги как, кстати?

— «Уралы» прошли, — усмехнулся похожий на татарина. Да, а он татарин и есть, кажется, Ренатом зовут, теперь вспомнил. — Но там уже снег и грязь вперемешку, грязь под снегом. Узик брать даже не стали.

— Понял, — кивнул я.

Распутица тут вполне актуальное понятие, я еще прошлой весной понял, когда мы машины от прохода до дороги тащили чуть не целый день, хотя там всего с полста метров было. Вручную все разгружали и по грязи таскали. Но с гусеницами таких проблем быть не должно.

В штабе все как обычно — небольшой вестибюль, за дежурку одна комнатка, там же и дежурная по связи сидит, у нас только дамы на этой почетной должности. Вторая комната — там все сразу, и командир, и заместитель, и разводы проводятся, для чего стоит доска и несколько рядов разношерстных стульев.

— Здравия желаю, — поприветствовал я сидевшего за столом над бумагами Мстислава.

Выглядел Лихачев уставшим и замотанным, мешки под глазами. Висящая на стене карта сплошь утыкана красными булавками, что означает: проблем сильно прибавилось.

— Заходи, садись, — кивнул он на стул перед собой. — На рейд тебя опять ставлю.

— На следующий понедельник?

— Да, как договаривались. Только еще ночное дежурство по району у нас по плану.

— А это когда? — удивился я.

Вообще резерв Патруля на дежурства в городе должны привлекать, такое условие сразу выдвигалось, при вступлении, и мы на него согласились, но так и не ходили. В рейды по задачам Патруля — да, а вот патрулирование на манер дружинников — уже нет.

— С понедельника этого на вторник. Дружина попросила, что-то у них там не складывается. Сказали, что только пару недель. То есть пару раз тебе придется сходить.

— Сходим. — Это не просьба, это все же приказ.

Пусть у нас и нет тут настоящей военной дисциплины, поскольку служим мы за свой счет, Патруль разве что бензин компенсирует, строить нас сложновато, но люди все взрослые и все понимают, свой конец бревна стараются честно тащить. — А рейд куда?

— А вот сюда. — Мстислав поднялся со стула и подошел к карте. — Южная дорога, окрестности Силикатного. Бывал здесь? — Он показал на карте заброшенный поселок.

— Проезжал только. А что там? — удивился я. — Вроде тихим место считалось.

— Следов на снегу нехороших много, проверить бы надо.

— Что за следы?

— А кто его знает, пока не опознали. Фото есть. — Он вернулся к столу, полез в верхний ящик, достал оттуда конверт с распечатанными снимками. — Смотри.

— Хм... — Что-то нехорошее по снегу гуляло, точно. След большой, с человеческий, только по форме к птичьему, что ли, ближе... когти четко отпечатались. — Диего...

— Не опознал. Раньше не попадалось.

— Опять нечисть, — вздохнул я. — На ауру и магический след...

— Не снимали, некому было. — Мстислав покачал головой. — Чаю хочешь?

— Давай, не откажусь.

Здесь электричество есть, так что в комплекте электрочайник. Роскошь практически.

Неопознанный след — это наверняка нечисть. Весь животный мир, включая даже монстров, по большому счету известен целиком, так что неопознанных следов быть не может. А вот нечисть по факту производится Стужей, Тьмой и магическим полем, особенно в период бурь. И что-то новое появляется регулярно, никогда не знаешь заранее, увидишь ты еще когда-нибудь таких тварей или они и вовсе одноразовые.

— Стоп. — Я взгляделся в снимок внимательней.

Как-то знакомо выглядит... только такое ощущение, что видел я не следы, а саму конечность, что их оставила...

— Что? — насторожился Мстислав, даже замер с графином в руке, из которого лил воду в чайник.

— А видел я, кажется, подобных тварей. Я их «плевунами» назвал. Выглядит как... как четвероногий паук, колени вверх, брюхом по снегу чиркает. Вот, — я быстро перелистал снимки, — вот след от брюха. — Между двумя цепочками отпечатков тянулся невнятный вдавленный снег. — Они плюются... вот как «Игла Стужи», но послабей. Но при мне крысюка заморзили до стекла, правда, не знаю, со скольких плевков.

— Где видел?

— В Рудном, когда бегал... ну, тогда.

— Понял. — Мстислав включил чайник. — Тогда тебе и разбираться.

— Одной группой? — напрягся я. — Нас три человека всего.

— Вас шестеро вообще-то. — Мстислав выразительно посмотрел мне в глаза. — Просто один боец у вас за стены не ходит, а еще один... где она, кстати?

— В Северореченске, по делам.

— Ну видишь как, у нее дела, а у вас дефицит личного состава. Кстати, одного ты как-то вообще упускаешь.

Это про Милу и Хмеля. Ну и про Платона, мы его с собой брать боимся, хоть он и злится от этого. Он наша единственная связь с тем миром, рисковать им... нет, ни за что.

Продолжения не последовало, то есть укреплять нас никто и никак не собирается. Ну и ладно, не очень и хотелось. Хотелось, конечно, даже очень, но людей не хватает. И мы все же резерв, то есть у всех еще и основная работа имеется.

— Выкрутимся.

Втроем придется ехать. Ну ничего, скатаемся, посмотрим. Не думаю, что там большие проблемы будут. Плевуны при использовании зажигательных патронов бьются хорошо, а поскольку твари магического происхождения, то каких-то гнездовых быть не должно. Скорей всего, уже разбежались, а может, даже и издохли. Разберемся.

Хмель

24 апреля, пятница

По мне, нелюбовь замкнутых пространств вполне понятна и объяснима, в случае если это самое «замкнутое пространство» лишь немногим превышает размеры гроба. И хоть сам я клаустрофобией отродясь не страдал, но, когда лязгнул люк и послышался скрежет запоров, не сумел удержаться от нервного матерка.

Мигнул и погас свет, зашипела нагнетаемая в камеру воздушная смесь. Мышцы напряглись, ремни каталки врезались в кожу.

Спокойно!

Это всего лишь очередной осмотр. Очередной осмотр, и не более того.

Засияли кристаллы горного хрусталя, в такт их мерцанию кожу закололи легкие уколы магической энергии. И чем ярче разгоралось свечение, тем сильнее становился зуд. Стало холодно, дыхание вырывалось изо рта белесым паром, расплозся по внутренней поверхности трубы серебристый иней.

На миг стужа стала почти невыносимой, а воздух заискрил из-за переполнившей его магии, но вскоре вновь загудели вентиляторы, и холод пошел на убыль. Пронзительный аромат утренней свежести, чрезвычайно сильный и от этого невыносимо резкий, ослаб, следом начала рассеиваться закачанная в трубу энергия. Точнее — ее начали вытягивать наружу и перерабатывать установленные на выходе фильтры.

Пару минут спустя распахнулся люк, немолодая медсестра выкатила меня из камеры в просторную светлую комнату, сноровисто расстегнула ремни и сняла датчики. Когда она покинула кабинет, я так и остался лежать на каталке, только повернул голову и посмотрел на долговязого худощавого дядьку с татуировкой «Хирург» на левой кисти, который увлеченно изучал переплетения цветных нитей на мониторе допотопного по меркам нормального мира компьютера.

— Ну? — спросил, когда унялось сердцебиение.

Заведующий отделением патологий внутренней энергетики только отмахнулся, продолжая рассматривать сложный график. Тогда я уселся на каталке, и голова немедленно закружилась, пришлось зажать виски в ладонях.

— Не торопитесь, — посоветовал врач.

— Жить буду...

— Это вопрос или утверждение?

— И то, и другое, — усмехнулся я, осторожно спускаясь с каталки на холодный кафельный пол.

— Ответ вам известен, Вячеслав Владимирович, — ответил Хирург, продолжая изучать графики. — Жить вы будете.

— Но не обязательно долго и хорошо?

— А это исключительно от вас зависит.

— Ох, если бы...

Снятые перед сканированием вещи по-прежнему лежали на подоконнике; первым делом я нацепил на шею серебряную цепочку с крестиком и отводящим пули амулетом и только после этого через голову стянул белую

сорочку до колен, в которую меня нарядили перед процедурой. Потом влез в штаны, накинул рубашу и опустился на одно колено зашнуровать ботинки.

— Так что аппарат показал? — повторил свой вопрос.

— Аппарат показал, что внутренняя энергетика медленно, но верно приходит в норму. И это просто удивительно.

— Слишком медленно? — пошутил я.

— Слишком верно. Этот ваш кудесник...

— Давайте не будем, — поморщился я, предвосхищая расспросы о фармацевте, который поставлял мне чудодейственные таблетки.

С Виктором Бородулиным мы продолжали работать по прежней схеме: химик варил таблетки, Платон тащил медикаменты в нормальный мир и там их распространял. Торговля теперь шла сразу по двум каналам: нашему и отжатому у Игоря Фомина. Впрочем, кондуктора не обижали и коммиссионные на счет в банке переводили в полном объеме и без задержек. Как ни странно, от случившихся изменений все только выиграли. Даже Бородулин. Мы хоть и стали его единственными покупателями, пересматривать условия сотрудничества не стали, затребовав вместо этого привилегию нематериальную: химик специально для меня и Клондайка делал часть таблеток по индивидуальному рецепту.

Свои ежедневные семь пилюль по утрам я не пил больше месяца, полностью перейдя на новый препарат, и пока это сказывалось на энергетике исключительно положительным образом.

Хирург отвернулся от компьютера, откинулся на спинку офисного стула и скрестил на груди руки.

— Вячеслав Владимирович, вы хоть понимаете, какой это прорыв? Подобным лекарством можно полностью исцелить треть больных из «Черного квадрата», а у остальных добиться стабильной ремиссии!

«Черным квадратом» именовалось гетто для уродов — людей, чей организм оказался не в состоянии приспособиться к магическому излучению Приграничья. И, надо сказать, целью этого учреждения было вовсе не излечение больных, а изоляция их от общества.

Поэтому я только покачал головой.

— Вы же врач! — проникновенно улыбнулся, решив перевести давно надоевший спор в новое русло. — Вы же знаете, как делаются дела! Расценивайте мое лечение в качестве апробации новых лекарств на подопытном кролике. Вдруг я завтра в страшных муках скончаюсь, а вы этими таблетками половину гетто накормите?

Но кем Хирург не был — это простаком.

— Не раскроете фармацевта? — прямо спросил он.

— Не раскрою, — подтвердил я и поморщился. — Хоть представляете, во сколько мне обходится лечение? На уродов тратить такие деньги никто не станет!

— Не на уродов. На измененных.

— Сделаю вид, будто ничего не слышал.

«Уроды» — это диагноз; «измененные» — это политика. От политики я старался держаться подальше.

Врач остро глянул на меня и кивнул.

— Хорошо, вернемся к этому разговору позже.

— Вернемся, — согласился я, желая поскорее закрыть неприятную тему.

Затрещал матричный принтер, Хирург оторвал вылезший из него лист и протянул мне:

— Рекомендации на следующий месяц.

— Отлично! — Я сложил бумагу вдвое и спрятал в карман штанов, потом снял с вешалки куртку. — А что насчет выездов из Форта?

— Вперед и с песней! — рассмеялся врач. — Нет, серьезно. Чрезвычайно интересно будет оценить устойчивость энергетики к внешнему воздействию. Поэтому сразу после возвращения жду на повторное обследование.

— Договорились.

— Решили Ирину Сергеевну проведать?

— Увы, не получится, — покачал я головой.

Ирина второй месяц стажировалась в Северореченске, но хоть я и успел уже по ней изрядно соскучиться, бросить все дела и сорваться в другой город позволить себе просто не мог.

— Ну и не беда. Скоро вернется, — утешил меня заведующий отделением.

— В июне.

— Май пролетит, даже не заметите.

— Тоже верно.

В мае у нас скучать просто некогда. Днем все тает, ночью — подмерзает, и чем меньше остается снега, тем больше кругом грязи. Грузоперевозки встают до лета, людей отправляют в отпуска, и начинаются горячие деньки. В мае пиво просто нарасхват.

Я попрощался с Хирургом, но, когда уже взялся за дверную ручку, заведующий отделением неожиданно меня остановил.

— Вячеслав Владимирович! — восторженно воскликнул он. — А товарищ ваш когда на осмотр подойти сможет?

— Гордеев? — задумался я. — Он таблетки принимать еще не начал. Как начнет — отправлю к вам.

В Форте Николай никаких проблем со здоровьем не испытывал, но из-за полученного при заброске в Приграничье ранения перейти обратно уже не мог. Точнее, перейти он как раз мог, с этим брался помочь Платон, но вот шансы умереть в первые же сутки после возвращения в нормальный мир в этом случае превышали все разумные пределы. Избежать осложнения должны были помочь сваренные Бородулиным таблетки; они уже были у нас на руках, оставалось только проверить пилюли на практике.

— Непременно отправьте. Осмотр проведу, заодно и рецепт скорректирую, — попросил врач и напомнил: — И сами заходите!

— Непременно.

Я кивнул и направился к ближайшей лестнице. Спустился на первый этаж, вышел на крыльцо и привычно глянул вверх. Но нет — сбитые дворником сосульки валялись в соседнем сугробе, а новые на месте неровных сколов намерзнуть еще не успели, лишь весело звенели о бетон, срываясь с козырька, крупные капли. От этого ступени покрывала корочка льда, тоненькая и чрезвычайно скользкая.

Сегодняшняя погода на весеннюю по меркам нормального мира походила мало — было холодно и ветрено. Но брошенный за оградой госпиталя пикап толком остыть еще не успел, и двигатель завелся с полоборота. Я осторожно тронулся с места, выехал на дорогу, и колесо немедленно угодило в яму.

Машина легко выбралась из колеи, но до самого Красного проспекта пришлось тащиться с черепашной скоростью; да и дальше старался не лихачить. Пусть бригады дорожных рабочих уже прошлись по одной из основных магистралей Форта, с того времени снег успел не только нападать, но еще и подтаять, а потом замерзнуть. К тому же разбитое асфальтовое покрытие полностью очистить от наледи не представлялось возможным, и повсеместно встречались заледенелые лужи, ямы и выбоины. Хоть по весне улицы обильно посыпали дресвой, особо это ситуацию не спасало, только шуршали о защиту крыльев и днище летящие из-под колес камушки.

Лужа, наледь, яма, немного потрескавшегося асфальта — и все по новой. Летом будет еще хуже, и все же никто вкладываться в дорожный ремонт не станет. Какой смысл, если восемь месяцев в году снег лежит? Выпадет, укатают — вот и ехать можно.

Я откровенно порадовался, что взял пикап. Нет, «буханка» по такой дороге пройдет без проблем, да только и трясет не так сильно, и сиденья удобней. К хорошему быстро привыкаешь.

К бару поворачивать не стал; вместо этого проехал перекресток и покатил к Южному бульвару, точнее — к Лукову. Как ни удивительно, но в последние дороги оказались едва ли не лучше городских. Где-то колеса еще не успели разбить зимнюю наледь, где-то пустили бульдозер и счистили снег, заодно разровняв грунтовку.

Подъехав к особняку Бородулина, я задом сдал к высоким воротам, выбрался из кабины и откинул борт кузова. Пока возился с задвижками, распахнулась калитка, и на улицу вышел крепкого сложения мужичок в неизменных собачьих унтах, тулупе и меховой шапке.

— Не будешь заезжать? — спросил Лымарь, поправляя закинутый на плечо ремень «сайги».

— Нет, — мотнул я головой. — С вас пара коробок сосисок. Яйцо и колбаса есть пока, в следующий раз возьму.

Семен выволок из кузова увесистый мешок с «дробниной» — дробленым и уже использованным для приготовления пива солодом, который шел на корм скоту; я не стал ему помогать и прошел во двор.

Хозяин особняка стоял у сеней и дымил папиросой. Со своей рыжевато-сизой бородой химик выглядел загулявшим дворником, но на это несоответствие я давно уже научился не обращать внимания. Таблетки получились отменными, остальное меня не касалось.

— Все готово? — спросил я, пожимая протянутую руку.

— Все, — подтвердил Виктор Петрович и распахнул дверь сеней. — Заходи.

Я шагнул через порог и, расстегнув куртку, снял с пояса сумочку-кошелек. Тот звякнул серебром.

Химик принял его и высыпал на широкий подоконник трехрублевки с Георгием Победоносцем, ладонью развел монеты по доскам, взглянул на меня.

— Здесь слишком много, Слава, — удивился он, оправляя прокуренную бороду.

Я подтвердил:

— Аванс за следующую партию.

Особой нужды в авансе не было, просто мне не хотелось держать при себе дольше необходимого собственноручно изготовленные монеты. Пусть серебро и было в них самое настоящее, если об этом прознает Торговый Союз, у меня возникнут серьезные проблемы. Именно поэтому все монеты до единой я сдавал Бородулину, не решаясь связываться с другими каналами сбыта.

— Хорошо, Слава. Зачту, — кивнул химик, сгреб монеты обратно и завязал мешочек. После достал из кармана шубы три пластиковых пузырька с некрупными пилюлями, желтыми, синими, красными. Красных было меньше всего.

— Это по второму рецепту? — уточнил я.

— По второму. Шестьдесят рублей за все.

— В счет аванса, — попросил я и передал ему полученную от Хирурга бумажку. — По моим таблеткам надо рецепт немного изменить.

— Тыфу на тебя, Слава! — выругался Бородулин. — Одна морока с тобой!

— Морока, — согласился я. — Но и деньги тоже.

За последние три месяца доходы химика выросли почти на двадцать процентов — и это без какого-либо увеличения объемов производства, исключительно благодаря снижению накладных расходов. Серега Платонов таскал таблетки сам, поэтому в оплате услуг посредников пропала нужда.

— Не в деньгах счастье, — легко срезал меня Виктор Петрович.

— Неужели неинтересно что-то новое сделать?

— Интересно, Слава. Очень даже интересно. Неинтересно за перерасход препаратов отвечать.

В этот момент распахнулась дверь, и к нам заглянул Лымарь.

— Я закончил, — сообщил он.

Виктор Петрович наскоро объяснил, как и когда следует принимать новые таблетки, потом заставил повторить. Я легко справился с экзаменом, рассовал пузырьки по карманам и отправился домой, желая не столько обрадовать соседа, сколько избавиться от таблеток. Это уже второй натурой стало: взял товар — сдал товар, у себя ничего не держишь. Во избежание, так сказать...

Николай Гордеев перехватил меня на заднем дворе. Я только загнал пикап в каретный сарай, и вот уже сосед нарисовался. Посидели, выпили, о делах парой слов перекинулись. Заодно таблетки ему отдал.

Когда Клондайк ушел к себе, я поменял куртку на старую фуфайку, взял санки с лопатой для снега и вышел на улицу.

Зимой чистили задний двор, сбрасывая снег к забору, теперь пришло время от этих сугробов избавиться, иначе они растают и превратят в болото все кругом.

При взгляде на высоченные отвалы мой энтузиазм пошел на убыль, но я взял себя в руки и приступил к работе.

Раз-два! — широкая лопата обрезает снег с боков. Три! — подцепляет аккуратный куб снизу и перекладывает его на санки.

Второй уместился рядом, еще два — сверху. После этого потащил их со двора, благо далеко идти не пришлось, просто перевез снег через дорогу и вывалил на противоположную обочину. Работа сродни боданию с ветряными мельницами, но вместо зарядки — почему бы и нет? Спорт наш друг, и все такое.

Через полчаса я самым натуральным образом взмок, поэтому, когда на задний двор выглянул Иван Грачев, был только рад отвлечься и перевести дух. Но не все причины для перекура одинаково полезны. Уж лучше бы дальше работал...

Как оказалось, звонил товарищ Ханин, который умудрялся совмещать две мало совместимые на первый взгляд друг с другом должности: работая начальником отдела собственной безопасности Дружины, он курировал деятельность клуба «Западный полюс». Но на самом деле у нас такое сплошь и рядом.

— Чего ему надо? — поморщился я.

— Не сказал, — развел руками Иван. — Попросить перезвонить?

— Нет, поговорю, — решил я, всадил лопату в снег и прошел в бар. Вытер лицо полотенцем, поднял с прилавка трубку и произнес: — Хмелев у телефона.

— Вячеслав Владимирович! — обрадовался Ханин мне как родному. — У меня хорошие новости!

— В самом деле?

— Заходи прямо сейчас, сам все увидишь.

— Я тут как бы немного занят.

— Поверьте, Вячеслав Владимирович, — продолжил настаивать на своем дружинник, — не пожалеете.

— Ладно, Владимир Михайлович, сейчас буду. — Я бросил трубку и озадаченно взглянул на помощника. — Вань, он датый, что ли, был? Тебе не показалось?

— Показалось, — подтвердил Грачев.

— Схожу узнаю, с какой радости с утра накачался.

— Может, Гамлету позвонить? — предложил Иван.

— Забей, — отмахнулся я, решив не тревожить лишний раз своих вторых основных покупателей.

Повесив фуфайку в кладовку, я надел куртку, переложил револьвер из кобуры в сумочку, отсалютовал помощнику и вышел за дверь. Пикап брать не стал. Идти было минут пятнадцать от силы, а поскольку Ханин алкоголь обычно не злоупотреблял, не исключалось, что сегодня за компанию придется выпить и мне. У нас по-другому дела не делаются.

На улице было холодно и как-то особенно противно и промозгло; я накинул на голову капюшон и усилил шаг. Дальше будет только хуже. Дальше — это в смысле до середины мая как минимум. Грязь, вытаявший из-под снега мусор, гололед и перепады дневных и ночных температур вскорости достанут так, что волей-неволей начнешь жалеть о студенном состоянии зимы.

Несколько раз я поскальзывался, а на одной особо коварной луже, подернутой легким снежком, не удержался и бухнулся на колено. Остаток пу-

ти шел, поминая нехорошими словами товарища Ханина, которому невесть с чего загорелось выдернуть меня из дома. Но отказаться и никуда не ходить — не выход. Мало ли что стряслось. Нас с Владимиром Михайловичем не только рабочие отношения связывают, разные схемы крутили и крутить будем. Потому как с волками жить — по-волчьи выть, и никак иначе. Сожрут.

Спуск в Кишку, как называли сеть подвалов и бомбоубежищ, превращенную в подземный торговый центр, оказался самым натуральным аттракционом: ноги так и разъезжались на обледенелых ступеньках, не помогал даже насыпанный тут и там песок. В непривычно грязном коридоре орудовали лентяйками вусмерть замотанные уборщицы. Еще одна примета понемногу набирающей обороты весны. Обычное дело.

А вот что было необычно — так это столпотворение перед уродливой дверью «Западного полюса» с рельефной фигурой мерзкой одноглазой гадены. Там собралось на удивление много посетителей с какими-то непонятными свитками в руках, и что уж совсем из ряда вон — на входе их тщательно сверяли с журналом регистрации. Такого здесь не бывало отродясь.

Впрочем, мне попасть в клуб проблемой не стало: знакомый охранник срисовал еще на подходе и велел пропустить без очереди.

Внутри оказалось странно. Нет, в «Западном полюсе» всегда было странно — чего стоили одни только искривленные стены, светящиеся точки в прозрачной толще пола и дверь посреди зала, которая никуда не вела! Но сегодня обстановка и вовсе напомнила безумное чаепитие из частенько поминаемых Денисом Селиным «Приключений Алисы в Стране чудес». Такой... конкретный налет абсурда, плавно переходящий в полный бред.

Алхимические светильники, раньше неподвижно закрепленные на стенах, подрагивали и рассыпались разноцветными лучами света. Гремела музыка, от сцены расплзались клубы белого пара. Повсеместно кучковались излишне многочисленные для столь раннего времени посетители. Все места оказались зарезервированы, и это при том, что столами заставили даже обычно свободную площадку перед сценой. Еще и официантов словно со всего Форта согнали.

Что именно разносили разной степени привлекательности девицы, я не понял, да не стал и разбираться, а сразу зашагал к барной стойке, стену за которой завесили белой тканью.

Что еще за ерунда?

Ханин стоял в компании солидных мужчин средних лет, и я решил не называться, но Владимир Михайлович жестом попросил подойти. Ведущий на сцене начал что-то бубнить в микрофон, и дружиннику пришлось повысить голос.

— Слава! Ты должен был это увидеть!

— Да ну? — хмыкнул я, косясь на занавесь. На душе было беспокойно.

— Смотри!

Кто-то потянул полотнище за край, и под аплодисменты зала оно сползло на пол, явив нам медь пузатых баков и хром стальных труб.

Я на миг опешил, потом выдохнул:

— Ох ты блин...

— Так и знал, что ты оценишь! — рассмеялся Ханин, хлопая меня по спине.

— А я должен?

— Ну конечно! Для тебя всегда такая проблема выделить нам лишний кег пива, теперь в этом больше нет нужды!

И в самом деле — нужды в этом больше не было. Медные баки, блестящие и красивые, без всякого сомнения, были частью мини-пивоварни, вполне сопоставимой по производительности с моей. «Западный полюс» начал варить собственное пиво, поставки со стороны им больше не требовались.

Я будто удар под дых пропустил.

Владимир Михайлович взял со стойки кружку пива и протянул мне.

— Оцени!

Я взял пиво и посмотрел на делового партнера, теперь уже бывшего.

— Ты пробуй, Слава, пробуй.

Моя улыбка вышла на редкость жалкой, но деваться было некуда. Я отпил. Глотать не стал и с отвращением выплюнул пиво обратно в кружку.

— Моча! — объявил во всеулышание, ставя ее на стойку.

Ханин зло глянул на меня и отметил:

— Это было... обидно.

— Зато честно, — парировал я и зашагал на выход.

— Слава, подожди! — нагнал меня дружинник. — Мы будем брать бутылочное!

Я обернулся.

— Не пойдет, Владимир Михайлович. Умерла так умерла, — с ходу отклонил это предложение. — Если разрываете контракт, то целиком и полностью.

— Как скажешь, — прищурился Ханин. — Сам себя наказываешь.

— Посмотрим, — пожал я плечами и многозначительно добавил: — «Если ты вырвешь волосы, ты их не вставишь назад».

— Звучит как угроза.

— Если я раскидаю ваш объем, возобновить поставки не смогу.

— Твое право, — спокойно принял это заявление Владимир Михайлович. — Но пойми и ты нас: мы не можем позволить себе зависеть от кого-либо. Это плохо для бизнеса.

— Ерунда! — отмахнулся я. — Варите из концентратов, так? Везут их вам из Северореченска, без них пивоварня встанет. Ну и какой смысл?

— У нас контракт на три года с фиксированными ценами.

— Рад за вас. — Я развернулся и поспешил на выход.

Не могу сказать, будто так уж невыносимо было оставаться в клубе, просто требовалось срочно кое с кем переговорить. Пригласив на открытие пивоварни, монтаж и запуск которой держался в секрете, Ханин невольно оказал мне большую услугу, и я намеревался воспользоваться этим обстоятельством без промедлений.

От площади Павших до клуба «Ширли-Муры» идти было десять минут, я уложился в пять. Сдал на входе револьвер, нож и ключи, в кольцо которых было залито примитивное и вместе с тем чрезвычайно действенное заклинание «Щелчка», прошел в бар и поинтересовался, на месте ли управляющий.

— Проходите, Вячеслав Владимирович, — указал на второй этаж бармен, — он в кабинете.

Я беспрепятственно миновал охранника в служебном коридоре, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, толкнулся внутрь.

— О, какие люди! — обрадовался моему появлению Денис Селин, который с закинутыми на стол ногами через соломинку потягивал из высокого бокала коктейль. — Какими судьбами?

— Разговор есть.

Денис взял пульт и отключил звук висевшего на стене плазменного телевизора.

— Слушаю.

— Все еще интересуют поставки пива на «Стадион»? — спросил я напрямую, поскольку с подобными предложениями Селин подкатывал ко мне не раз и не два.

Только сейчас он откровенно замялся, поднялся с дивана и развел руками.

— Извини, Слава, нет потребности.

— Как так? — опешил я.

— Да просто к нам из Ключей обратились на днях. У них что-то с «Западным полюсом» разладилось, объемы высвободились. Нам теперь за глаза.

— Вот как? — улыбнулся я. — Давно обратились?

— Да уж с неделю как.

— И вы меня не спросили?

— А смысл? — вроде как удивился Селин. — Ты же объемов не хотел увеличивать.

— Не хотел, — подтвердил я, вытирая лыжной шапкой вспотевшее лицо.

Денис налил минералки, протянул мне.

— Да ты присаживайся, — предложил он. — Раз такое дело, надо новые отпускные цены согласовать. Мы ключевских серьезно подвинули, у тебя теперь слишком дорогое пиво получается.

Я отпил воды и кивнул.

— Идеальный вариант.

— Не понял? — насторожился Селин.

— Идеальный вариант, — повторил я. — Вас не устраивают цены, я расторгаю контракт и свободен как ветер.

— Уверен, что можешь себе это позволить? — задал Денис совершенно оправданный в этой ситуации вопрос.

— Уверен, — спокойно улыбнулся я, хоть вопрос и был с двойным дном.

Помимо реализации пива, Селин напоминал о покровительстве. С Дружиной в лице Ханина я разбежался, если разругаюсь еще и с ними, то придется полагаться исключительно на собственные силы. А в Форте этого может не хватить не только для процветания, но даже для элементарного выживания.

— Рискуешь, — мрачно заметил Денис.

Я допил воду и поставил пустой стакан на стол.

Доводить ситуацию до предела не хотелось. Пивоварня не столько обеспечивала стабильный доход, хоть и в убыток давно уже не работала, сколько служила оправданием безбедной жизни. Официально показывать доход от реализации таблеток Бородулина и серебра Платона не было никакой возможности. И вместе с тем — хуже нет, чем выказать слабость.

— Я тут здание бывшего штаба Патруля прикупил, — многозначительно напомнил я собеседнику. — Там площадей свободных — просто караул. Хоромы. Собственный ресторан открыть — вообще не вопрос. Но придется пиво только там продавать. Иначе целевую аудиторию не собрать в одном месте, понимаешь?

Денис кивнул.

— Так у тебя там все серьезно? — уточнил он.

— Более чем.

Невинный на первый взгляд обмен репликами по сути своей был предельно откровенным предупреждением, что покровительство Дружины я заменил дружбой с Патрулем, ведь никто не позволит выкупить столь интересный объект человеку со стороны. И значит, давить на меня не стоило. По крайней мере, не столь открыто.

— Ладно, замнем тему, — вздохнул Селин. — С пивом что делать будешь?

— Не решил пока, — пожал я плечами. — Что-нибудь придумаю. Или варить меньше стану, или новую точку открою. Видно будет.

— Мы тоже... подумаем. Время есть.

— Оно не может не быть, — хмыкнул я, попрощался с Денисом и покинул бар.

На улице налетел свежий ветер, но надевать шапку я не стал, лишь вновь вытер ею вспотевшее лицо. Ситуация не нравилась категорически. По всему выходило, что Ханин затаил зло и вознамерился меня если не сожрать, то серьезно испортить жизнь. В начале года у нас случилась небольшая размолвка, и он об этом не забыл. Моих конкурентов из Ключей о прекращении закупок Владимир Михайлович предупредил заранее вовсе неспроста. Вопрос лишь в том, участвует ли в этом Селин изначально или просто решил воспользоваться ситуацией.

Цены снизить? Хрена лысого!

Я выругался вслух и поспешил домой. Дела приняли неприятный оборот, стоило предупредить об этом компаньонов. Компаньонов и кое-кого еще...

Пока шел до бара, слегка успокоился. Хватило даже выдержки, беспечно улыбаясь, поздороваться с заглянувшими на огонек завсегдатаями. Сохранил лицо, так сказать.

Но Ивана не так легко оказалось провести. Ничего не спрашивая, мощный накачал мне полбокала светлого; я с благодарностью кивнул и налил рюмку настоящего на травах самогона, выпил и лишь после этого взял пиво.

— Все в порядке? — поинтересовался тогда Грачев.

— Есть две новости, — произнес я, отрешенно глядя на забранное рейками окно. — Хорошая: мы будем меньше работать. Она же и плохая.

— Это как? — удивился Иван. Он сразу осекся, глянул на посетителей и вновь повернулся ко мне. — Что случилось?

— «Западный полюс» начал собственное пиво варить, — ввел я помощника в курс дела и поморщился. — Из концентратов... Но, сам понимаешь, пиво там всегда было только для ассортимента. Люди совсем за другим приходят, поэтому что нальют, то и выпьют.

— Да и ладно! Тоже мне проблема! — фыркнул Грачев. — Будем с «Ширили-Муры» работать. «Стадион» на себя возьмем.

— «Стадион» уже ключевские за собой застолбили.

— Черт!

— А Селин не придумал ничего лучше, как попытаться нас по ценам подвинуть.

— И что?

Я пожал плечами.

— Пока отбрехался, дальше видно будет.

— Много потеряем?

— Надо журнал учета поднять, — вздохнул я и отпил пива. — Процент сорок точно уйдет. Да, стоит кеги внимательно проверить, когда привезут.

— Кеги проверю, — кивнул Грачев, — а дальше что?

— А что дальше? Бар на тебя оставляю, сам новым проектом займусь. Диверсифицируем бизнес. Только надо будет кого-нибудь тебе в помощь нанять.

— Пока не надо, — отказался Иван. — Потом, может. До сентября Юля с Викой помогут. Летом в Гимназии время самоподготовки после третьего курса.

— Ну и отлично, оплата сам с ними согласуй.

— Да уж договорюсь, — ухмыльнулся Грачев, который, к моему немалому удивлению, встречался с гимназистками уже без малого полгода.

Думал, разбегутся. Ан нет, не разбежались.

Ну да оно и к лучшему.

Я допил пиво и ушел к себе.

Клондайк

25 апреля, суббота

Суббота началась в подвале, на мешке, турнике и с гириями. Вроде как зарядка и все сразу.

За час выложился, старался, а попутно в очередной раз пожалел, что в городе до сих пор нет нормального спортклуба, чтобы еще и с кардио и всем прочим. Для кардио можно бегать, конечно, вон Хмель бегаёт время от времени, но не по такой же грязи, как сейчас. Да и зимой то скользко, то мороз такой, что уже не побежишь. Лучше бы зал с дорожками и всякими велотренажерами, чистая была бы польза.

Потом посетила мысль о том, что вообще-то и сам мог бы спортклуб открыть. Железо везти с Аляски машинами, там купить не проблема, здесь поставить, ввести взносы такие, чтобы сразу все окупилось... только где? Помещение нужно немалое, а с помещениями в Форте в последнее время дефицит образовался. С ростом экономики пошел резкий рост цен на аренду. При этом с клубом в промзону не полезешь, на Северную окраину тоже, что еще остается?

Здание Хмеля? Ну или чье оно на самом деле? Место так себе, но далеко не самое плохое. Надо поинтересоваться будет. Или не расплытаться пока, думать о том проекте, что с Диего обсуждали? База на Южной дороге? Там, в принципе, проще, земля ничейная, взять можно бесплатно, лишь за

регистрацию прав отстегнуть сколько-то... а дальше на деньги инвесторов. Ну и самим там что-то открыть.

Душ, неторопливый, сегодня спешить некуда, потом оделся на выход. Пока поработаю, надо патроны снаряжать, а потом, в два часа, на стрельбище. У меня сегодня занятия с «цеховыми» телохранителями, за них платят неплохо. Да и покупают они много, так что стоит убить на это пару часов субботнего времени.

Но сперва завтрак... то есть кофе с печеньем, все равно больше ничего нет дома. Кстати, хороший кофе в Форте дефицит сейчас, может, нагрузить один пикап пачками с зернами? Можно процентов сто пятьдесят прибыли получить, если по ценам судить... ну нет, сто, если сдать оптом. Тоже неплохо на самом деле.

Но не мой рынок, могу что-то путать. Лучше на незнакомую территорию не лезть. И потому что ошибиться можно, и потому, что ошибиться можно фатально. Это все же Форт, и такое явление, как «криминальный беспредел», здесь вовсе не изжито. Свои рынки люди подчас настолько нетрадиционными методами защищают, что даже думать нехорошо.

Саня вернулся под утро. Я слышал, как машина на задний двор заезжала, проснулся. Так что дрыхнуть он будет до обеда как минимум. Нам друг друга миновать сложно, потому что второй этаж нашей половины здания мы разделили на две маленькие квартиры-студии, вот и слышим, когда кто пришел и когда ушел.

Выйдя из своей квартиры, спустился вниз по лестнице. Заглянул, отключив охранные чары, в магазин, глянул на часы — сейчас Димка должен подойти, мы в субботу открыты, до пяти работаем. Он в зал, я пока вниз.

Подвал. Сводчатый, с оштукатуренными белыми стенами, пол деревянный, для тепла. Тут у нас с Саней общая мастерская. Он правый от входа угол занимает, а я левый. Верстаки, столы, металлические шкафы, полки, у Сани на длинном столе еще два ноутбука и куча переплетенных проводов.

Так, угля подбросить в печку: без отопления пока жить не получится. Открыл дверь в торцевой стене, зашел в тесноватое полутемное помещенье с топкой, взялся за лопату, черпая мелкий уголь из небольшой кучи, — всего три дня как заново закупились. Вот уголь здесь да, бизнес, тут всего в одном месте добыча, прямо на границе Форта и Города, и подгребли добычу под себя городские. А без угля не жить, на нем и ТЭЦ местная, и у всего города отопление. Дровами топить — никаких лесов не хватит.

Все, пошло гореть дальше, быть батареям теплыми. Отставил лопату, вернулся в подвал. Закрыл дверь — и опять красота и уют, шкафы да белые стенки.

Четыреста пятьдесят четвертый калибр сейчас снаряжать буду, «пустышки», а потом, если успею, «обманки».

Телефон зазвонил. Диего.

— Не разбудил?

Деликатный какой, ты гляди.

— Не, все нормально, в мастерской сижу.

— Ребята с хутора приехали. Сказали, что в твоих домах печки сложные, можешь заезжать.

— Отлично. Я туда в четверг собираюсь. — Просто замечательная новость, теперь и в Лудине снимать ничего не надо, своя база появилась. Мы

с Диего в доле этот самый хутор выкупили. Он там охотничью базу для богатеев из Форта организовал, кому хочется на того же сугробника сходить, а у меня для наших выездов перевалка теперь есть. А то вечно приходилось в Лудине мельтешить, слишком все на глазах. Из-за этого однажды городские Платона прямо там захватили, наплевав на возможный скандал, хорошо, что было на кого разменять. — А у тебя когда заработает?

— Там на пару месяцев еще работы, у меня же под заказ. Пара «вепрей» есть?

— Есть. Еще с десятков остался.

— Нам бы два «ноль-первых».

— Отложу.

«Ноль-первые» — это со средней длины стволами, лучше всего берут за универсальность, как я и предполагал. На втором месте «ноль-третьи», самые короткие. Под картечь они не очень, но у нас все спецпатроны с пулей, так что все равно сбыт бодрый. Впрочем, пуля из него тоже косо летит, вообще никак, но на дистанциях применения терпимо. Такими короткими «вепрями» местный новообразованный СОБР Дружины вооружили, при входе в помещения лучше ничего и не придумаешь.

Причем цены я ломлю немалые, хватает и Кузьминку отстегивать, и себя не обижать. Здесь себестоимость от нужности формируется. Как вот серебро в этом мире дороже золота, так и тут аналогично. Точнее, «вепри» тащат многие, но вот наносить на них рунную защиту умеют не все. Это дело чародеев, чародеи все в Братстве, а Братство огнестрельное оружие отрицает. Саня у нас только свободным художником оказался, что явление крайне редкое. Даже на пойму, как так у него получилось.

Я, кстати, и себе за основной дробовик «вепря» взял, и для Хмеля один приготовил, пусть заберет. Мало ли! А то мы из одних неприятностей в другие, из огня да в полымя, с Темой Жилиным разобрались — и тут же проблемы с Городом из-за тех калек, что Мила припрятала. И опять, и вновь ходи и оглядывайся. Одно радует — эти убивать сразу не будут, если что, скорей похитить попытаются, а это трудней. И мы к этому готовы. Морально.

— Тогда Длинный сегодня заедет. Открыты?

— До пяти, без обеда.

— Пришлю. Кстати, тебя когда в рейд гонят?

— В следующий понедельник, к Силикатке.

— Понял.

Подкрепление хочет дать? Нет, промолчал. Не хочет. Ну и ладно. Попрошались.

Так, все по порядку разложить, поддончики с гильзами, коробки с пулями, капсули... вот они, сразу в пресс... Работа нетрудная, главное, аккуратно все делать, чтобы двойную дозу порошу никуда не сыпануть. Тогда может неприятный эффект получиться, приходилось видеть.

Дверь открылась, Димка на работу пришел. Точно, как раз время. Через десять минут откроемся.

На стрельбище было солнечно, но довольно ветрено. Солнце явно пригревает уже, а ветер всю радость портит, даже не расстегнешься покуда. Но куртка все равно уже не зимняя, так что даже в этом радость.

Снег на огневом рубеже расчищен, на выщербленном асфальте стоим, так что надо еще поглядывать, чтобы в лужу не влезть. Асфальта в Форте нет, весь битум с НПЗ в Лудине в Город уходит. Ходят разговоры про деревянные тротуары — может, и начнут делать, а то Форт скоро вообще в грязи потонет. Уже зиме рад, зимой чисто хотя бы, и дороги поглаже, сами-то ямы гравием засыпают.

Курсантов у меня двадцать человек, все из отделения личной охраны Цеха. У всех револьверы «ругер» под сорок пятый, которые я же им и продал. Еще у всех дробовики есть, мои же, но сегодня по плану у нас револьвер. И промежуточные экзамены.

Народ все больше средних габаритов, возрастом к тридцати, пожалуй, шкафы в личной охране только для понтов хороши. Одеты одинаково — черные карго-брюки, серые куртки «софт шелл», черные вязаные шапочки. На куртках на рукавах и груди эмблема — шестеренка. Раньше Цех бандой был, но сообразил, что надо меняться. Ушли под Торговый Союз, превратились в охранный агентство, вполне приличное.

Вообще стараются. Платят им хорошо, набирают мотивированных, так что пытаются, так сказать, оправдать. Но вот присущую Цеху систему рукопашки с магической подпиткой, с которой они и поднялись, для огнестрела пришлось перебарывать, она только мешает. Так что больших стрелков из них уже не получится, похоже, но достаточно приличными все же сделаю.

— Упражнение «Эль Президенте», давай первый на рубеж, — махнул я рукой, настраивая таймер.

Блондинистый парень вышел из неровной шеренги охранников, встал у столика на рубеже, кивнул, что готов, поднял руки.

Я нажал кнопку, таймер пискнул. Его левая рука резко упала вниз, подернула куртку справа, правая выхватила револьвер. Он быстро, очень быстро обернулся, затем с семи метров дважды выстрелил в каждую из трех силуэтных мишеней. Немного суетливо перезарядил револьвер из скорозарядника, потеряв секунды, вновь трижды выстрелил двойками.

Глянул на время. Ну... так себе.

— К осмотру.

Он откинул барабан, выбросил гильзы в пластиковый ящик.

— Две ошибки, — сказал я. — Ты повернулся через правое плечо. Это для спортсменов хорошо, доли секунды сберегает. Для боя это плохо. Если противник сзади близко, то он может заблокировать руку с оружием. Поворачиваемся всегда через противоположное.

— Вторая? — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Ты упорно разряжаешь револьвер правой, а это потеря времени. Правая рука основная, значит, она точнее и быстрее воткнет скорозарядник в барабан. — Я встал рядом, взял у него револьвер, сначала закрыл барабан, а потом откинул, перебросив оружие в левую. А правая выдернула скорозарядник из поуча. Патроны легко скользнули в гнезда барабана, револьвер вернулся в правую руку.

— Думаю, что на этом до пары секунд можно сэкономить.

Пистолетов я им не продавал, не было их у меня тогда. Может, еще и их предложить? Четыре десятка револьверов они у меня взяли и еще просят.

— Понял?

— Все понял.

— Давай следующий!

К концу стрельб на дорожке от ворот появился начальник всех этих тельников, Роман Романович. Подошел неторопливо, пожал руку, с кем-то из своих поздоровался, поморщился на весеннее солнце. Спросил:

— Как идет?

— Прогресс есть, — в сущности, не соврал я. — Великих стрелков не делаю, но попадать буду.

— Хорошо бы. А вообще свою школу открыть не хотите?

— Стрелковую?

— Ну да.

— Смысла нет, — покачал я головой. — В Форте не так много владельцев огнестрела, а хуже всего закон. С ним даже до тира не донесешь.

— В этом и проблема. — Он поднял палец. — Люди практиковаться не могут, хотя оружие есть. А если бы был тир со своим оружием...

— Времени на это не хватит. Надо тогда бросать все остальное.

— Жаль. Хоть, может, вы и правы. Мы бы вам клиентов подгоняли.

Ты глянь, прямо в воздухе висит намек на то, что надо бизнес диверсифицировать и расширять. Весна так действует? Природа ждет обновления? Может, даже и так. Нет, мне мой бизнес нравится, будь гарантия вечных поставок — я бы так и сидел в своем магазине и мастерской, мне хватает. Но гарантий никто не дает, вот в чем проблема.

Нет, пройти через эту «дверь» может любой кондуктор, не только Платон, да только схема там больно приватная. Возьмешь чужого человека — и начнется все снова-здорово, как с Жилиным, ни дна ему ни покрывки, царствие небесное, земля стекловатой.

— Кстати, — вдруг вспомнил я, — а кто теперь охрану «Поляны» под себя подгреб?

— Под Дружиной новая фирма, «Сокол», — сказал Роман. — Не мы, — добавил он, усмехнувшись. — Так быстро место заняли, что можно даже подумать, что это именно они Тему убрали. Но мы после него пару-тройку объектов на Южном отхватили. Кстати, магазин расширять не планируете? А то «Тоledo» теперь на продажу.

— Не мой профиль, я его просто не заполню товаром, не хватит. Да и аренду там не потяну, — уже поскромничал я.

— Офис «Жилин-Сопровождение» освободился.

— Это на Пионерской?

Мне адрес дал Мстислав, когда мы искали похитителей Платона.

— Там. Есть там такой Саша Иванов, в просторечии Лысый, вот он и продает. Я так понял, что, как Жилин пропал, у его людей доступ к бабкам прекратился. Он или только сам ими распоряжался, или кто-то еще, кто тоже с ним исчез.

— А много их пропало?

— Восемь человек, говорят. — Роман ухмыльнулся. — И две машины. Как корова языком слизала. За ворота выехали, а больше их никто не видел.

— За какие ворота хоть?

— Юго-восточные. Говорят, что он через пару часов вернуться пообещал, — и с концами.

— Да и хрен с ним, если честно, — сказал я вполне даже искренне.

— Да с вами весь Форт согласен, — Роман засмеялся. — Покойный был редкой скотиной. Ну или неупокоенный, хрен знает что там с ним случилось.

— Если неупокоенный, то уже бы в Форт пришел, я думаю.

— Сейчас вытает из сугроба и придет.

Да, исчезновение Жилина было темой для разговоров в Форте и по сей момент. Нашего трюка с телепортами никто не раскусил, по крайней мере, среди бесчисленных теорий никто ничего не слышал. Так что случись надобность — можем еще раз использовать, так выходит. Саня сказал, что постановщик помех для порталов соорудить — полчаса времени, на коленке сделать можно. Так что если схема вскрыется, то все, каждый, кому есть резон за свою жизнь опасаться, такой постановщик помех на свою машину прикрутит. И все, больше не воспользуешься.

— В любом случае их офис продается, — вернулся к теме разговора Роман. — Там места как раз на второй магазин, даже с запасом, вход отдельный.

Я слегка задумался, но потом все же отказался:

— Не потяну, нет свободных денег, а в долги лезть не хочется.

— Я думаю, что там поторговаться можно, Лысый еще и в Северореченск собрался переехать. Пока под Жилиным ходил, он борзел много, а сам по себе никому не авторитет, посылают его все. Кстати, — тут он явно что-то вспомнил, — Торговый Союз с Горсоветом принимают программу льготного кредитования на освоение заброшенных районов. Если есть хорошая идея, то рассматривают и кредитуют в золоте, под пять процентов всего. Пока не приняли, но мне шепнули.

— Хм... спасибо, — кивнул я.

О таком всегда полезно знать, мало ли что выпадет.

Со стрельбища вернулся в магазин, где Димка сказал мне о том, что заезжал Длинный и забрал ружья. Саня все же проснулся и сидел за своим столом в мастерской.

— Сань, когда глушак сделаешь? — задал я ему дежурный вопрос.

— В понедельник возьмусь, — стараясь не смотреть в мою сторону, буркнул он.

— В какой конкретно понедельник? — уточнил я. — В году их минимум пятьдесят два.

— Послезавтра.

— Правда? — ехидно удивился я. — А что вдруг так?

— В смысле? — Саня сделал вид, что не понял.

— С чего вдруг я уже про не знаю какой понедельник по счету слышу, но вот именно в этот что-то должно случиться?

— Ну я же сказал! — как-то не очень логично ответил он.

— Сань, во вторник «Ниву» отберу тогда.

— Да не очень и надо! — гордо заявил он.

— Ты просто сделай, — вздохнул я, вешая куртку на вешалку.

Не успел за дело взяться, как услышал стук в заднюю дверь. Махнул Сане рукой, мол, сам открою, обнаружил за дверью Хмеля.

— Привет, Слав, как оно?

Вид у него был несколько озабоченным, но тут еще его самого надо знать — он выглядит озабоченным, даже когда все в порядке.

Совсем все в порядке не было, но проблемы у него возникли по рабочей линии, то есть вроде бы не из тех, при которых сразу стрелять начнут. Но как бы то ни было, а короткий «вепрь» я ему вручил. Так самому спокойней. Мне бы его еще по стрельбе из револьвера подтянуть, а с длинностволком он неплохо справляется, в молодости, как говорит, пулевой стрельбой занимался.

Попутно договорились про четверг, что с нами едет. Если у него в новом месте все на мази, то пора снежную ягоду закупать, это точно, пока не перезрела. Потом Хмель пошел в подвал Саню терроризировать по поводу данных обещаний, а я его мысленно поддержал, а то чародей совсем ослабился.

Часов в семь вечера решил выбраться в свет. Не в паб, в пабе я каждый день, а куда-нибудь еще. Хотя бы на предмет поужинать, потому что дома все равно никакой еды нет. Оделся чуть приличней, сменив карго-брюки на джинсы, а свитер «тактический» на нормальный, выгнал из своего гаража в арке «широкого» да и поехал.

Было еще светло, весна здесь северная, в конце апреля в семь часов еще сумерки даже начинаться не собираются. Людей на улицах хватало, как раз все с работы шли. Подумал, куда бы поехать, и остановился на «Гостевой избе» — там, по мне, всего вкусней. Наверну холодца под хреновуху, еще чего-нибудь соответствующего, а дальше видно будет.

По Красному погнал до Южного, у здания бывшей Коммуны притормозил, задумавшись. Здание что надо, все тот же красный кирпич, строено квадратом, но закрыто и опечатано. С одного угла еще и подрушено — это где братья при штурме вошли. Но обрушено не сильно, все чинится. Только репутация у места поганая, поэтому, говорят, никто его под себя так и не подобрал. Коммунары в свое время совсем рехнулись и дошли до похищений детей с последующей вивисекцией, за что их истребили практически под корень, а кого сразу не убили — того к стенке прислонили в тот же день. Хоть бы снесли его тогда, что ли, а то место вроде хорошее, налево отсюда Южный бульвар идет, а тут такой сундук мрачный.

Потом, задумавшись чуть глубже, скатался на Пионерскую, дом три, где раньше был офис жилинской конторы по сопровождению грузов. А ничего так место, дом — двухэтажный «немец», из тех, что когда-то пленные немцы строили, из такого добротного крупного желтоватого кирпича, под шифером. Такой еще сто лет простоит без проблем. Окна на первом этаже не светятся, на дверях замок. И вправду вход с улицы... мне не надо, а вот Хмель случайно расширяться не захочет? Под бар место легко пошло бы, и вон Южный прямо здесь, метров сто до него, даже меньше. Проходное место. И дальше по улице казино, то есть люди тут гуляют.

Да, надо бы уточнить, почем продается, и Славе сказать. Если и вправду цена разумная, то, может, его вообще стоит под себя подгрести, а дальше хоть инвестора ищи, с таким помещением это нетрудно будет. Второй этаж тоже нежилой, офис какой-то, только со двора вход, похоже. Так что еще и мешать никому не будешь.

● Короткое лето ●

Клондайк

16 июня, четверг

Небо то ли в звездах, то ли в алмазах, холод, продирающий даже не до костей, а сквозь кости, бешеная мозаика странных миров в глазах, а затем картинка вдруг сменяется на пейзаж — синеватый лес, широкое поле, заросшее травой, самое обычное голубое небо с белыми облаками, и рядом колышущаяся пелена. Бросив руль, я трясущимися руками вытащил из нагрудного кармана рубашки маленькую пробирку с оранжевой, чуть светящейся жидкостью, зубами выдернул пробку и опрокинул ее в рот, мгновенно проглотив горькое содержимое. И словно кто-то внутри меня тепловую пушку включил: холод немедленно отступил, скорее даже испуганно сбежал, дрожь унялась.

— Ты как? — спросил я сидящую рядом худенькую шатенку с волосами, убранными в хвост.

— Лучше, — выдохнула она, закрыв пробирку и убрав в карман. — А повкусней это никак не сделать?

— Хорошо, что хоть так сделали, а то придется, как на той стороне, виски отпаиваться.

— Фу-у... — Она брезгливо сморщилась и даже плечами передернула. — Там тоже что-нибудь придумать надо, ненавижу виски.

— Ладно, поехали. — Я схватился за длинный рычаг коробки передач и воткнул первую. — На дороге поговорим.

Большой трехосный военный М925А2, аналог, можно сказать, российского «Урала», который я прозвал «Майти Майком», рыкнул дизелем и легко, невзирая на серьезный груз и прицепленный сзади на жесткой сцепке «бронко», покатил через поле к видневшейся дороге, на которой стоял, дожидаясь нас, большой внедорожник. Глянул в зеркало, убедившись в том, что вторая машина, серый пикап F-150, тянется следом. Нормально, прошли через ворота, теперь мы опять в Приграничье. Дома, можно сказать. Впрочем, там, откуда мы пришли, я тоже дома. Везде как дома — получается, счастливый человек.

Машина перевалилась через неглубокий кювет, заросший синеватой травой, я вывернул руль, выравнивая ее по дороге. Вторая тут же, по моему следу, пристроилась сзади. Остановились, заглушили двигатели. Я толкнул скрипучую дверь (все петлю смазать забываю), выпрыгнул наружу, прихватив с собой карабин из кабины.

У внедорожника, белого «Экспедишна», нас ждали двое: сухощавый мужик спортивного вида в охотничьем камуфляже и похожий на хиппи парень с редкой бородкой, одетый точно так же. Оба, понятное дело, тоже вооружены. Место тут такое — без оружия не надо даже из машины выходить.

— Привет, — протянул я им каждому поочередно руку. — Как тут у вас?

— Штатно, — сказал сухощавый. — На хуторе спится хорошо, — до- бавил он, ухмыльнувшись.

— Видишь, уже плюс.

— Привет, ребят, — поздоровалась подошедшая шатенка.

— Привет, Мил, — ответили они хором, после чего «хиппи» спросил: — Как оттуда сюда снова? Без депрессий?

— Это дальше видно будет, как до Форта доедем, — засмеялась она. — Пока нормально, Саш.

Саша, или Саня, как его называли чаще, выудил из кармана разгрузки небольшую коробочку, открыл и протянул нам.

— Сразу по две. Перепады поля хуже, чем само поле.

— Щас. — Я полез в карман за пластиковым пузырьком с пилюля- ми. — Мне еще это нужно, блин...

Круглая, как горошина, пилюля выкатилась на ладонь. Красная и две серых от Сани. Отстегнул флягу, закинул таблетки в рот, запил водой. Лад- но, так хоть вкуса не ощущаешь.

— Как там себя чувствовал?

— Ты знаешь... Лучше, чем в прошлый раз. Тогда под конец колбасить начало, а теперь легче.

От пикапа подошел рослый молодой румяный парень со светлой боро- дой. Платон, наш проводник, или кондуктор, если угодно. На груди стволом вниз карабин LAR-458 от Rock River Arms под чудовищный патрон калибра .458 SOCOM. Это я его на той стороне прибахрил и остальным такие же привез. Кондуктора надо беречь и вооружать всерьез, он наш источник богатства и процветания, без него на ту сторону никак, и весь поток благ ис- сякнет немедленно.

— Не шалили тут без меня? — спросил он, изобразив надменную гри- масу на лице.

— Шалили, — уверенно кивнул Дмитрий, сухощавый. — Ты все про- пустил. Шампанское, дамы, канкан на столе без исподнего.

— Успею еще, — усмехнулся тот. — И с шампанского вообще репа трещит. Ну что, поехали?

Ну да. Пауза потому, что раньше машины приходилось перегружать, а теперь мы на грузовиках, так все в кузовах и поедет. Только «бронко» от- цепить и Саню туда за руль.

— Давай, отцепляем — и погнали. — Я направился к хвосту грузови- ка, натягивая на ходу рабочие перчатки. — А то сейчас какой-нибудь пога- ни набежит, а оно нам не надо. Мил, давай на капот, понаблюдай пока. — Я протянул ей компактный винтовочный прицел с латунными рунами на нем, притянутыми намотанным в несколько слоев скотчем.

— Ничего включать не надо? — чуть насторожилась она.

— Нет, он всегда включен.

В прицел прошито с помощью этих самых рун два заклятия: «Кошачий глаз», то есть ночное зрение, и «Вампир», с помощью которого можно увидеть ауры всего живого, неживого, нечистого и производного от Стужи. Местный аналог тепловизора, так сказать, но даже лучше, нашего с Саней изобретения.

— Хорошо.

Мила легко, как пушинка, заскочила с подножки на крыло и оттуда на широкий капот грузовика, а потом и вовсе на крышу перебралась. Не скрою, замер на минутку, глядя на нее сзади в тот момент, когда она карабкалась, а потом еще и снизу полюбовался. Очень уж изящна, прямо статуэтка. И даже массивные трекинговые ботинки гармонии не нарушают.

— Что притащили? — спросил подошедший мне на помощь Дмитрий.

— Да чего только не приволокли. — Я присел у сцепки. — Даже под край не загрузились. Успевай продавать еще.

— А «бронко» кому?

«Бронко» вообще классный, весь из себя черный, поднятый на шесть дюймов, на мощных колесах. Быстро уйдет — тут такое любят.

— На продажу, у Беленького выставим. А что?

— Да спрашивал тут один мужик что-то подобное, можно предложить.

— Предлагай, не вопрос. Придержи тут, пожалуйста... Для вашего магазина на весь сезон запасов загрузили, к слову.

Платон держал магазин спортивной, охотничьей и туристской одежды. Товар брал «по ту сторону», то есть на Аляске, где мой партнер Дюпре находил ему всякие распродажные неликвиды, которые продавали вообще за бесценок. А в Форте добротная одежда в цене, так что выставлял ее в своих двух магазинах Платон уже за вполне настоящую цену. А тут и лето впереди, а многие летом еще и на следующую зиму закупаются, так что нормально пойдет это все.

Сцепка упала на дорогу, и я, подняв, закинул ее в кузов.

— Вижу что-то в лесу, вон там! — вдруг крикнула Мила с крыши.

— Фигня, не успеют. Давай по машинам! Поехали.

Она ловко соскочила обратно на капот, крыло и подножку и даже дверь в кабину умудрилась открыть с нее. «Экспедишн» быстро развернулся в два приема и покатил впереди, а я тронулся следом за ним.

Лето. В Приграничье наступает лето. Недлинное, как и любое северное, но хоть немного его захватим. В конце июня даже жарко станет, наверное. По крайней мере, прошлым летом так и было. И продлится оно аж до конца августа, а потом короткая осень — и вновь долгая зима. А пока можно боковое стекло опустить, поймать тепла в кабину. Правда, комариный сезон тоже уже начался, в лесу или ближе к болотам от них спасения нет без специальных амулетов. А вот в Форте комара нет вообще. В самом городе все места, где они могут размножаться, СЭС обрабатывает, а снаружи не летят: отпугивает кровососов концентрация магического поля у городской стены. Хоть это хорошо.

— Коль, что-то вид у тебя... не то чтобы веселый? — вдруг спросила Мила.

— Да нормально все. Просто за три дня дома как-то расслабился, а теперь снова обратно.

Не соврал: на этот раз уезжать из Фэрбэнкса в Приграничье не слишком хотелось. Уже «разжился» в своем доме, вновь ощутил комфорт и безопасность, на людей и приличные машины в городе посмотрел.

— Ну а что говорят? Когда тебе насовсем обратно можно будет?

— Я же говорил, что не знают врачи. Прогресс есть, говорят, но насколько затянется... Завтра снова на обследование пойду, скажут что-нибудь. Может быть. А ты как?

— Как в отпуск съездила. — Мила улыбнулась. — Пока сама не знаю. Но задержалась бы там с тобой, если бы можно было.

— Пока нельзя.

— Я знаю, — кивнула она.

Синий лес по сторонам от дороги понемногу начал зеленеть. От границы с Севером удаляемся, магическое поле слабеет, и всякие «сквозняки» с той стороны уже не дотягиваются. Правда, вон между деревьями какая-то тень нехорошей формы замелькала, попыталась идти параллельным курсом, но быстро отстала. Тут еще дряни всякой в лесу много, уже потом, ближе к Лудину, ее поубавится. Но все равно просто так за ягодками ходить не рекомендуется — если только вооруженным до зубов и лучше не в одиночку. И даже не вдвоем.

Груженная машина катит плавно, только в кузове груз погромыхивает. «Бронко» сзади пылит, пикап уже за ним. Все штатно, все нормально, скоро в Форте будем. Тоже дома, по-своему, да. А там работы накопилось, кстати. Проектов у меня — что идей у того раввина, не знаешь, за что первым хвататься. Расти пытаюсь, так сказать, переходить на другой уровень бизнеса. Правда, боюсь того, что за новыми делами на старые времени хватать не будет, то есть на оружейный, а вот как раз им я занимаюсь еще и для души, когда все остальное исключительно для денег. Даже не знаю — следовало ли во все это лезть? С другой стороны, этот бизнес, с переходами туда-сюда, он не слишком надежен. Пока все хорошо, но... всякое уже было, а потенциально куда больше может случиться такого, что весь его ломает.

Навстречу проехали два старых «зилка», лесовозы. Из Лудина народ за северной лиственницей погнал, у них там чуть ли не естественная монополия на нее. За чужими следят ревниво и очень понятно намекают на то, что нарубить они ее и сами могут, а остальным лучше уже в селе со склада покупать.

Узик горожан, военный, выскочил на дорогу со стороны НПЗ и поехал в сторону села перед нами. Вообще летом на дорогах оживленней становится. Хоть вроде твари всякой и не меньше, но люди спокойней катаются в одиночестве, не ждут попутных колонн. Погода действует, наверное, хотя бандиты летом тоже активизируются.

На этот раз в Лудино не заезжаем. Все, отказались мы от своей базы там, к горю Борисычей, которые с этого свой профит имели. Теперь база дальше, скоро туда поворот будет, на «Вампирский хутор», но нам и туда сейчас не нужно. На выходные можно будет с Милой выбраться, в баньке попариться, шашлык соорудить, время провести. Может, даже погулять острожноенько.

Дорога от Лудина пошла вправо, теперь по ней до самого конца, до Форты — одного из самых мерзких и одновременно загадочных мест во всех вселенных. Даже не знаю, если получится перебраться когда-нибудь обратно на Аляску, смогу я по Форту и вообще по Приграничью не скучать? Тоже не уверен. Почему? Потому что там, на той стороне, все обычно, а тут на каждом шагу невиданное. Правда, в большинстве случаев это невиданное норовит тебя со свету сжить, но к этому тоже привыкаешь постепенно. Больше напрягает другое — само устройство жизни здесь. На Большой Земле я такой грызни и в недоброй памяти девяностых не видел: пауки в банке, выборы крысиного короля каждый день и каждый час. За те полтора года, что я здесь, даже не сосчитать, сколько месяцев пришлось ходить, оглядываясь через плечо. И власть городская тут лоскутная, конгломерат группировок, и бандитов всех мастей хватает, и чего еще нет. И все норовят друг другу в глотку вцепиться.

В последнее время, правда, какое-то движение к лучшему все же намечилось, самые большие крысы объединились и начали давить крыс поменьше, приводя город и область к подобию нормального управления. Но процесс этот долгий, затянется на годы, а эти годы еще прожить нужно.

Рейсовый «пазик», за ним «Урал» Патруля. У них тут опорник неподалеку. «Урал» фарами помигал: узнали. Мы вроде тоже как Патруль, а если точнее, то его резерв, и кроме меня на таком грузовике никто не ездит. Плохо, что конспирация наша как-то совсем побоку пошла: уже половина Приграничья вычислила, что Платон кондуктор, а мы с «окна» в Границе живем. Пусть бы и впрямь другие дела запустились, хоть меньше мельтешить тут будем.

Правда, с тех пор как городские верхи сумели каким-то таинственным образом наладить не то что «окно», а настоящие и всегда открытые «ворота» в нормальный мир, кондукторы чуть меньше прятаться стали, самые серьезные поставки идут четко по тому каналу, а мы уже так, на потребительский рынок работаем. Хотя бы «государственного интересу» в нас теперь нет, что радует, ибо подобный интерес тут все больше ярмом в шею становится.

Мила в кабине большой машины расслабилась, даже ноги на панель вытянула. Вытащила из сумки на полу банку кока-колы, открыла, улыбнулась, перехватив мой взгляд:

— Кусочек нормального мира. Хочешь? Я упаковку прихватила. Холодная, кстати, после перехода.

— Нет, спасибо. Кофе в термосе остался?

— Остался. Налить?

— Если не трудно.

— Для тебя что угодно, что ни попросишь, — потянулась она за термосом.

— Вот этого не надо, что «что ни попросишь», а взамен просто кофе.

— А ты чего хочешь? — спросила она, чуть подняв бровь.

— Да... все равно сейчас неактуально, колонну останавливать придется, и в окна заглядывать начнут, советами замучают.

— Ой, да ладно. — Она отвернула крышку в термосе. — Попроси отвернуться. Или слабо?

— Все равно не отвернутся.

— Ну вот, сам же и испугался. — Она засмеялась. — Держи, — протянула чашку с кофе.

— Спасибо, любимая. — Я принял чашку, отпил. Дорога пока прямая ожидается, можно наслаждаться крепким кофе спокойно.

В Форт заезжали долго, машин в очереди много оказалось, а нам с новыми лучше было сразу через эти ворота проехать, зарегистрировав въезд «бронко» и пикапа, чем потом специально этим заниматься. Но и очередь по-другому выглядела. Зимой все по машинам сидят, греются, только дым и пар из выхлопных по земле стелется, а тут все выходят, курят кучками, болтают о чем-то. Вон там, у защитного цвета «буханки», явно охотники, вон два грузовика с мешками — точно из Ключей, я один даже узнал. «Пацаны» возле праворульного внедорожника, едут откуда-то. Откуда, интересно? Братва из Форта редко выбирается, разве только в Лисьи Выселки, в казино поиграть да по борделям пошляться. Да оттуда и едут небось. Перед ними старый ГАЗ-53 — откуда и взяли такой, — гружен доской. Двое комендачей в воротах фильтруют колонну, машины на магический сканер, а всех, кто в них сидит, направляют в проходную, на отдельную проверку.

Процедура привычная, не раз пройденная, так что и в памяти особо не отложилась. На отрезке от КПП до угла Южного бульвара собралось немало машин, ожидающих друг друга, ну и мы там «накопились», ожидая, пока проедет наша последняя. А затем вновь двинули вперед, по Терешковой до Тополиной аллеи, чтобы в трущобы дальше не заезжать, и вскоре вывернули уже к себе на Красный. Там машины свернули в проулочек за нашим особняком, я выпрыгнул из кабины, и дальше мы начали трамбовать весь транспорт в тесный дворик на разгрузку.

Список, что куда, был готов у нас с Платоном заранее, поэтому и грузили машины с таким расчетом, чтобы снимать груз было удобно. Все, что для оружейного, — в подвал через заднюю дверь, с помощью выскочившего Димки Смирнова, нашего продавца, что Хмель заказывал — ему. Хмеля на месте не было, но Ваня Грачев товар принял и утащил что-то вниз, в их подвал, а что-то в каретный сарай, который у Хмеля за гараж. Заодно на задний двор выглянули две девочки-колдуньи, Ванины подружки, поздоровались, поболтали с Милой, потом убежали обратно, как только Иван со всеми делами своими закончил.

Часть груза перекинули в фордовский пикап — он Платону отходит, тоже его доля с похода, дальше пусть хоть продает, хоть сам катается, «бронко» задвинули в угол, впритирку к забору, он пока здесь постоит. Затем Мила выгнала из гаража мой черный «Гранд Чероки», и колонна двинула по Красному на юг, почти до самого конца, на территорию Братства, огражденную бетонным забором с колючкой, где возвышалось четырехэтажное здание бывшего штаба Патруля. Теперь они съехали на другую территорию, неподалеку от нас, а само здание отошло ЧОПу «Форт-Логистика», который по ходу дела подмял под себя все жилинские контракты на сопровождение после исчезновения неразумного жадного Темы. И в силу личных отношений с зампотылом Патруля Гельманом Хмель умудрился отхватить в личное пользование огромный подвал, а нам

составил протекцию в аренде гаражного бокса и пары мест на стоянке, над которой рачительные «логисты» возвели добротный навес.

На территорию запустили нас без вопросов, но тут же подошел начальник смены охраны, невысокий крепыш с длинным шрамом на лбу, спросил с ходу:

— Николай, это вы чего, четыре машины ставите?

— Привет, Паш, — протянул я ему руку. — Нет, разгрузимся просто, и три уедут. Кстати, — показал я на короткий чаромет, висящий у него на плече, — на нормальное оружие когда лицензию оформите?

— Да на днях обещали вроде. Грузовик оставите?

— Ну да, как всегда. Кстати, погода, там для вас тоже есть кое-что.

— А чего я пришел, ты как думаешь? — засмеялся он. — У старого воина нюх природный.

— Разгрузимся сначала, далеко лежит.

— А я подожду, ничего страшного.

Хороший алкоголь — валюта. Его-то они и ждут.

Территория под стать зданию, просторная. Ряд боксов от края и до края, нам самый последний выделили. Дмитрий с Платоном уже распахнули ворота бывшего гаража, в котором когда-то стояли грузовики городского «Водоканала», как я понял из еще сохранившихся надписей, и мы взялись за разгрузку.

Посреди бокса на прицепе две лодки-плоскодонки, как их называют в Америке — «джон-ботс», или «джонки», как уже мы успели перекрестить. Справа у входа угол Платона, там коробки с одеждой и обувью почти до потолка, слева моя территория, у дальней стены имущество Хмеля из того, что нет смысла держать постоянно в подвале. За счет этого бокса я свой гараж неплохо освободил, а то машины уже с трудом влезали.

Лодочные моторы, шесть штук, два наших и четыре в Ключи, для стареров, кто живут по реке на северо-западе фортовской «области». Комплекты гусениц для разных машин в коробках. Пусть пока тут лежат, к началу сезона на них дичайший спрос будет. Запчасти — мы машины возим, и их чинить надо, тоже неплохая статья доходов. Много чего натащили, все больше под заказ, поэтому и разгружали долго. С тех пор как обзавелись пятитонником, этот процесс резко растянулся по времени.

К тому моменту как закончили, я обнаружил, что всерьез проголодался. Поэтому, распрощавшись со всеми, спросил у Милы, сев за руль «широкого»:

— Может, перекусим где-нибудь?

— Может, переоденемся сначала?

— Если переодеваться поедем, то точно у Хмеля в пабе закончим.

— Ну и что? Мне нормально.

Зазвонил мобильный. То есть чарофон. По привычке глянул на экранчик — посмотреть, кто трезвонит, потом чертыхнулся — такой услуги местная магическая сеть не предоставляет. Поэтому просто ответил:

— На проводе.

— Добрый вечер, — послышался знакомый голос. — Это Линеv. Мне тут сообщили, что вы вернулись, а нам бы встретиться не мешало, есть новости.

— Хорошие хоть?

— Всякие, — вздохнул тот. — Но хорошие тоже будут, обещаю.

— Я только машину разгрузил, грязный как не знаю кто, — прибеж я к аргументации Милы. — И голодный.

— Последнее поправимо, — усмехнулся он. — Приезжайте в «Сен-Тропез», можете даже не один, ничего секретного не ожидается.

— Мил, в «Сен-Тропез»? — спросил я. — Нас приглашают.

— Мне час нужен себя в порядок привести.

— Я слышал, — сказал в трубку Линеv. — Через полтора часа, подходит?

— У нас полтора часа, — вновь повернулся я к Миле. — Успеешь?

— Успею.

— Успеем, — ответил я уже Линеvу.

— Буду ждать.

— Увидимся.

И на этом мы поехали домой. Нельзя терять времени, отведенного женщине на приведение себя в порядок.

У въезда на стоянку «Сен-Тропеза» мы разминулись с черным «Патриотом» с мигалкой, в котором сидели двое: Линеv водителя с телохранителем отпустил. Значит, он здесь уже, хоть мы и не опоздали, наоборот, чуть раньше приехали. Ради «выхода в свет» приоделись, можно сказать. На Миле костюм с короткой юбкой. «Даже не думай, что пойду в брюках, мне за зиму брюки уже во-от где!» — сказала она и при этом похлопала себя почему-то по попе, ну а я хоть и в джинсах, но все же с твидовым пиджаком и приличной сорочкой. Даже непривычно немного. Под мышкой пакет — вроде как подарок с той стороны.

Линеv сидел в кабинете, который у него, как мне кажется, чуть ли не за служебный здесь, причем сидел не один. За столом кроме него я увидел молодую женщину, крашеную блондинку с чуть скуластым лицом и чем-то немного восточным в разрезе глаз, и какого-то незнакомого мужчину, одетого в черный костюм с черной сорочкой и серебристым галстуком, что вкупе с тщательно зализанными волосами создавало впечатление, будто Линеv решил усадить с собой за стол официанта.

Хозяин стола проявил себя джентльменом, то есть встал и отодвинул стул для Милы, затем жестом тут же подозвал стоявшего в готовности метрдотеля.

— Что-нибудь на аперитив? — сразу спросил тот, выкладывая перед нами меню.

— Я буду рыбу, так что просто белое вино, — ответила Мила.

— Бутылку белого сухого тогда.

— «Петит Шабли»? — предложил метрдотель.

— Да, прекрасно.

С винами в Форте плохо. Алкоголь, что тащат с Большой Земли, все больше крепкий — так выгодней, вина везут мало. Но для «Сен-Тропеза» сам Илья, как мне кажется, наладил поставки по «промышленному каналу», так что здесь выбор есть. Чем и воспользуемся. Кстати, я три ящика

хорошего вина сам привез, для личного пользования. Надо будет тоже полочки под него заказать, в подвале.

— Знакомьтесь, — сказал Линеv. — Марина.. — Блондинка улыбнулась и поочередно протянула нам руку, начиная с Милы. — И Сергей Петраченко, работает в городской администрации. Это Мила и Николай Гордеев, хозяин «Большой Охоты», главный, так сказать, оружейник города.

Что-то новости, как мне кажется, будут не очень. Больно уж уважительно Линеv меня отрекомендовал. Но если не секретная встреча, то, по крайней мере, ни в какую историю со стрельбой меня затянуть опять не хотят. Надеюсь.

Интересно, эти двое уйдут, или разговор настолько несекретный? Или они как раз участники оногo?

— Не ожидал, что будет кто-то еще, поэтому только вам принес. — Я передал пакет, что принес с собой, Линеvu.

Тот заглянул внутрь, достал одну из четырех бутылок «Хай Уэста», заметно обрадовался.

— Спасибо. Очень мне этот бурбон тогда понравился. Кстати, как там, по ту сторону?

— Жизнь как жизнь, — усмехнулся я. — Немного лучше, чем здесь.

— Тут только позавидовать могу, — вздохнул он. — Мне туда никак. Марина вот еще может, она, как и вы оба, из провалившихся, а я тут родился.

Местным действительно за ленточку никак. Просто умрут там — привыкли существовать в магическом поле, а там его нет.

— Марин, а вы откуда? Я про ту сторону.

— Из Ярославля вообще-то, но провалилась возле Северодвинска, в гости съездила к сестре, так сказать.

— А что сейчас там думают?

— Что за границу уехала неожиданно. В Сингапур, — засмеялась она, обведя глазами кабинет. — Похоже?

— Как-то не очень. Но хоть в без вести пропавших там не числитесь.

— Илье спасибо, дали там знать от моего имени.

Разговор пошел светский, больше расспрашивали про Аляску. Петраченко вообще не участвовал, молча ел. Мы заказали форель, которую разводят в Ключах, запеченную по фирменному рецепту ресторана. Кстати, весьма неплохо оказалось, мне понравилось. На дела разговор перешел уже тогда, когда подали десертную карту.

— К новостям перейду, — сказал Линеv. — Сразу оговорюсь, это не мои решения, и я здесь в роли передаточного звена, не более.

— Я слушаю.

— Начну с плохого, хорошее оставлю напоследок. Анекдот про «на всех хватит» вспоминать не нужно. — Он усмехнулся. — Итак, первая плохая новость: вы однозначно теряете строительный проект.

Почему-то именно этого и ждал.

— А что с ним не так?

— С ним как раз все так, даже слишком так. — Он показал жестом дежурившему официанту, чтобы тот вновь наполнил всем бокалы. — Проект сочтен очень выгодным, спрос на подобное жилье будет расти, поэтому

Лига, хоть и подписала соглашение, на заседании горсовета начала качать права.

— По поводу? Доли не понравились?

— Да, они хотят сто процентов. Вы знаете, что идет передел полномочий в городе. Лига согласилась отдать все свои контракты на охрану и прочее, плюс сбор налогов на их территории теперь пойдет в городской бюджет, но они хотят равноценной замены. Дружина, например, передает им свой госпиталь, тот самый, в котором вы лежали.

— Ну, насколько я понимаю, для госпиталя это не так уж плохо?

— Разумеется, ведьмы в медицине сильнее всех. Но этого мало. Они взяли на себя часть подрядов городской СЭС, в этом они тоже очень хороши, что-то еще, но потребовали добавить в список все строительные проекты на их территории.

— Горсовет вынужден был согласиться, — добавил Петраченко. — Или не договорились бы никогда. И тогда снова конфликт, от которого все давно устали.

— То есть здесь даже пространства для торга не осталось, — пояснил Илья. — Даже «Форт-Монтаж» теряет долю в бизнесе, — упомянул он фирму сына воеводы, которая в проекте претендовала на треть.

Ну что, может, это даже и правда. А может, и нет, но именно сейчас я проверить ничего не могу.

— Я понял. Что будем делать с затратами?

— Все затраты учтены, Сергей принес чек — передаст вам, как подпишете соглашение о выходе из состава учредителей.

Спорить? Не вижу смысла. И есть подозрение, что на этом плохие новости еще не закончились. Хотя бы потому что сын воеводы тоже захочет компенсацию, а у нас с ним разные весовые категории.

— Хорошо, подпишу.

— Спасибо, хоть с этим разобрались. — Линеv вздохнул. — Следующая плохая новость для вас: поступила просьба о том, чтобы вы отказались от доли в кирпичном заводе.

— Карьер у меня в собственности, я позволю себе напомнить.

— Право частной собственности священно и неприкосновенно, — добавил он патетики. — Но распределение подрядов зависит от конкретных людей. Форт начинает строиться, вам просто будут ставить палки в колеса. Борьба с местной властью у нас... ну не очень реально, согласитесь. Я опять напомню, что это предложение исходит не от меня, я просто его озвучиваю.

— Что взамен?

— Как — что? — Линеv вскинул брови удивленно. — Карьер все равно ваш. Откуда будут брать песок и на кирпич, и на стекло? Только у вас. Да, доход заметно ниже, так и хлопот никаких, вы там практически ренту будете получать. Посадите своего учетчика или кого там, и пусть считает кубометры. Зато на вас ни кредитов, ни хлопот, ни конфликтов с тем же «Форт-Монтажом».

Ага, это уже из главного калибра пристрелочный прилетел. И упал близко. Намек на то, что конфликты точно будут, если к согласию не придем.

— Город даже долгосрочное соглашение по ценам готов подписать, — добавил Петраченко. — В золоте. Песок все равно нужен.

— Но при этом у каждого своя ниша в цепочке, — пояснил Линева. — Вы свои позиции сохраняете.

— И кому отходит производство?

— «Форт-Строю».

— Угадать попробую, — усмехнулся я. — Дочка «Форт-Монтажа»?

— Нет. — Илья покачал головой. — Новая компания. Просто учредители те же.

— Включая Линева?

— В какой-то степени. Меня тоже очень сильно урезали, если вам это интересно.

— Хм... — Я потер подбородок. — А хорошие новости точно есть? Или это именно они и были?

— Точно есть. Я просто к ним чуть позже, после десерта. Хорошо?

— Ну ладно, после десерта так после десерта.

— Вы по бумагам что решили? — спросил Петраченко. — А то мне бежать надо, в другом месте еще ждут.

Точно, он от десерта отказался. И на часы поглядывает.

— Давайте бумаги, почитаю.

Он поднял с пола кожаную папку с ручками, вытащил из нее несколько скрепленных листов бумаги, передал мне.

Договоры я читаю, так что замолчал на несколько минут. Слышно было только, как Мила с Мариной болтают. В принципе, никаких ловушек не вижу. Протокол собрания учредителей, уже подписанный остальными, о том, что я уступаю долю и принимаю компенсацию, сумма указана точно, до копейки. Договор переуступки доли в заводе в обмен на компенсацию, которая будет выплачена в форме закупок по фиксированной цене плюс... ну да, даже сверху накинули до полной ее выплаты...

Ну что? Борьбаться или нет? С одной стороны, хочется всех послать, с другой — я понимаю, что ничего из этого не выйдет и я больше потеряю, чем сохраню. Денег я в это пока не вложил, а что вложил, то сейчас отдать обещают. Доли в кирпичном и стекольном не отбирают, а выкупают, пусть и недорого и в рассрочку, но все же платят. А я туда не тратил пока ни копейки. Вот соглашение со мной или правопреемником... это к чему? А к тому, что карьер мой, а управлять будет юрлицо, понятное дело... значит, соглашение о поставках песка... цена указана, оплата по факту, даже гарантия прилагается. М-да, миллионов на песке я не сделаю, но в одном Линева прав — тут просто пенсия будет капать, а вот для пенсии суммы совсем небольшие вырисовываются.

— Хорошо. — Я выудил из внутреннего кармана пиджака ручку и расписался.

Петраченко быстро наклеил на край моей подписи кружок из фольги или чего-то похожего, как на чеках, и дал мне приложить туда палец. Кружок тускло вспыхнул и погас. Все, подпись заверена. На остальных тоже кружочки. Затем он хлопнул на подписи резиновый штамп, на штамп еще кружочек, расписался сам. Теперь и договор заверен.

— Все. — Петраченко вытащил из папки чек с логотипом городской управы, протянул мне. — Это теперь ваше, проверьте сумму. А я откланяюсь, опаздываю уже. Всем всего хорошего. — Он подхватил свою папку и быстро пошел на выход. А нам подали десерт.

На какой-то момент разговор вернулся к светским темам. Чтобы аппетит не портить, наверное. Я попутно задумался: огорчен или все же нет? Потом решил, что не слишком: не жили богато — и не хрен начинать. Я ничего не потерял на самом деле, просто не приобрел, так что не трагедия. Зато не влез в местные свары и разборки, разошлись бортами и довольно далеко друг от друга. Неприятностей за последний год мне и так хватило. Даже за полтора, потому что меня еще и убить успели. Это да, это была неприятность настоящая.

— Пошли к бару на кофе? — спросил Линеv.

— Пошли.

Понятно, продолжение беседы. Извинились перед дамами, подошли к барной стойке, где он заказал нам вместо кофе по порции коньяку. Сели в дальнем конце, бармен тактично перешел на другой.

— Теперь к хорошему. — Илья взял широкий бокал в руку, согревая коньяк в нем. — Я вчера был у Перова, там говорили о вас в том числе.

— И?

— Перов не заинтересован в том, чтобы портить вам жизнь. Просто потому что вы нам нужны. Но он прямым текстом попросил меня не дать вам уйти из вашего основного бизнеса. Мы уже от вас во многом зависим, нам нужно еще больше, а если вы начнете по стройкам бегать, то... сами понимаете.

— Я бы справился, — усмехнулся я.

— Вы уже поняли ситуацию. Вам это все надо? У вас прекрасные отношения с городской властью, вы никому не переходите дорогу, а если полезете в городские подряды, то... ну вот мне точно нужно продолжать? Да сами смотрите, ваш канал на ту сторону всем давно известен, вы уже грузовиками товар возите, и никто даже не пытается к вам подкатывать. Мы даже платим сколько скажете. Возразите, что я не прав.

Я пригубил из бокала, покатал коньяк на языке. Неплохой вроде.

— Понял. Только какая мне конкретно выгода от того, что я ограничусь оружием?

— Помните эту штуку? — Линеv выудил из внутреннего кармана своего синего пиджака автоматный патрон и опустил его на стойку.

— Тот самый, «городской»? — спросил я, взяв патрон в руку.

— Он самый.

У горожан появились автоматные патроны, на которые не действует никакой амулет. Нейтральны к магии, абсолютно. Причем вполне приличные патроны, хоть и без упрочненного сердечника, хорошие бронежилеты не пробивают. Правда, чародей Саня сказал, что патрон дорогой, очень, потому что внутри латунной оболочки какой-то очень сложный алхимический сплав, который дешевым не может быть в принципе.

— И что?

— Нам нужно какое-то решение проблемы. Гимназисты думают над новым амулетом, но ничего пока не придумали. И неизвестно, придумают

ли. У вас хорошо получаются патроны с особыми свойствами. Так вот Перов хочет, чтобы вы попытались создать что-то для нас.

— Дешево не получится, — сразу ответил я. — Не потому что я жадный, а потому что себестоимость будет высокой, это точно. Ручная работа с каждой пулей, никуда не денешься. Если у меня вообще получится.

— У них тоже высокая, мы уточняли. Всего своего войска им подобными не обеспечить, но группам специального назначения выдать хватит. Повторить сплав у нас не получится — нет алхимиков такого уровня, которые есть у них. Это уже высший пилотаж. Магическое оружие ограничено по дальности и зависит от магических способностей того, кто им пользуется, так что сами видите.

— Я бы взялся, — кивнул я. — В принципе. Мне это интересно, я сам давно думаю над тем, как сделать амулетопробивающими пули с нормальной баллистикой, а не только болванки по полкило весом каждая.

Душой я не кривил, меня этот вопрос действительно давно занимает, и думаю я над ним постоянно. У тех диких калибров, с которыми я работаю, недостатков масса. Плохая баллистика, то есть ограниченная дальность прямого выстрела, слишком мощная отдача, проблема с автоматическим оружием. Что-то я уже сегодня с собой привез, для экспериментов и личного пользования, но это все еще вилами на воде писано.

— Но там будут дополнительные затраты, — добавил я. — Мне нужно создавать новый патрон. Если гильзы еще можно завозить и перетягивать, то пуля нужна своя. А в перспективе и стволы.

— О каких суммах идет речь?

— Пока о десятках тысяч американских рублей. Причем таких рублей, которые получены легально там, в Америке, потому что оборудование для производства пуль попадает под действие лицензий BATF. Нет, не напрямую, но наличные схемы могут вызвать излишек внимания, дальше цепочка потянется. Что может повредить уже моему бизнесу. Тогда и вам не помогу, и себе все испорчу, никто от этого не выиграет, все окажутся в дерьме и глупом положении.

— Это возможно. — Линева кивнул и приложился к бокалу. — Что-то еще?

— Если у меня что-то получится, понадобится помещение и еще оборудование. Тогда я бы занялся и гильзами, капсюли пока можно возить. Или делать здесь, тут умений даже ваших алхимиков хватит. Не думаю, что им трудно создать что-то, что от накола воспламенится. Понадобится латунь с определенными характеристиками.

— Если у вас что-то получится, то с этим проблем точно не будет, Перов сам все пробьет и выделит. А насколько это расширит ваш бизнес, можете сами прикинуть. В проигрыше точно не останетесь. И в довесок вечная любовь и дружба с городской властью.

Соглашаться? Конечно. Я и так над этим думаю, а тут можно за чужой счет сработать. И вот так, как со стройкой и заводом, в этом прокатить меня не получится.

— Хорошо, я займусь этой проблемой. Как будет первый результат, если будет, — готовьте деньги на станки.

— Я понял. По рукам. Да, кстати. — Он вновь полез в карман. — Разрешение на ношение для Милы, все как просили, — протянул он мне зака-

танную в пластик карточку. — Воевода сам подписал, если видите. Сочтите это нашим извинением.

— Спасибо. — Я взял карточку. — Вот за это действительно спасибо.

Теперь Мила может носить любое огнестрельное оружие, а не только то, которое вписано в удостоверение резервиста. У меня такая есть, выдана как владельцу оружейного магазина, а теперь и ей на том же основании. Работает с оружием, может перевозить значительные наличные средства.

— Вернемся к дамам? — спросил Линеv.

Клондайк

17 июня, пятница

После ресторана разгребать в подвале коробки с привезенным было лень, так что я просто провалялся весь вечер с книгой на кровати, а рядом тем же самым занималась Мила. Играла музыка, я притащил сюда свой старый стерео, раскопав его среди всякого барахла в тамошнем гараже, а здесь мне его приспособили под магические батареи. А заодно и всю свою коллекцию компакт-дисков приволок, там она уже без надобности, там времена изменились, все из интернета качается. Много дисков, несколько сотен, пришлось полки под них у Вайсера заказывать.

Кроме того, полки хорошо освоил Барсик, тот самый кот, которого я подобрал тогда в заброшенном доме обожженного плесенью. Ожог давно прошел, кот подпитался, залоснился и, как подобает любому нормальному коту, обнаглел. Впрочем, сейчас он лежал не на полке, а у меня на ногах, не давая ими шевелить. Он у нас тоже в получателях груза значился. Притащил несколько мешков кошачьего корма, наполнителя для туалета и еще «кошачье дерево», которое еще предстояло собрать. Да, и дверки для него врезал, чтобы мог свободно перемещаться между нашей студией и мастерской. Дверку в магазин все же пока врезать не стал — там для него полузапретная зона, в конце рабочего дня выставляю его за дверь. Или Дима выставляет, когда нас нет. Но во время рабочего дня он любит валяться на прилавке у кассы и наблюдать за всем вокруг своими желтыми глазами.

— Коль, ты не расстроен? — вдруг спросила Мила.

— Честно? Не знаю. Подсознательно ждал чего-то такого, если честно.

— А я даже рада.

— Почему? — Я чуть удивился.

— А нам тут и так всего хватает, зачем больше? И все равно мы отсюда уедем рано или поздно. Давай заниматься тем, чем занимаемся. Я тебе помогаю теперь, можем на Большую Землю ездить, все у нас хорошо, а теперь еще и тихо. Зачем все ломать?

— Не знаю. — Я отложил роман Коннелли и закинул руки за голову. — Может, ты и права. И воевода прав.

— А при чем тут воевода?

— Он через Линева передал, можно сказать, чтобы я своим делом занимался, — усмехнулся я.

— Хм. — Мила задумалась. — Когда мне так говорят, сразу хочется послать куда подальше, даже себе во вред.

— Мне обычно тоже. Но задачку поставили интересную плюс финансирование пообещали.

— Да? Это меняет дело, наверное. Но вообще я рада, что так получилось, честное слово.

— Если дверь схлопнется или с Платоном что-то случится, нам станет плохо.

— Не станет. Они тебе сами все таскать тогда будут, ты им нужен. Сколько у тебя город всего покупает?

Много. Процентов восемьдесят всего, что я пускаю в продажу, идет Дружине, Патрулю, комендачам и СЭС. А те же «вепри» на переделку мне Линева поставляют. Может, и вправду говорят, что все, что ни делается, — к лучшему.

— Ладно, пусть так будет. Даже если с Платоном что-то случится, не приведи бог, то найду другого кондуктора, притащу к воротам, дам пинка — и пусть нас выводит.

— Ты вылечись сначала.

— Вылечусь рано или поздно.

— Ты к врачу завтра записан? — Она поднялась на локте, повернувшись ко мне.

— Обязательно. На три часа.

— Я с тобой.

— Зачем? — Я удивился.

— Послушать хочу, что скажет.

— Ладно, — пожал я плечами, — никаких возражений не имею.

Уснули рано, едва темнеть начало. Впрочем, летом тут темнеет очень поздно, так что не показатель. Даже жалюзи пришлось закрывать.

Утром вскочил рано, ощутив, что полностью выспался. Влез под душ, похвалив себя за то, что не забыл с вечера угля в котел подкинуть, а то летом расслабляешься и забываешь, что нужен этот котел не только для отопления. Побрился, умылся и пошел вниз, в подвал, оставив Милу в кровати досматривать сны. Магазин все равно только через два часа открывать, а ее будильник разбудит. С тех пор как наши — а в особенности ее — проблемы закончились, она со мной вместе работать начала — и за продавца, и за помощника в мастерской.

Кот пошел за мной, внимательно посмотрел, как я наполняю его миску, стоящую между шкафами, затем через очередную дверцу посетил топочную: там у него туалет. Было слышно, как он активно закапывал то, что сделал, потом направился к миске.

— У меня тоже завтрак, — сказал я ему, включая чайник.

Так, стратегический запас утреннего печенья никуда не делся, все на месте. Выложил несколько штук на блюдце, набил пружинное ситечко чаем. Ждем, пока закипит.

Ладно, пока ждем... начну вскрывать то, чего вчера сюда натащил. Много натащил, и на заказы, и в свободную продажу, и, как уже сказал, сугубо для личного пользования. Для начала несколько коробок с комплектующими для AR15 и AR10. Верхние и нижние ресиверы, много, целых два ящика разных магазинов, ящик стволов. Моя собственная FN FAL, которая лежала в Фэрбэнксе в магазине, поэтому Дюпре раньше ее сюда не перекинул,

забыл, а вот теперь, идеями полн, я о ней вспомнил. Добротная такая винтовка, полностью из стали, что мне и требуется.

Пластиковые коробки с гильзами. Пули. Порох в банках. Капсюли. Матрицы для переснарядки и переформирования гильз до нужного размера. И еще много, много всего. Раскладывал сначала по полу и быстро заполнил весь подвал, пришлось тут же начать распахивать все по шкафам. Работы невпроворот будет впереди.

Так, начнем с Проекта № 1, он самый быстрый. На верстак поочередно: четыре нижних ресивера от «Vazooka Brothers» и восемь верхних от «RWNXtreme». Для чего все так сложно? Эти верхние рассчитаны на пистолетный патрон сорок пятого калибра. То есть тот калибр, который тут нужен для не слишком большой дистанции боя и в который я могу спокойно втискивать все наши разработки, пуля большая и тяжелая. Четыре ресивера со стволами в шестнадцать дюймов, и еще четыре с короткими двенадцатидюймовыми. То есть понятно, из всего этого можно сделать карабины под пистолетный патрон, не автоматы, автоматического огня в гражданских моделях нет.

Обычная проблема в таких переделках в том, что магазины не всякие и не во все влезают. Если под девять миллиметров магазинов много и они входят в горловину легко, иногда и адаптер не нужен. Но вот эти четыре нижних ресивера сделаны под старые магазины для МЗ «масленки», которых Дюпре по моей просьбе за копейки купил целую кучу. То есть проблема снимается. И что самое приятное — это стальные магазины, то есть можно защитить еще и патроны от всяких лишних заклятий.

Так, на два нижних ставлю два «аппера» с длинными стволами, еще на два с короткими. Вскрыть ящик с магазинами, выбрать несколько, проверить, как входят, — отлично, четко по размеру. Набил один учебными патронами, вручную проверил, как работает... вроде бы без задержек. Тогда следующий шаг проверки — с живыми патронами, без всяких заклятий, понятное дело. Открыл дверь в топочную, где у дальней стены я построил домодельный пулеуловитель, навинтил на ствол глушитель, обычный, не магический, чтобы людей на улице не пугать. Потом сказал коту:

— Сейчас постреляю, попрошу без нервов.

Вскинул карабин с коротким стволом, выпустил в быстром темпе с десяток пуль в мишень. Система работала как часы, заводскую смазку я снял еще в Фэрбэнксе, так что возиться не пришлось. И работало все тихо, сорок пятый калибр с тяжелой пулей дозвуковой, глушится отлично без всякой магии. Теперь на оружие надо будет «ред-дот» поставить и пристрелять, но это уже не здесь. Кстати, не так уж и дорого получилось, и можно будет в продажу пускать, тот же СОБР Дружины с радостью возьмет. Только закончить надо, защитить механизм от все тех же вредных заклятий. Но принцип понятен, все работает.

Проверил десятком патронов все собранные карабины, прошло без осечек, задержек и прочего.

Что на очереди? Начну с вон тех трех «апперов» для AR10, в них нужно стволы заменить. Стволы тут, под рукой. Зажал первый через резиновый держатель в тисках, сняв предварительно цевье и газовую, съемником утопил «нат», провернул, скрутил, затем вытащил ствол. Выбрал новый из

ящика, осмотрел бегло, убедившись, что при транспортировке ничего не случилось, вставил на место прежнего, надел заново «нат», затянул слегка динамометрическим ключом до проворота, посмотрел — нет, порт для газоотвода пока неровно стоит. Еще чуть-чуть, прибавив на ключе усилия... теперь вроде бы ровно. Все, теперь саму трубку, выгнутой стороной вверх. Затем прикрутить цефве сразу, ствол здесь «свободно плавающий», потом поставить не получится. Закрутил руками, затягивать тут ничего не надо, надел на ствол газблок с короткой планкой под мушку, проверил тонкой отверткой, что тот встал ровно, затянул болтик снизу.

Все, с тисками пока закончили. Теперь вбить на место штифт, аккуратно, маленьким бронзовым молоточком через пробойник... и опять в тиски, проверить уровнем, как ровно стоит газблок. Пришлось чуть подправить, а дальше можно затягивать болты снизу. Первый ствол на месте. А старый пока про запас, думаю, что еще пригодится, благо он все равно новый. У меня на него тоже планы... если все получится. Затем, один за другим, установил еще два ствола.

Та-ак, теперь займемся нижним ресивером. Всеми тремя, если точнее. Точнее, даже семью, считая модели под сорок пятый. Надо просверлить отверстия для медных пластин, которые я давно заготовил, и чуть подточить изнутри флажки предохранителей. Пластины я отфосфатировал, они на винтовке даже незаметны будут, я так уже делал.

Кот уселся на верстак, внимательно наблюдая за моими действиями. Звук дрели он не любил, но все равно стойко переносил его, только морщился недовольно. Потом вдруг решил заняться вылизыванием интимных частей, так что я даже сказал ему:

— В другом месте нельзя заняться?

Отвечать он не стал, проигнорировал вопрос.

Затем спустилась Мила, умытая и причесанная, спросила:

— Завтракал?

— Чай пил с печенюшками.

— Я тебе омлет приготовлю. И себе. — И с этим удалилась.

Ага, а я пока пластинки поставлю и притяну. И потом можно затворными рамами заняться, нанести на них руны по Саниной схеме, а дальше он их активировать.

Пришел чуть раньше на работу Дима, взялся убирать в торговом зале, потом вернулась Мила с завтраком, и пришлось прерваться. Кот потребовал с омлета долю, я отломил вилкой кусочек, он его понюхал, пошевелил лапой и ест, естественно, не стал. Задрал хвост и направился из мастерской в магазин. Кусок я выбросил в урну.

Потом появился растрепанный и зевающий на ходу Саня, тоже получил порцию омлета с шампиньонами и с тарелкой уселся за свой рабочий стол. Работой я его сегодня точно обеспечу. Рабочий день планируется ударный: новый товар привезли.

После Мила уселась за пресс и взялась снаряжать патроны двенадцатого калибра зажигательной дробью, я гравировал лазером руны, потом перешел к пулям, когда отдал затворные рамы и нижние ресиверы Сане. Спросил по ходу дела:

— Сань, а как вообще амулет от пуль действует?

— Какой? Наш или городской?

— Оба.

— Ну, просто, если в принципе. Он создает вокруг тебя что-то вроде сигнального поля. Когда пуля в него влетает, создается что-то вроде крошечного портала, пуля телепортируется случайным образом, но не в тебя. Все.

— Это наш?

— Ага, наш. Алхимический чуть по-другому. Он точно так же засекает пулю, но дальше другой механизм... ну, типа внутренняя энергия амулета открывает дыру в межмирье, а оттуда сила уже целым потоком. И пространство как бы делится, то есть пуля отдельно, а ты отдельно. Но этим он и хренов, потому что вся эта энергия потоком на тебя, а не на пулю. Вредно очень.

— А почему только масса влияет, а не энергия?

— Просто потому что скорость телепорту не очень важна. Важно только, какой вес он должен перекинуть. Если снаряд тяжелый, то на него весь запас энергии и уходит.

— А в алхимическом почему ограниченное число включений?

— Там тоже энергия тратится, просто на подкачку из межмирья. Как запас иссяк, так и все. И уже не зарядить, они же одноразовые, отработал ресурс — и выбрасывай.

— Понял, — кивнул я, попутно устанавливая в рядок гильзы. — А что может разрушить портал, например? Не перегрузить, а поставить помехи, например?

— Да в принципе любые помехи в магическом поле, если достаточно сильные.

— А что их может создать?

— Да до фига что. — Саня опять зевнул. — Я тебя понял примерно. Проблема в том, что такие помехи трудно активировать быстро, пуля уже уйдет в портал, и все. То есть попадание в поле активировать их сможет, но не сразу, а там же миллисекунды.

— А заранее активировать? — уточнил я.

Так, гильзы встали рядом в кювете с водой, погрузившись чуть меньше чем наполовину. Я вытащил из стола хитрый инструмент, больше похожий на стальное кольцо на деревянной ручке, обвитой мотками медной проволоки, с небольшим аккумулятором в торце рукоятки, щелкнул по нему пальцем. Почувствовал, как от кольца пошел жар, словно от горелки. Затем аккуратно опустил кольцо на дульце, стараясь не касаться латуни. Почти сразу внутренняя сторона засветилась оранжевым. Я опрокинул зашипевшую гильзу в воду, повторил процедуру со следующей.

— Сань, а сколько времени такая помеха может работать, если ее, например, записать на кварц?

— Не знаю, от размера кристалла зависит. От трех до... ну, скажем, десяти секунд. Думаешь, как активировать при выстреле?

— Точно.

Еще гильза зашипела в воде, затем еще одна. Сейчас Димка уборку закончит, и его к этой работе приставлю, а сам займусь более ответственным делом. Мила уже штампует патроны один за другим.

— В теории можно, но тут все считать и считать нужно. Например, если активатор расположить где-то на конце ствола...

— А ты посчитай. И на удар нельзя активатор запустить?

— Не знаю, пока не знаю... — Он даже в затылке зачесал.

Увлекся мыслью, значит. Саня вообще любит новое придумывать, его за рутинную работу усадить трудно, иногда и вовсе не возможно добиться обещанного.

— Ты мне четко Тэ-Зэ сформулируй, Коль. Что конкретно нужно?

— Нужно делать так, чтобы пуля ломала или глушила портал перед собой. Пять—десять секунд достаточно за глаза, она меньше летит.

— А на кой? У нас же полный набор всякий пуль, все амулеты ломаем.

— Баллистика у всех хреновая. И отдача зверская. И тяжелое все. И много чего еще.

— Зато всякие прибабасы есть. Пустышки и все такое, — возразил он.

— Вот их я тоже хочу сохранить. — Я уронил в воду последнюю гильзу и начал выставлять их на коврик на сушку. — Вот я как вижу: пуля полая по оси, в ней несколько кристаллов кварца. Кварц твердый, он стекло режет, так что выстрел выдержит. Одно заклятие ломает портал, второе срабатывает как должно, зажигательная пуля, например. Или пустышка. Или что еще.

— Пустышки у нас от рун вообще-то работают... Но да, если пойдет еще и наводка изнутри, руны — все. Только на кристалл писать. Но все равно там наводок взаимных до черта будет, — вздохнул Саня. — Ничего толком не сработает. К тому же кварц такой... там кристаллы должны быть равны по размерам, а тут уже допуски. С допусками одно заклятие начнет передавливать другое. Думать надо. Может, даже советоваться с умными людьми.

— Возьмись, а? — Я намеренно изобразил просителя: Саня такое любит, уважением считает.

— Ну... попробую, хоть и без гарантий, сам понимаешь. Ты что, хочешь обычную пулю противоамулетной сделать?

— Угадал. Надоели мне все эти гири летающие, хочу нормальной стрельбы. Чтобы дальность прямого выстрела под триста была хотя бы. Город свои сделал, почему нам не сделать?

Город я тоже упомянул специально, Саня еще и к чужим успехам ревнив. В хорошем смысле слова, то есть тут же желает превзойти.

— У Города они без дополнительных свойств, — напомнил Саня. — И по броне не то чтобы очень.

— Согласен. А мы бы их переплюнули.

— Во-от, теперь ты на своем месте. — Мила засмеялась, отвернувшись от пресса. — Ну какой из тебя поставщик кирпича, а?

— Блин, не сыпь соль на раны. — Я засмеялся.

Но в чем-то права. Я пока тут сию и всем этим занимаюсь, чувствую себя совершенно довольным жизнью и чрезвычайно увлеченным. На кирпичном заводе так было бы? Нет, скорей всего. Тут я главное хобби работой сделал, а там так, просто денег поднять проект.

— Любимый, я правду в глаза говорю, а ты от нее прячешься.

— Да ладно, не прячусь.
— А что случилось? — заинтересовался Саня.
— Долго рассказывать, как-нибудь потом. Короче, у нас остался карьер, а все остальные проекты отменяются, они кому-то еще понравились.
— Бли-ин, в Форте все как всегда... — Он вздохнул.
— Нормально. Одна дверь закрылась — другая открылась.
— С пулями заказ, что ли?
— Отчасти. Больше сам хочу сделать.
— Но заплатят?
— Заплатят. Сколько скажем, столько и заплатят. Только проектами брать больше не будем, строго наличными. О, Дим! — повернулся я к вошедшему продавцу. — Садись на отпуск гильз, я другим займусь. Сань, там для тебя еще шесть подносики сорок пятого в шкафу лежит. Активируй их, плиз.

Тогда пора братья за руны. На пластинах они уже есть, а вот затворные рамы пока не обработаны. Раньше я их вручную гравировал, но потом попробовал притащить лазерный гравер, пригодный для работы по стали. Боялся, что заклятие на прорезанное лазером не ляжет, как не ложится на штампованное, но, к счастью своему, ошибся. А Саня еще и вписал теперь свои руны в орнамент, так что прочитать их даже проблемно стало. Захочет кто перекопировать — и не поймет, какая часть узора на самом деле работает. То есть и повторить не сможет. Защита от обратного копирования называется.

Взял первый болт-карьер, разметил, нанес пасту на нужные точки, зажал, глянул на экран ноута, убедившись в том, что там порядок правильный определен. Начали. Запах горячего металла, потрескивание, руна вырисовалась идеальной формы. Поворачиваем, всего таких шесть нужно. Чем именно эта конструкция хороша — тем, что карриер прикрывает затвор. Но на затвор тоже две руны, на стельбу, чтобы уже наверняка.

Механизация процесса — штука сильная, к обеду я Сане отдал уже готовые винтовки «на активацию», сразу все, принял от Димы большую коробку гильз триста восьмого с уже отпущенными дульцами, отложил в очередь. После поездки к врачу займусь перетяжкой, а завтра, пожалуй, перейду к пулям. Пока по старым технологиям, но все равно оружие должно принципиально новым получиться. Я так вижу. А завтра уже все на серьезные испытания и пристрелку, пока с обычными патронами.

Когда мы вышли из госпиталя и сели в машину, Мила сказала:

— Забыла совсем, я с Мариной сегодня вечером встретиться договорилась.

— С Мариной?.. — чуть озадачился я.

— Которая вчера была.

— Ну... встречайтесь, я что, против? — сказал я, поворачивая ключ в замке зажигания.

— Ну мало ли какие у тебя планы?

— Да никаких, наверное. Работы полно, буду возиться, сколько получится. А где в Форте женщинам можно вообще встречаться? — Я действительно призадумался.

Шопинг тут... ну если только украшения или что-то магическое, во всех остальных случаях он в том же Фэрбэнксе и то лучше. Клубы, рестораны? Если только те, где охрана хорошо работает, местечко-то то еще.

— Фитнес открылся, она мне там членскую карточку организовать пообещала.

— Фитнес? Вот давно пора. А где?

Я даже думал о том, чтобы самому спортклуб запустить, а сейчас это вдвойне актуально становится, после того как в подвале у нас рабочих мест прибавилось, и даже висящий там мешок уже откровенно мешает перемещаться. Кстати, на новой территории Патруля вполне приличный зал, почему бы туда не ходить? Не, я всегда любил заниматься сам, дома, но все же для этого некий простор нужен, а с ним теперь сложно.

— На городском стадионе, говорит.

— Считай что рядом.

— Тебе на вечер машина не нужна?

— Нет, но вторая все равно есть, так что забирай. На «Экспедишне» поезжу, если что, никаких проблем. А что там есть, в фитнесе этом?

— Классы разные. Спиннинг, боди-памп, еще что-то. Посмотрю.

— Хорошее дело. Я тоже, пожалуй, завтра в зал Патруля загляну.

Как раньше не сообразил? И недалеко, и в полном праве.

Кстати, не забыть Миле к зиме машину притащить, «Экспедишн» тогда на гусеницах будет, а одну не всегда поделишь. Что там у Дюпре на стоянке еще оставалось в запасе? «Такома» прошлого поколения с двойной кабиной и такой же по возрасту «рэнглер», если из небольшого. Больших она не любит — пока жила в Фэрбэнксе, даже не стала ездить на моем «силверато».

— Может, ты тоже в мастерской до ночи сидеть не будешь?

— Может, и не буду. К Славе тогда зайду на пиво и все такое. Просто закончить сегодня кое-что охота.

— Завтра закончишь. Кстати, тебе врач сказал несколько дней себя шадить. Ты это тоже слышал или только я?

— Он не работу имел в виду. — Я засмеялся. — Под перепады полей не залезать.

— Работу тоже, а то бы он уточнил. Ладно, чего сидим? Поехали. Хоть помогу тебе сколько успею.

Даже заброшенный район между Госпиталем и Красным проспектом летом не так мерзко выглядит. А ближе к Красному и народу на улицах очень прибавилось, особенно на площади Павших. Шашлык прямо на улице, временные открытые кафешки, для детей аттракционы. А вон красный «Блэйзер» Селина по улице прокатил, куда-то на север, сам Денис за рулем, его представительный профиль ни с каким другим не спутаешь. Я, наверное, все американские машины в городе наперечет знаю, потому что подавляющее их большинство сам же сюда и затащил. Кстати, а может быть, Миле не тащить другой машины, а просто взять под себя тот «бронко», что мы приволокли? Платон с Дмитрием ее вчера отогнали к Беленькому, но она наверняка еще не продана.

Нет, в городе и по зиме он так себе будет, а ей «рэнглер» нравится. А может, у Дюпре что-то еще к тому времени появится. Подумать надо. Деньги сейчас есть, товар на продажу тоже, плюс затраты вернули... может,

проще и забрать из сервиса обратно, пока не купили, чтобы потом голова не болела. Неохота мне рейдовую машину по городу просто так гонять, она у нас для дела, причем важного. Мало ли что.

На повороте разминулся с тойотовским внедорожником, за рулем женщина. Показалось даже, что та самая ведьма, из-за которой у Хмеля все недавние неприятности были. Но, может, и не она.

У входа в паб машин прибавилось — у кого-то уже, похоже, рабочий день закончился, хоть еще и пяти нет. Плюс Хмель столики под зонтиками на тротуар выставил, вроде как терраса летняя, там теперь все курильщики собираются, которые зимой на крыльце трясутся.

Загонять машину в гараж не стал — все равно на ней Мила скоро уедет, — оставил перед магазином, за припаркованной у самых дверей китайской копией старого японского «хайлюкса» с двухместной кабиной. Покупатель?

Точно, в торговом зале я обнаружил двух китайцев, приценивающихся к дробовикам. Дима что-то объяснял одному из них, тощему и немолодому, тыча пальцем в руны на ресивере. Тот кивал, а второй, повыше и заметно моложе, просто глазел по сторонам, сунув руки в карманы кожаной куртки. Я поздоровался, они вежливо ответили, но дальше продавец и без меня разберется, я тут в совсем заковыристых случаях нужен. Так что мы просто прошли мимо и спустились в подвал, где я с некоторым удивлением обнаружил над чем-то колдующего Саню, хотя к этому времени трудовой пыл у него обычно угасал.

— Как здоровье? — спросил он, обернувшись.

— Здоровье в порядке, спасибо зарядке. Без последствий скатался, все в норме.

— Ну и отличненько. Я все прошил, что у тебя было, в шкаф сложил.

— Спасибо, Сань, завтра еще подкину. А ты чем там занят?

— Да, блин, — махнул он рукой, — над твоими идеями думаю, экспериментирую помаленьку. Интересная задачка.

Ага, все как я и говорил, Саня вызов принял.

— Хмель забегал, кстати.

— Чего хотел?

— Тебя спрашивал. Но вроде не срочно, а то позвонил бы уже.

— Наверное. А задачка реально интересная. Мил, у тебя что по плану?

— Двенадцатый дособирую с «обманками», сколько успею, — обернулась она. — Мне через час двигаться надо.

— Да это не к спеху, в зале патроны есть, а Патруль свой заказ только в понедельник заберет.

— Все равно, все равно пока больше делать нечего.

Ладно, а я тогда займусь гильзами. Пока. А как Дима освободится, перепоручу ему, а сам все же за пули примусь — там работа тоньше.

Сначала гильзы надо смазать. Дульца ватной палочкой сперва тщательно, затем нанести лубрикант на специальный коврик и тщательно прокатать все руками. Если смазано плохо, то можно повредить. Сколько тут Дима успел отжечь? Ага, триста штук, для начала вполне достаточно.

Я успел смазать все и даже установить первую гильзу в пресс, когда он спустился в подвал и сказал:

— Взяли «рема» и сорок патронов разных.

— Спасибо. Давай подмени меня тут, я покажу что делать. — Работа несложная, просто аккуратно надо, но он умеет. — Шеллхолдер на триста восемь, видишь? — Я ткнул пальцем. — А матрица на триста тридцать восемь. Это первый этап. Пропускаешь все, затем меняешь ее на триста семьдесят пять и все повторяешь.

— Фигасе калибр, — удивился он.

— Нормальный калибр. Потом смотри, — положил я у пресса распечатку, — тут все в дюймах, но пересчитывать не будем, микрометр тоже в дюймах. Гильзу потом протриммить надо, но только по длине, дульце и так тянутое. Длина должна быть в один и восемьсот шестьдесят пять, не больше и не меньше. То есть снимать нужно где-то ноль сто пятнадцать, потом замеряй снова и затем опять режь, если нужно. Понял?

— Да понял вроде.

— Ну и фигачь, раз понял.

Коробки с пулями я давно уже приготовил, просто руки чешутся начать. Не тупые болванки, а самые настоящие «Сьерра Матч Кинг», целевые. Мне насчет этого нового калибра Дюпре подсказал, и он же заказал стволы от «X-Caliber» под него. Причем не просто стволы, а с криогенной обработкой от «300 Below», то есть то, что нужно.

— А что за патрон-то? — как раз в такт моим мыслям спросил Дима.

— Триста семьдесят пять «раптор». Живого калибра нет, он исключительно под перетяжку триста восьмого, из него и сделан. А пули сам видишь.

— А вес какой?

— Пока аж триста пятьдесят грейнов. Но форма пули — опять же видишь все сам. Дозвуковая. Потом с другими, полегче, поэкспериментируем. Глушителя пока на этот калибр нет, если только самому точить.

— Нормально, — кивнул он уважительно. — Это что, почти двадцать три грамма? — прикинул он в уме. — И девять с половиной миллиметров?

— Именно.

— А отдача как?

— Терпимая, вполне. И летит прилично, на три сотни вменияемая траектория. Та, что полегче, еще лучше полетит. Если по тварям всяким, то у них амулетов нет.

— Хм, — покачал он головой и вставил в пресс очередную гильзу.

Ну а со мной все ясно, это будут «пустышки», так что выгоняем на лэптоп нужные руны и начинаем аккуратно гравировать их на пулях, ближе к хвосту, тогда они еще и дульцем будут скрыты. Хотя руны — это далеко не половина дела и даже не четверть. Секрет в тех заклетах, которое в них Саня потом заливать будет.

Мила уехала без четверти семь, а я просидел в подвале до девяти. К этому времени я с пулями закончил, а Дима с гильзами, после чего я все сложил по поддончикам, а поддончики с пулями переставил Сане на стол. Пусть с утра и прошивает в них свои заклета хитромудрые. И на этом решил, что на сегодня закончил. Взял один из новых карабинов под сорок пятый, уже прошедший обработку у Сани, с коротким стволом, набил шесть магазинов патронами, «пустышками» и «обманками» через один, под «дабл тап», и отнес наверх в квартиру. Это теперь наряду с остальными

стволами в студии будет личным оружием. У меня его тут уже целый шкаф, откровенно говоря, но запас карман не тянет. И завтра такой же Миле подберу, я больше из-за нее все это и придумал — неудобно ей все то, что у нас есть, из-за невеликого роста и хрупкого сложения.

Переоделся, умылся, привычно проверил наличие патрона в стволе моего «Ruger SR1911»... да, любимый «кимбер» ушел в шкаф, где и лежит теперь. С тех пор как Саня все же сотворил «подствольный щелчок», мне нужна планка для его крепления. Эту модель, древний 1911, делает много кто, и в том числе с планками, но вот проблема — теперь почти все производители покрывают пистолеты серакомом, а он почти начисто отрицает нанесение рун защиты, хоть вручную, хоть лазерной гравировкой. А у моделей из полированной нержавеющей стали почему-то нет планки. И только старый добрый «Штурм и Ругер» делает эту модель из вороненой стали и с планкой под всякое нужное.

Впрочем, после некоторой практики пистолет мне даже понравился. Раньше на удивление невысокая цена пугала, но оказалось, что зря. Литая, а не фрезерованная рамка? Ну и что, даже пластиковые и алюминиевые работают без проблем. Кучность чуть ниже, чем у того же «кимбера», за счет допусков, но так пистолету она особо и не нужна. Зато качество ствола ругеровское, то есть отличное. Плюс штатные восьмизарядные магазины из нержавеющей стали, которые мы с Саней тоже обрунили, а затем я на каждый установил «спид-бамп», то есть нечто вроде подушечки для быстрой перезарядки.

Отличный спуск, классический ранний дизайн, хорошие прицельные. А когда я в Фэрбэнксе устроил испытания и без единой задержки пропустил через пистолет две тысячи патронов разного вида и от разных производителей, включая самые плохие, без всякой чистки, то задумался над вопросом: и за что я раньше столько платил? Так что с «ругером» теперь и хожу.

Итак, «ругер», «Щелчок» к нему отдельно, «спайдерко» в заднем кармане джинсов и запасные магазины на ремне, накинул куртку «софтшелл» и пошел в паб. Вот сегодня я точно пиво заслужил, трудился как пчелка, можно сказать. Но и сделал много.

Машин перед магазином не было, зато перед пабом прибавилось. Среди них заметил знакомый шестьдесят девятый «газончик» Смирнова. Ага, очень даже кстати. И в любом случае со старым геологом и заместителем начальника городского Арсенала приятно пивка выпить. Интересный дядька, умный и с чувством юмора, хоть и выглядит как ханурик. И кстати, чего там Хмель хотел?

На улице уже прохладненько, но народ под зонтиками все равно сидит, в куртки кутается. И даже свободных мест не видно, — вот что значит северное лето, люди каждую его секунду стараются использовать. Три сдвинутых стола заняты одной компанией, все больше молодые крепкие мужики. Ага, и Клим с ними, я его знаю. Начальник охраны рынка, они с Хмелем давно в корешах.

Подошел, поздоровался, попутно пожав руки нескольким знакомым и незнакомым братьям. Что-то отмечают.

— А где местная власть? — спросил я у Клим.

— В бане париться изволят, — усмехнулся тот. — Подойдет скоро, я думаю.

Я кивнул, толкнул дверь с колокольчиком, зашел — и зал почти полный, но все же места есть. За стойкой.

Ага, и вон Смирнов за последним столиком, в компании еще каких-то двух мужиков, пиво в руках нянчит. Подошел и к нему, он руку мою придержал:

— Ты быстро не убегай, Коль, разговор есть.

— Так я только пришел, куда мне убежать?

— Вот и славно, разопью с тобой по кружечке, как с товарищами закончим.

— За стойкой буду.

Пока за стойкой возвышался башней Иван.

— Здоров, Вань. Какие дела?

— Да как сажа белая, но дышим пока.

— Вика! — остановил я проходившую рыженькую девочку, собиравшую со столов пустые кружки. — Умница, красавица, спортсменка, комсомолка, красота наша неземная. — Я открыл пакет, который принес с собой, вытащил оттуда две коробочки, обе протянул ей. — Где твое второе «я»?

— Мм... сейчас придет, — ответила Вика, едва заметно покосившись в сторону туалета. — А что это?

— Вроде как сувенир. — Я открыл коробочку и достал оттуда огромный медвежий клык на золотой цепочке. — Не из магазина, понятное дело, приятель мой сделал. Вчера не смог отдать, коробочка под остальным грузом лежала. Что на него записать — уже твое дело, сама понимаешь.

— Ой, спасибо, — заулыбалась она. — Это за какие заслуги?

— Эстетического порядка, теперь сюда заходить в два раза приятней, — отпустил я уже совсем безбожный комплимент, хотя девочки и в самом деле были миленькими. — Ну а второй такой же... вон для нее, — кивнул я в сторону появившейся в зале Юли, которую проще всего было описать как «брюнетку с формами».

— А мне? — спросил Иван.

— Остальные с пломбами были, некрасивые, а то, что вообще от медведя осталось, тебе не понравится.

— Вот всегда так, — вздохнул он тяжело. — Что налить?

— Да как всегда. Вань, а пожевать что есть?

— Котлеты с картошкой. Подогреть?

— Неплохо бы. Только пиво сперва.

— Юль, налей пока, я на кухню, — сказал Ваня брюнетке и сразу направился в дверь за стойкой.

— Светлое или темное? — спросила Юля, заходя за стойку.

— Давай, пожалуй, темное сегодня, — изменил я первоначальную идею.

Она достала бутылку, аккуратно перелила пиво в высокий бокал.

— Что-нибудь еще?

— Нет, все в порядке, спасибо.

— У нас орешки и сухарики появились, — известила она. — Хотите?

— Хочу. Но после котлет.

Тут в зале появился Слава. После бани румяный и явно довольный жизнью. Оглядел владения, проверяя, все ли в порядке, зашел за стойку, протянул руку.

— Как съездил?

— Нормально. Лучше, чем в прошлый раз, почти не плющило. Работают пилюли.

— Заказываю еще?

— Давай. Тебе сразу деньги или по факту?

— Потом отдашь.

— Что тут за юбилей у вас? — кивнул я в сторону «братских» столов.

— Да день рождения у одного там, заказали три стола.

— Держи, это твое. — Я выставил на стойку уже сам пакет. — Три «Хай Уэста» — хоть сам пей, хоть дари кому.

— Во спасибо, — убрал он пакет вниз. — Чего интересного на той стороне?

— Спокойно, тихо. Не, ты прикинь: в Фэрбэнксе уровень преступности чуть ли не один из самых высоких в Америке, там всякой швали заезжей до черта. А с Фортом сравнишь — так почти рай.

— С Фортом вообще лучше ничего не сравнивать. — Хмель усмехнулся. — Это несравнимо. Разве что Сомали какое-нибудь.

— Я там привез кое-что стреляльное, новое. Зайди глянуть, как время будет. Пока такого не было.

— Да? Загляну. Это тебе? — спросил он, увидев Ивана с тарелкой и приборами.

— Ага. Хорошо поработал и хорошо пожую.

— По пятьдесят? — Хмель, не дожидаясь ответа, вытащил из-под стойки бутылку своего травяного самогона и две стопки.

— А давай, для аппетита.

Он быстро разлил, мы чокнулись. Я закусил котлетой, а Слава выгреб откуда-то горстку орехов и закинул в рот.

— Откуда орехи, кстати?

— В Северореченске как-то выращивать начали, купил вот соленых на пробу. Идут хорошо.

— Вообще их бесплатно к напиткам предлагать принято, — намекнул я.

— Так не в Форте же. Не поймут. Дурак, скажут.

— Тоже верно.

— Ладно, я к Климу, ждут.

— Давай, я все равно здесь буду.

Доел спокойно, допил пиво, заказал следующее, а заодно и орешки, и сухарики, исключительно на пробу. На середине второй кружки Смирнов подошел, заказал и себе очередную.

— С коллегами был, — кивнул он в сторону выходивших мужиков. — Пошли за стол, пока не заняли. Разговор есть.

Разговор так разговор. Подхватил свою кружку и блюдо с орешками, переставил все на тот самый стол, потом вернулся за сухариками.

— Звонить тебе собирался, а тут ты сам, — пояснил Смирнов. — Ты насчет экспедиции по реке не перегорел пока?

— Нет.

— А то сезон в разгаре, скоро уже и на убывль пойдет.

— Идти-то зачем? Цель нужна более или менее ясная.

— Да я все над картой сидел, думал. — Он почесал лысину. — Там закономерностей куда больше, чем мы тогда с тобой вскрыли. Кладезь знаний, а не карта. Если посмотреть все те места, что мы выявили, и наложить просто на карту нашей необъятной, то появляются новые нюансы, которых мы раньше не заметили.

— Это какие? — заинтересовался я.

— Привязка территорий к конкретным областям России. Или не России, как в вашем случае. Точки провалов тоже локализуются, причем по двум критериям. — Он быстро увлажнил пивом горло, затем вытер губы бумажной салфеткой. — Первый — это привязка к конкретным районам в том мире. Люди не случайным образом сюда сыпались, а из конкретных регионов в конкретные районы Приграничья.

— Ну это да, Город же с Далька, туда и китайцы валят.

— Верно. Но это заметили только потому, что сами китайцы в глаза бросаются. А систематизировать остальное ни у кого руки пока не дошли.

— И что выходит? Что можно как бы наложить районы той карты на эту?

— Да, именно так. И вот я по реке нашей прикинул. По ряду критериев, включая тот, что вдоль нее староверов прорва, так?

— Да.

— Так вот купно со всем остальным у меня выходит, что наша река — это примерно район Красноярского края, ближе к нижнему Енисею.

— Хм... — Тут уже я к пиву приложился.

— Может быть, Сым, приток такой. Или Нижняя Тунгуска. И знаешь чем те места знамениты?

— Чем?

— Там натуральный российский Клондайк был, если тебе так понятней. Золота там великое множество.

— И здесь? — все же уточнил я.

— Очень вероятно. И еще мы знаем теперь, как примерно искать, верно?

— Замеряем фон?

— Именно. Замеряем, ищем «подковы», как такая нашлась — проверяем. Умеешь проверять-то?

— Ты будешь смеяться, но умею, — развел я руками. — В Фэрбэнксе мыть золото — хобби. Народ так развлекается. Так что с лотком управляюсь и примерно знаю, где мыть начинать.

— Намыл что-нибудь?

— Да так, чуть-чуть, в баночке на полке золотой песок держал, для красоты.

— Сюда лоток не привез, часом? Или сделать могу.

— Сделать и я могу. Но сказал бы раньше, я бы еще и промприбор привез, там они во всех магазинах продаются.

— Ну ты скажи... — Смирнов усмехнулся. — Тут ты сам думай. Я бы быстрее пошел, просто с лотком. Нам же не добыча нужна, нам оценка. За добычу нас со свету сживут в единый миг, «мама» сказать не успею.

— Кто бы сомневался.

Павел Корнев

ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК

ЭПИЛОГ, или ВСЕМ НУЖЕН КЛОНДАЙК

Когда у Андрея появилась идея написать книгу о Приграничье, я этому только обрадовался. Мне был чрезвычайно интересен результат. Но вникнуть в чужую вселенную достаточно непросто, постоянно возникали вопросы, обсуждались какие-то детали и неочевидные мелочи. И в какой-то момент Андрей предложил соавторство.

Первую книгу мы написали за месяц. Сюжетные линии постоянно пересекались, требовалось работать быстро, чтобы не тормозить текст соавтора. Было интересно. Случались и споры, некоторые из них даже нашли отражение в тексте. Где-то я принимал аргументы Андрея, где-то он соглашался со мной. Итого — четыре книги, и в планах была как минимум еще одна. Но не срослось.

Сам я этот подцикл продолжать не стану. Приграничье никуда не денется, но не «Хмель и Клондайк». У этих книг было два автора, и Клондайк — герой стопроцентно крузовский. Его персонажем он и останется. Поэтому — эпилог.

Все истории когда-нибудь заканчиваются. Закончилась и эта. И я думаю, она вполне могла закончиться именно так...

Хмель. За день до конца

1

Утро! Лето! Шум...

Из-за планов по застройке соседнего квартала подрядчик затеял расширение подъездной дороги, и вот уже третий день с рассвета и до заката за окнами бара беспрепятственно грохотал отбойный молоток. Бригада рабочих в грязных спецовках, респираторах и касках весьма обстоятельно и без лишней спешки сносила оставшийся от разрушенного особняка цокольный этаж. Над пустырем витали клубы пыли, ветер то и дело окутывал ими уличные столики. Посетителей на летней веранде заметно поубавилось, да и в баре тоже в последние дни аншлагов не наблюдалось.

Я вытер вспотевшее лицо и взглянул на охватившую запястье серебряным браслетом «Омегу». Без четверти девять — самое время открывать бар. Непривычно весь день стоять за стойкой от звонка и до звонка, но Иван был занят, вот и приходилось крутиться самому.

Отперев входную дверь, я вернулся за прилавок, пошарил в кармане карго-брюк и вытащил запаянный пластиковый пакетик. Как назло, упаковка оказалась негерметичной, доза порошка набрала влаги и закаменела.

Ну, Виктор Петрович! Ну, е-мое!

Такие деньги за эту алхимическую дрянь плачу, нельзя аккуратней, что ли?

Я помассировал занывшее плечо и взялся за выкидной нож. Сначала пяткой рукоятки растолок кристаллическую массу, затем высыпал содержимое пакетика на разделочную доску, выщелкнул клинок и принялся методично измельчать препарат в порошок. Это, конечно, не семь ежедневных пилюль, но тоже мороки хватает...

Через прерывистое грохотанье отбойного молотка с улицы донесся шум подъехавшего автомобиля. Я машинально завел руку за спину и приподнял край фланелевой рубахи, высвобождая рукоять «тауруса». Заодно кинул быстрый взгляд на арсенал под стойкой, но тревога оказалась напрасной. Пожаловал Ермолов.

Бывший начальник пограничной службы, за годы кабинетной службы изрядно прибавивший в весе, оказался в неожиданно приподнятом настроении.

— Привет работникам общепита! — объявил он прямо с порога.

— Здрав буде, боярин, — отозвался я, убирая руку из-за спины. Затем скрутил из струблевки трубочку, склонился над разделочной доской и втянул порошок сначала в одну ноздрю, а потом и в другую.

Уф, жестко пошло! Изнутри череп словно металлическим ершиком поскребли.

— Ну ты вообще без палева! — фыркнул Ермолов, расстегнул легкую джинсовку и уселся на высокий стул. За годы кабинетной службы он изрядно прибавил в весе, и рубашка туго обтягивала немаленьких размеров живот. — Смотри, возьмут дружинники под белы ручки...

— Рецепт же... — выдохнул я, помотал головой и вытер выступившие на глазах слезы. — Ты только заказ забрать или выпьешь чего?

Ермолов задумчиво огладил короткую бородку и махнул рукой.

— Наливай! Только бутылочного. Того темного, с этим... как его... с мозаиком!

— Блэк ИПА? Он и на кране есть.

— ИПА-фигипа! Нет чтобы по-русски назвать, — фыркнул Ермолов. — Давай разливное тогда!

Я подставил бокал под кран и принялся качать помпу.

Дословный перевод «черный бледный эль» — тот еще загиб. И «черный светлый эль» звучит ничуть не лучше.

Ермолов принял бокал, вдохнул аромат и сделал небольшой глоток.

— Отличное пиво. Нормальное название есть у него? Без этих ваших «сингл хоп» и прочей лабуды?

— «Черный крест».

— Почему?

— «Потому что гладиолус».

Ермолов фыркнул и спросил:

— А сам чего не пьешь? Или тебе и с порошка хорошо?

С порошка мне было... никак.

— Это чисто в медицинских целях, — сообщил я, потирая нос.

— Ну, Слав! И за чем тогда дело стало? Наливай!

Я подумал-подумал и накачал полбокала темного и себе. Но отхлебнуть не успел. Задребезжал телефонный аппарат, пришлось снимать трубку.

— Хмелев слушает, — произнес я, выслушал собеседника и ответил: — Нет, Гордеева нет. Не знаю, когда будет. На днях.

Александр Ермолов навострил уши.

— Нет Клондайка, да?

Я глотнул пива и усмехнулся.

— А чего ты хотел? Янтарь ему толкнуть?

Бывший начальник погранслужбы даже от бокала оторвался.

— С чего взял?

— Земля слухами полнится. Говорят, ты теперь янтарный барон.

Ермолов надолго приложился к пиву, потом покачал головой.

— Не, янтарь — это временный этап. Я в таможенные брокеры подался. Есть к твоему соседу деловое предложение.

— О-о-о! — протянул я и не удержался от неудобного вопроса: — Сам в отставку собрался или попросили уйти?

Александр покачал головой.

— Слава! Ну ты как маленький, честное слово. У нас попросить могут только к стенке пройти, никак не в отставку. Гибче надо быть и нос по ветру держать.

Я отставил бокал, пригладил короткие волосы и кивнул.

— Без гибкости никак, да.

Ермолов ответил понимающей улыбкой и вдруг спросил:

— Ты никак хиппуешь?

— В смысле? — не понял я.

— Фенечка же!

Я оправил задравшийся рукав рубашки, из-под которого выглядывали нити с резными бусинами, и покачал головой.

— Просто подарок.

Объяснять, что это изготовленный специально для меня колдовской оберег, не стал. Ни к чему это. Чем меньше людей в курсе, тем лучше.

— Аккуратней, так и до кольца в носу недалеко! — хохотнул Ермолов.

Распахнулась дверь, с улицы ворвался шум отбойного молотка. Вставший на пороге долговязый парень в кожаном плаще и кепке что-то сказал, но его слова заглушил грохот.

— Ехать пора, — повторил он, прикрыв за собой дверь.

Ермолов допил пиво и вздохнул:

— Уже накурился, что ли?

Долговязый поморщился.

— До темноты успеть надо.

— Не парься, если что — в Соколовском заночуем,

— Вот ты, Шурик, простой как три копейки! И за чей счет банкет?

— Поляна с меня, не сомневайся, — успокоил Александр спутника, но тянуть не стал и соскочил со стула. — Ладно, Слава, посчитай с невозвратной тарой. И добавь к заказу ящик «Черного креста». Наберешь бутылочного? Мне бы корешу подарок сделать, уважает он темное.

— Сейчас посмотрю, — сказал я и ушел в кладовку.

СОДЕРЖАНИЕ

ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК	7
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК	327
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН	609
КОРОТКОЕ ЛЕТО	897
<i>Павел Корнев. Хмель и Клондайк. Эпизод, или Всем нужен Клондайк</i>	1167